

Спасский А.Г.

ЧИСТЫЙ ДОМ

18+

Андрей Спасский

Чистый дом

«Автор»

2023

Спасский А. Г.

Чистый дом / А. Г. Спасский — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-90866-6

Научно-фантастический роман «Чистый дом» представляет собой увлекательный рассказ о возможном будущем нашей планеты. Кто обладает правом на жизнь? Стоит ли жертвовать одним ради блага других или же лишать жизни миллионы ради счастья небольшой группы избранных? Актуальны ли вечные ценности? Нужно ли оставаться человеком в любых обстоятельствах? Главные герои романа, Юрий и Дмитрий, живут в разные эпохи, но каждому из них предстоит сделать сложный выбор. Как связаны эти две эпохи? Сделают ли герои правильный выбор? Кто поможет им, а кто внесет раздор? Все эти ответы вы найдете в этом романе. Вы не захотите расставаться с его героями... Приятного чтения!

ISBN 978-5-532-90866-6

© Спасский А. Г., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	40
Глава 16	43
Глава 17	45
Глава 18	48
Глава 19	51
Глава 20	52
Глава 21	55
Глава 22	58
Глава 23	60
Глава 24	64
Глава 25	67
Глава 26	70
Глава 27	73
Глава 28	78
Глава 29	82
Глава 30	85
Глава 31	88
Глава 32	92
Глава 33	94
Глава 34	97
Глава 35	99
Глава 36	101
Глава 37	105
Глава 38	109
Глава 39	111
Глава 40	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Андрей Спасский

Чистый дом

У всех своя роль в жизни, и каждый, вне зависимости от желания, сыграет ее с блеском.

Глава 1

«Земля... Вот ты какая! Величественная... Прекрасная... Ты гораздо красивее, чем я себе мог представить даже в самых сладких снах. Проекция в университете и на одну сотую не может передать, какая ты на самом деле! – юноша, полный восторга, не мог оторвать взгляд от иллюминатора, через который он с восхищением и нескрываемым трепетом любовался планетой. – Эх... Мама, папа, вы можете себе это представить?! Меня все отговаривали, запрещали, порой даже угрожали. Говорили, что это бессмысленно, что очень далеко, что я не долечу... Что просто невозможно! И вот, через столько дней, недель, месяцев томительного полета я здесь! На земной орбите! Еще чуть-чуть, и я ступлю на родину наших основателей! Во Вселенский рай! В обитель доброты, чистоты и Порядка! Как же мне не терпится самому убедиться в том, о чем столько лет твердили в школе, университете... Да где угодно! Даже в парках и банях! Везде висели плакаты Земли, родины Порядка. Везде о ней говорили, везде ее восхваляли. Сколько лет назад наши основатели покинули тебя! Сколько десятилетий, столетий прошло! И вот один из твоих сыновей, Земля, возвращается к тебе! Еще совсем чуть-чуть, совсем немного осталось потерпеть. Что такое каких-нибудь несколько минут по сравнению с месяцами, которые мне пришлось в одиночестве провести среди бесконечной холодной пустоты космоса, по сравнению с теми годами, в течение которых я лелеял мечту увидеть тебя... Я здесь, мама, папа, я все-таки долетел!»

Дмитрий мог рассуждать до бесконечности, стоя около иллюминатора, не решаясь сесть за пульт управления и войти в атмосферу Земли. Что-то его держало, заставляло биться сердце намного быстрее, чем раньше, а колени дрожать, как тогда, когда он увидел планету впервые по ретранслятору, будучи еще совсем ребенком. Ему тогда не было и трех лет. Тогда она казалась такой далекой, невообразимой. Словно миф. Да это и было для него только легендой. Волшебным местом, откуда давным-давно прилетели его предки – основатели колонии, а впоследствии целой планеты Ферус.

И он стремился к Земле сквозь время и пространство, столько лет. А теперь она рядом – так близко, прямо перед ним. Казалось, что стоит только протянуть руку, и он ее коснется. Оставалось лишь пойти, сесть в кресло, отключить автопилот и буквально через каких-нибудь пять минут он бы уже сделал шаг, свой первый шаг по Земле. Но что-то его держало. Ведь сколько лет он считал ее почти домом богов, первоначалом всего сущего, основой Порядка.

За годы жизни он полностью изучил земной шар, расположение всех его материков, излучины рек, просторы морей и бескрайних пустынь. Без труда мог по памяти составить атлас Земли. Но сейчас перед ним предстала иная Земля – незнакомые ему очертания суши, новые водоемы, там, где их не должно было быть. Но разве это важно? Можно ли обращать внимание на такие сущие пустяки, когда сама Земля рядом? Это была именно она, пусть и немного другая.

Кто знает, сколько бы он еще так кружил по орбите Земли, пытаясь побороть трепет, внутренний страх перед тем, что столько времени заставляло его пульс учащаться. Многие люди всю жизнь рвутся к намеченной цели, проходят через препятствия, карабкаются вверх, сметают все преграды на пути. Но стоит им только почти достигнуть цели, когда от нее отделяет

расстояние вытянутой руки, как тело становится ватным, руки и ноги отказываются повиноваться. И многие просто так и стоят, смотря с восхищением, умилением, робостью, а порой и трусостью на то, ради чего отдали так много сил. Далеко не каждый может выдержать эту ношу – груз победителя, и вместе с тем принять чувство опустошенности, вызванное тем, что дело всей его жизни вдруг становится завершенным. Именно в таком состоянии пребывал Дмитрий. В его голове роились десятки вопросов, среди которых выделялся «что теперь?»

Бортовой компьютер вывел Дмитрия из оцепенения:

– Неизвестный объект слева, угол двадцать три градуса, – громко произнесло устройство женским голосом, потом добавило: – неизвестный объект справа, угол шестьдесят четыре градуса.

– Неужели нас встречают?! А? Сали, как думаешь? Быть может, они меня заметили издали и решили встретить, проводить на стартплощадку? Проведи-ка сканирование, что это еще за корабль.

Дмитрий подошел к пульту управления, сел в небольшое кресло и включил мониторы. На одном из них появились изображения приближающихся объектов в трехмерной проекции.

– Это беспилотные устройства, – проговорила Сали.

– Каково их предназначение...

Не успел он закончить фразу, как раздался сильный хлопок, и корабль зашатало так, что Дмитрия бросило на пол.

– Что случилось? Неужели это салют? Что-то очень близко от корабля он разорвался, им бы следовало быть повнимательнее.

Но это был не салют. Замигали красные лампы, оповещающие о повреждениях. Мониторы погасли, пульт управления заискрился. Отключилась система поддержания искусственной гравитации.

– Атака, ат-така, ат-т-та-к... – сказала Сали растянутым голосом. – Поврежден левый двигатель, охладитель вышел из строя, процент потери мощности составляет тридцать семь. Мощность падает.

– Как атака? – изумился Дмитрий. – Что значит атака? Бред какой-то. Никто никого не атакует. Этого не приемлет Порядок! Нас не могут атаковать! Проверь еще раз.

Но вместо ответа бортового компьютера последовал очередной хлопок. В задней части корабля раздался взрыв. Сали не реагировала. Все шумело, трещало, пищало. «Ладно, надо срочно входить в атмосферу, сажать корабль, а там разберемся, что это еще за „атака“ такая!»

Дмитрий, надев скафандр, кое-как устроился за пультом управления, автопилот был отключен, и корабль просто несся по орбите вокруг Земли. Приложив немного усилий к рычагу гидравлики, Дмитрий смог взять корабль под управление и скорректировать траекторию полета. Трясти стало меньше. «Ну, да поможет мне Порядок!» – крикнул он, пристегиваясь и плавно сходя с орбиты. Где-то сзади снова послышались хлопки, но на этот раз все обошлось.

Через три минуты Дмитрий уже вошел в атмосферу. Сильнейшее сопротивление воздуха грозило с минуты на минуту разорвать корабль на части. Поврежденная обшивка плавилась, так как охладитель вышел из строя, и температура в салоне сильно возросла. Электроника начала искриться. Лопнули экраны. Корабль безумно трясло. «Не дотянем», – в какой-то миг промелькнуло в голове пилота.

Вибрация становилась все сильнее. Отломался передатчик – единственное, что позволяло связаться с родной планетой. Обшивка на носу уже полностью исчезла, и обнажились трубы реактора, выпускавшие столбы пара.

Но корабль выдержал. Вскоре он вошел в нижние слои атмосферы и полетел ровнее и спокойнее, хотя падение продолжалось. Двигаться параллельно земле корабль уже был не в состоянии. Дмитрий мог его лишь выпрямить, задрав нос, чтобы посадка была не слишком жесткой. Он потянул рычаг на себя изо всех сил, но что-то заклинило. Механизм сломался,

ремень, которым Дмитрий был пристегнут к креслу, лопнул, и пилот вместе с куском рычага в руках повалился на обломки, разбросанные по полу. В последний момент он успел запустить двигатель торможения, но скорость была очень большой, а высота слишком низкой для плавной посадки. Спустя две секунды корабль ударился обо что-то твердое и подлетел вверх. Потом снова ударился, перевернулся и замер на месте.

Глава 2

– Это большое событие не только для России, но и для всего мира, – заявил с трибуны Геннадий Андреевич, глава Роскосмоса. После непродолжительной паузы он продолжил: – В 1961 году человек впервые покинул пределы нашей планеты и вышел в космос. Сегодня, сто лет спустя, землянин впервые вылетел за пределы Солнечной системы!

Аплодисменты прервали речь Геннадия Андреевича. В этот момент к нему подошел невысокий седеющий человек и передал запечатанный конверт.

– Дамы и господа, до нас только что дошел сигнал, посланный с шаттла «Журавль». Солнечная система осталась позади! «Журавль» летит в межзвездном пространстве.

Последние слова потонули в бурных овациях. Приглашенные гости, среди которых были только высшие должностные лица государства, ученые и наиболее известные журналисты, восторженными возгласами приветствовали успех миссии. Люди, следящие в своих домах за прямой трансляцией конференции из Дворца Федерации, в едином порыве радовались величайшему достижению человечества со времен изобретения колеса. Главная задача была выполнена: человек покориł межзвездное пространство. Это давало надежды на возможность в скором времени переселения на другие планеты в других солнечных системах, где могли быть природные условия, пригодные для проживания человека.

* * *

– Господин президент, мы только что получили разведданные из России. Русские официально объявили о выходе шаттла за пределы Солнечной системы.

– Информация достоверная?

– Увы, да. Их засекли все наши спутники, в том числе и те, которые курсируют на орбите Нептуна и Урана.

– Значит, эта технология действительно работает?

– Да. Мы не знаем как, но у них она работает. Все попытки выкрасть информацию провалились. Русские приложили невероятные усилия, чтобы проект остался засекреченным. И им это удалось. В данном деле мы потеряли десятки наших лучших агентов. Сделать аналогичный двигатель мы пока не смогли. Все испытания закончились неудачей.

– Следовательно, ничего больше не остается, как дать старт операции «R38», – мрачно высказал президент США, откидываясь на спинку кресла Овального кабинета. – Соедините меня с президентом Турции.

* * *

– Это Джефри. Наша договоренность остается в силе?.. Хорошо. Завтра приступаем... Нет, ждать больше нельзя, и так слишком много времени потеряли. Русские уже за пределами нашей Солнечной системы, их технология работает. Если не принять срочные меры, то всем нам конец. Уже в следующем году у нас будут рубли, и все будем учить русский... Деньги поступят сегодня же вечером. Ночью отправятся наши корабли.

Глава 3

Был холодный осенний вечер. Моросило с самого утра. Из-за свинцовых туч потемнело раньше обычного. Сильный ветер пронизывал до костей караульного, который, съездившись, переминался, пытаясь хоть как-то согреться.

К Спасским воротам Кремля одна за другой подъехали девять машин со спецсигналами и, проследовав мимо караульного, направились в сторону дворца. Там их уже ждали сотрудники из личной охраны президента, держа зонты в вытянутых руках.

Приехавшие проследовали на третий этаж, в кабинет с большим резным столом и примерно двадцатью стульями. Уже многие годы именно здесь решались самые важные вопросы, влияющие как на внешнюю, так и на внутреннюю политику государства.

Мужчины были пожилыми, младшему из которых перевалило за пятьдесят лет, в черных классических костюмах с черной сорочкой и белым галстуком. У каждого на вороте блестял значок в виде двух перекрещивающихся шпаг на фоне двуглавого орла. После того как все расселись согласно своему должностному положению, в зал вошел президент Российской Федерации Анатолий Борисович.

Самым пожилым, с тяжелым взглядом пронизательных глаз был начальник внешней разведки Андрей Владимирович. Рядом с ним сидел низкий и коренастый работник государственного аппарата. Он совмещал сразу две должности: начальника внутренней разведки, а также генерального директора центральной службы по противодействию преступности внутри государства. Между ними и начальником Вооруженных сил генералом армии Георгием Дмитриевичем разгорелся спор.

– Американцы, как всегда, обоссались. По нашим данным, установка ракет в Турции, Польше, Грузии, Румынии, Армении, Венгрии полностью завершена. Они как огня боятся нашей технологии. И готовы первыми все сравнять с землей, лишь бы их не успели уничтожить. Поэтому нам просто необходимо показать, на что мы способны, – начал генерал армии.

– Вы предлагаете разбомбить Вашингтон? – с негодованием спросил Андрей Владимирович.

– Вы понимаете, к чему это приведет? – поддержал его Сергей Иванович, начальник внутренней разведки. – Это будет означать только одно – конец всему!

– Нет, не конец. Наши новые перехватчики с легкостью уничтожат все ракеты американцев. Штаты еще запустить их не успеют, а мы их уничтожим.

– Мы не обладаем информацией о месторасположении всех ракетных установок США. Черт его знает, сколько у них запасов, о которых мы не имеем ни малейшего понятия. Плюс вы забываете о негласном союзе американцев с Китаем. На нас полетят ракеты со всех сторон. Франция, Англия, Германия тоже встанут на сторону Штатов.

– То есть вы предлагаете просто сидеть и ждать, когда нас разбомбят и преспокойно займут наши земли?

– Ну, во-первых, если и разбомбят, то земли наши они еще не скоро смогут занять, думаю, мне не стоит разьяснять последствия детонирования термоядерного заряда. А во-вторых, они прекрасно понимают, что если откроют огонь по нам, то мы в ответ выпустим своих «птичек». Наша система расщепления атомов и последующий за этим процесс распада всех объектов в зоне поражения создаст такую волну, что каменный век покажется раем для всех. Уж кто-кто, а вы, Георгий Дмитриевич, должны это осознавать. Россия и Штаты уже были однажды на грани уничтожения друг друга, но тогда нашлись люди, которые смогли сохранить мир. Сейчас мы должны поступать так же, – закончил Андрей Владимирович.

– Карибский кризис был давно, при других обстоятельствах, – вмешался в спор первый советник президента. – Тогда у нас не было такого преимущества в вооружении, а у Штатов

– страха. А, как известно, от испуга люди способны на самые глупые поступки. Обезумев от страха, человек не в состоянии думать адекватно. Он может только две вещи: либо убежать в панике, либо победить объект боязни, а вернее, просто уничтожить его. И как мы можем видеть, Штаты не пытаются никуда сбежать. Ситуация слишком накалена, пришло время для активных действий. Все переговоры зашли в тупик.

– Вам это легко говорить, когда за вами и вашей семьей закреплено помещение в убежище. Вы-то ничем не рискуете. А вы поменяйтесь местом с обычным гражданином, тогда посмотрим, как вы запоете.

– Жертвы всегда были, есть и будут. В каждой войне, в любом конфликте остается место для них. Но они необходимы для развития и дальнейшей эволюции не только России, но и всего мира!

– И сколько же людей вы готовы отдать в жертву? Сто миллионов? Миллиард? Или быть может, все девять миллиардов? – поинтересовался Сергей Иванович.

– Число жертв не имеет значения. Важно лишь только продолжение рода человеческого...

– Так именно это вы и ставите под угрозу!

– Андрей Владимирович, – генерал встал из-за стола, – американцы напуганы, и не просто сильно. У них сейчас паническая истерика. Прибавьте к этому отсутствие разума и термоядерное оружие. И что вы получите? Сумасшедшего, обезумевшего фанатика с оружием в руках, который ничего не осознает и не видит, кроме желания выжить и при этом обогатиться. Штаты больше не будут разговаривать. Они будут действовать, и их президент дал четко это понять на сегодняшнем выступлении. Штаты не думают о жертвах. Их руководству плевать на свой народ, и уж тем более на чужой. Они сначала действуют, а только потом думают. Так у них было всегда, – генерал сделал глоток воды. – А теперь представьте, что весь этот альянс долбанет по нам. Да, множество ракет мы уничтожим, но многие и долетят до целей. Если же мы покажем, что способны не только на разговоры, то европейцы точно не будут вступать в конфликт, а уж со Штатами и Китаем мы разберемся. Мы должны всему миру показать, что способны не только на разговоры, как это было неоднократно в самом начале века. Мы должны проявить жесткость. Да, жертвы будут, признаю это. Не все ракеты мы сможем сбить, но мир не исчезнет.

– Довольно, – вмешался в разговор президент, хранивший до этого момента молчание. – Мне нужны факты, оставьте лирику.

– Анатолий Борисович. Ракеты так называемого Альянса в полной боевой готовности, – доложил генерал армии. – Они истерят, и это главная проблема. Американцы внушили всем, что мы – угроза для их суверенитета, что мы поставим их всех на колени и поэтому с нами надо бороться сейчас, пока не поздно. И, как это ни прискорбно, нашлось множество умалишенных, которые в это поверили. В итоге мы имеем то, что, возможно, со всех сторон окружены ракетами.

– А переговоры?

– Словам американцев верят намного больше, чем россиянам. Наши уверения в том, что мы не собираемся ни на кого нападать, так и остались не услышанными. Увы, но дипломаты склонны воспринимать не то, что им говорят, а что они хотят услышать. Вернее, что им приказывает начальство. Всем нашим доказательствам Европа не верит, зато голословным утверждениям Штатов доверяет в полном объеме. Так что все переговоры провалились.

Анатолий Борисович встал, медленно подошел к окну и посмотрел невидящим взглядом куда-то вдаль. Все присутствующие пристально за ним следили, стараясь не производить ни звука.

– Россия не является агрессором. И никогда не являлась. Россия всегда только оборонялась. Поэтому первыми запускать ракеты мы не станем. Но это несколько не мешает нам

готовиться к обороне, – президент помолчал, словно что-то обдумывая, после чего закончил: – Приказываю привести все ракетные комплексы в полную боевую готовность. Системы ПВО и ПРО переключить на усиленный режим контроля, выпустить перехватчиков на орбиту, в верхние слои атмосферы, а также на бреющий полет. Подготовить до состояния полной готовности все убежища, оповестить население о их расположении и порядке прохода к ним. Произвести полную мобилизацию. Мы должны быть готовы к войне. Но будем надеяться, что у тех, у кого есть власть, хватит ума предотвратить ее, и помощи нам всем Господь.

В комнате наступила тишина. Было слышно только, как часы в углу комнаты отбивают такт. Все осознавали, что грядет война, но до последнего пытались убедить себя, что все обойдется. Сейчас же была сдернута последняя завеса надежды, а значит, вооруженному конфликту быть. От этого понимания на душе стало тяжело, и сдавленным воздухом – сложнее дышать. Лишь Георгий Дмитриевич ничем не выдал своего волнения. Да и сложно сказать, тревожился ли он или нет. Он давно уже был готов к такому развитию событий.

– Что ж, с этим разобрались, – продолжил президент, – теперь обсудим еще один вопрос, ради которого я вас собрал сегодня. Андрей Иванович, – обратился президент к первому советнику, – расскажи про проект «Чистый дом».

Глава 4

– Господин президент, господин президент, – вбежал главнокомандующий ВВС США в Овальный кабинет.

– Что случилось?

– Катастрофа. Наши спутники только что засекли запуск русскими неопознанного объекта.

– Ракета? – сказал президент Орант, вставая из-за стола.

– Мы не знаем. Объект колоссальный. Он просто огромен и ни на что не похож. Как будто целый город взлетел. Запущен в космос. Возможно, это космический крейсер-ракетоноситель, чтобы торпедировать нас прямо из космоса.

– Как же вы не заметили подготовку такого корабля?

– Он строился, видимо, под землей или под водой. Все наши съемки из космоса не показывали ничего подозрительного с места предполагаемого запуска.

– Хорошо. Срочно соберите совещание. Позовите всех... Элизабет, – сказал президент США секретарю, – соедините меня с главами Альянса.

* * *

В небольшом президентском бункере было тесно. Здесь собралось все высшее гражданское и военное руководство Штатов. Между участниками совещания шел ожесточенный спор по поводу необходимых действий. Подавляющее большинство склонялось к варианту с немедленной ракетной атакой России.

– Господин президент, вы должны отдать команду. Ракеты в полной боевой готовности. Прикажите атаковать корабль, и мы будем спасены, – произнес главнокомандующий ВВС США.

– А что если вы ошибаетесь? У нас до сих пор нет неопровержимых доказательств о желании Москвы воевать. Все строится на одних предположениях и догадках, – не соглашался советник президента по внешней политике.

– А объект, запущенный на орбиту Земли? – поинтересовался президент.

– Мы не знаем, что на нем. Это могут быть вовсе и не ракеты.

– А могут быть и ракеты. И когда их выпустят, нам будет поздно уже что-либо предпринять, – не успокаивался глава ВВС. – Вы понимаете, что означают ракеты, летящие на нас перпендикулярно прямо из космоса?

– А вы думаете, если мы откроем огонь, русские не успеют запустить свои боеголовки?

– Может, и успеют, но не все, и большинство мы собьем!

– Что говорят спутники про этот объект? – спросил президент США. – Он на орбите?

– По нашим данным, он удаляется от Земли. Летит в сторону открытого космоса...

– Вот видите, это может быть спутник, а не крейсер-ракетоноситель, – оборвал главнокомандующего ВВС советник президента по внешней политике. – Какой смысл выводить комплекс с боеголовками в открытый космос?

– Ничего это не значит. Мы не знаем, какие у них ракеты, что за оружие на борту. Господин президент, нужно немедленно отдать приказ об атаке. Мы не можем струсить, просто не имеем права на это. Мы ведь Америка! Отдайте приказ.

Президент Орант встал из-за стола, обошел вокруг комнаты, заложив руки за спину, и вернулся на свое место. Его взгляд ничем не выдавал принятого решения. Он начал говорить тихим голосом:

– С момента создания Соединенных Штатов, после великой войны за независимость многие пытались нам навредить. Но мы никогда не давали слабину, всегда встречали врагов и агрессоров лицом к лицу. США несли миру порядок, демократию и процветание. Где бы ни умалялись человеческие права и достоинство, там всегда появлялись мы. Штаты боролись за права людей во всем мире! Так будет и сегодня, и всегда. Русским нас не уничтожить! Приказываю привести в действие план «R38».

- Вы правильно поступили, господин президент.
- Поздравляю, господин президент, вы убили всех нас...

* * *

Красные цифры на мониторе медленно отсчитывали секунды. «Три, два, один...» Пуск. В этот момент из сотен ракетных шахт, установок, кораблей по всему миру плавно в воздух начали подниматься ракеты, казавшиеся на фоне неба небольшими стальными иглами. Летательные аппараты, оставляя за собой клубы дыма, устремлялись ввысь, неся на себе термоядерные заряды. Минуты, остававшиеся до детонации, казались вечностью. Присутствовавшие молча смотрели на экраны, на которых карта Земли была испещрена мелкими пунктирными линиями – траекториями движения ракет.

Через некоторое время большинство объектов с экрана стали исчезать.

– Господин президент, ракеты, запущенные с территории Польши, Армении, Грузии и Турции, сбиты в мезосфере. Вторая волна на подходе.

– Что, неужели все сбиты?

– Так точно. Волна неизвестного происхождения заставила сдетонировать все ракеты. Через три минуты до цели долетит вторая серия... Господин Президент, спутник засек запуск ракет нашими европейскими союзниками.

– Это хорошо. Мы близки к победе.

Снова воцарилось молчание, все продолжали следить за точками на экране, которые постоянно то появлялись, то исчезали. Вдруг на мониторе возникла красная точка и, оставляя за собой пунктирную линию, крайне быстро стала приближаться к территории США. За ней появилась вторая, потом третья, затем еще около десяти, и они все продолжали отображаться на экране. Теперь объекты летели не только на Соединенные Штаты, но и во всех направлениях: в Европу, на Ближний Восток, в Азию.

– А это что за точки? – спросил солдата президент Орант, указывая на монитор.

– Это ракеты русских. Они летят не из космоса, а... а... отовсюду. Их сотни, тысячи... Нам не сбить их. Господин президент, это невозможно...

– Разве реально, чтобы ракеты двигались с такой скоростью? Вычислите траекторию полета и время до места назначения первого снаряда.

– Чикаго. Время до столкновения пятнадцать секунд.

Для присутствующих эти пятнадцать секунд показались длиннее их жизней. Каждый, затаив дыхание, ждал, что точка погаснет, что снаряд собьет перехватчик. Но этого не случилось, ракету ничто не уничтожило. Американская противовоздушная оборона не смогла справиться с новейшими технологиями российской военной промышленности. Вскоре на экране на месте Чикаго мигнула вспышка. Это означало, что ракета достигла цели – город был уничтожен. Чикаго стал первой жертвой в войне. Взрыв был колоссальный. Город с окрестностями перестал существовать. За несколько секунд на месте огромного процветающего мегаполиса с многомиллионным населением осталась одна выжженная земля. Ни одного строения, ни одного целого камня не осталось на всей территории. Спутник из космоса на месте города показывал безжизненную пустыню.

– Боже мой, – сказал Джефри, облачиваясь на стол. Силы покинули его, и он рухнул в кресло.

На экране появлялись все новые точки, исходящие из разных стран, со всех уголков планеты. Постепенно два основных направления, Россия – Штаты и Штаты – Россия, начали множиться, и вскоре ракеты хаотично летали по планете во всех направлениях.

Перехватчики перестали справляться с все возрастающим потоком снарядов, и боеголовки начали достигать своих целей. Везде по Земле начали подниматься столбы огня, плавно перерастающие в грибы невиданных размеров. Взрывы происходили повсюду: на земле, в атмосфере, в водоемах и даже под землей.

Вся планета задрожала. От мощнейших взрывов начались землетрясения. Проснулись вулканы, по океанам и морям заходили огромные цунами. Поверхность планеты пришла в движение, уничтожая все, попадающее на пути, каким-то чудом уцелевшее после бомбардировки.

Целые пласты земли проваливались, другие, наоборот, вздымались. Горы начали разрушаться, а равнины – превращаться в возвышенности или разломы. Реки, ставшие бурлящими и кипящими потоками, вышли из берегов. Повсюду появлялись смерчи, вихри. В небе сверкали разряды молний. Миллионы тонн пепла извергались из жерл вулканов.

Небо понемногу затягивалось слоями пыли, пепла, грязи. Радиоактивные облака заслонили солнце. Города, лежащие в руинах, лишенные электроэнергии, погружались в темноту...

Постепенно все стало затихать. Перестали взрываться ракеты, не доносился гул перехватчиков, авиации, машин. Замер промышленный шум, стихли крики людей, завывания животных. Успокаивалась природа. Все погружалось во мрак и мертвую тишину.

Тем временем корабль «Ковчег» все дальше отдалялся от Земли, потерявшей привычный голубой облик и ставшей похожей на серую безжизненную планету...

Глава 5

– Эх, ну и скука сегодня. Что у тебя на радаре, сержант?

– Все, как и в последние недели, Капитан, – тишь да гладь, – отозвался молодой коренастый юноша, одетый в форму отечественной гвардии. – Уже давно к нам никто не навевывается. Зверей отпугнули, а геты нападать не решаются после перенесенного разгрома.

– Да уж, – медленно сказал тот, кого назвали Капитаном, и растянулся на земле. – А я вот помню времена, когда глаз нельзя было сомкнуть. Ты еще тогда, Максим, под стол пешком ходил. А я в окопах с пулеметом сидел, трясясь весь от страха. Но тогда хоть разнообразие было, а теперь что... Жара одна.

– Сегодня знойнее, чем вчера. Капитан, разрешите снять жилет.

– Не разрешаю. Не забывай, Макс, мы все-таки на дежурстве, пусть и защищаться не от кого. Появился бы полк гетов на горизонте, хоть один. Мы бы его быстренько... Эх.

– Капитан, можно вопрос? – спросил Максим, усаживаясь на землю.

– Опять в отгул хочешь? К своей возлюбленной? – усмехнулся Капитан.

– Никак нет, – покраснел Максим, – сейчас другое.

– Ну тогда спрашивай.

– Скажите, а сколько лет вы в гвардии?

– Давненько уже, – ответил Капитан, кладя руки под голову, – третий десяток пошел.

– А до этого где вы служили?

– В караульном полку, но с тринадцати лет. А до этого в младшей оборонительной роте. – Тут Капитан задумался, после чего закончил: – А раньше обучался.

– То есть вы всю жизнь воюете?

– Не только я. Но и отец мой, и дед. И их деды, и отцы их дедов. Все воевали... Почему спрашиваешь?

– Неужели мы постоянно воевали? Разве так было всегда?

– К чему ты это клонишь? – поинтересовался Капитан, приподнимаясь на локтях и обращая пристальный взор на сержанта.

– А вот к чему. Вы и все ваши предки воевали. Мне двадцать четыре года. Сколько я себя помню, всегда была война, и при дедах моих тоже. Но неужели не было времени, когда все жили в мире?

– В мире? Ты, видно, ударился головой обо что-то твердое. Или жара на тебя так подействовала. О каком мире идет речь? Как можно жить без войны со зверями?

– Я уверен, что должно было быть время, когда был мир. Звери – они ведь тоже разумные...

– Такие же разумные, как и ты, болван, – повысил голос Капитан на сержанта. – Забудь это слово – «мир». Не было его, чушь это все. Нельзя быть в мире с тем, кто живьем сжирает твою плоть, кто ставит ловушки на каждом шагу и при малейшей возможности всадит нож в спину, заберет нажитое и сожжет дом. Не может лев ладить с оленем.

– Но мы ведь не животные. Звери убивают только ради еды. Сытый лев не тронет оленя. Мы же сражаемся ради другого.

– А ради чего мы, по-твоему, воюем?

– Ради... Ради... Мы воюем из-за... Капитан, а я и не знаю, ради чего.

– Ты прав, животные воюют из-за еды. Разумные же существа – совсем другое дело. Многие воюют из-за наживы, как геты, например. Они – слабо развитое государство. У них простейшая техника, аграрное хозяйство на низком уровне. И вместо того, чтобы двигаться вперед, они предпочитают нападать на других и отнимать чужое. А мы, наоборот, – развитое государство, и нам нет смысла воевать с кем-то. Все, что нам нужно, либо сами производим, либо

покупаем у соседей. И мы воюем ради того, чтоб наши дети и старики могли жить спокойно. Есть еще звери, они вообще плохо изучены. Но скорее всего, их война – это просто животный инстинкт, помноженный на человеческую жестокость и алчность. Есть и другие народы. И у всех своя причина для нападения. Поэтому человеческая война иная, нежели у животных, и параллели тут проводить нельзя.

– А не проще было бы договориться и положить конец конфликту?

– Пробовали уже, но все без толку. Предавали и снова нападали на нас. Поэтому и было принято решение вести войну до полного уничтожения врагов. А там, может, и мир будет, – усмехнулся Капитан.

– Но разве это гуманно?

– А давно ты в гуманизм ударился? – рассмеялся Капитан. – Ты это у зверя спроси, когда он тебя жрать будет, мол, гуманно ли есть тебя или нет.

Капитан, продолжая смеяться, растянулся на траве во весь рост и закрыл глаза. Наступило молчание, во время которого было слышно, как ветер колышет ветки деревьев.

– Так все же, как вы считаете, было ли время, когда никто не воевал друг с другом? – не унимался сержант.

– Что ты заладил со своим миром. Мне-то откуда это знать... – Капитан снова приподнялся на локтях и посмотрел на юношу, взяв колосок в зубы, после чего продолжил: – Ладно, слушай. Бытует в народе мнение, что существует некое братство. Правда, его никогда никто не видел, и доказательств никаких нет. Потому это только и слухи. Так вот, члены братства будто бы ходят тайно по миру и собирают всякое старье: документы, книги, вещи – в общем, все, что найдут. Потом изучают, складировать и хранят. Так вот, старики утверждают, что это братство уверено в том, что раньше были времена, когда все было по-другому.

– Как по-другому?

– А вот так, как ты и говоришь. В мире все жили, не воевали. Вернее, вооруженные конфликты были, но не такие, как у нас. Кто-то где-то с кем-то локально воевал, а все остальные жили спокойно. Работали, развлекались, путешествовали... Да уж, в общем, как в сказках. Воевали только те, кто шел на это добровольно, да и то не всю жизнь.

– А вы в это верите?

– А чему тут верить. Есть один нюанс – никто из тех, кого я знаю, не видел ни одного члена этого братства. Слухи ходят, но ничем они не подкрепляются. Так что думают об этом только оптимисты, которым нужно верить в светлое прошлое и надеяться на счастливое будущее, чтобы не пустить себе пулю в лоб от реалистичного настоящего...

Речь Капитана прервал зуммер, издаваемый радаром. На мониторе появилась зеленая точка, которая приближалась к сидевшим.

– Опять птицы? – поинтересовался сержант.

– Нет, эта штука намного крупнее. Что бы это ни было, оно летит прямо на нас. Все в боевую готовность! – крикнул Капитан солдатам, сидевшим у подножия холма. – Ну, сержант, может, удастся хоть немного развеять скуку.

Глава 6

Отряд отечественной гвардии расположился на местности в соответствии с требованиями инструкции об оборонительном бое. Основная группа из семи человек вместе с Капитаном засели у низкорослых деревьев. Еще по два солдата укрылись по флангам метров в двадцати от основной группы, образовав полумесяц.

– Макс, что показывает радар? – спросил Капитан.

– Объект приближается. По траектории движения должен появиться вон из-за того холма.

– Полет прерывистый?

– Никак нет, Капитан. Объект движется прямолинейно с одинаковой скоростью под ровным углом.

– Быть этого не может. Дай сюда, я сам посмотрю.

Капитан взял в руки радар. Действительно, зеленая точка двигалась ровно, не металась из стороны в сторону, как бывает, когда прибор засекает крупного хищника или стаю мелких птиц. Объект приближался к отряду, не меняя траектории движения.

– Странно, – сказал Капитан. – Давненько я ничего подобного не встречал. Так летали только башлыки. Но их уже столько лет никто не видел. Многих перебили, а уцелевшие улетели далеко на север.

– А может, это люди? – поинтересовался один из солдат.

– Люди? – усмехнулся Фрэнк. – Да где же это видано, чтоб люди летали?

– Ну ходят же слухи, что раньше могли.

– На то они и слухи...

– Тихо, – оборвал разговор Капитан, – что бы это ни было, скоро мы обо всем узнаем. Объект появится в поле зрения через тридцать секунд. Всем быть наготове. Код два, тридцать пять.

Наступила полная тишина. Все, затаив дыхание, через прицел оружия устремили взор на вершину небольшого холма, закрывавшую часть горизонта.

Лейтенант Фрэнк, сидя за штурвалом автоматизированного пулемета, нервно жевал табак, сплевывая в сторону. Кто-то про себя напевал известную в этих кругах военно-патриотическую песенку, другой маскировал свое укрытие. Каждый пылал желанием узнать, что же там приближается.

Молодой романтичный Максим представлял, как летят на невиданном космическом аппарате люди из других, дальних земель. Что они сядут прямо тут, на поляне, и поприветствуют его и Капитана дружескими возгласами. Что они принесут мир и понимание в их разрозненное общество, поделятся технологиями и скажут, что небо снова принадлежит людям. Как в те давние времена, в очень далекие. Как на картинках, виденных им в детстве. На них такие же люди, как и он сам, улыбаясь, летели в небе на огромных железных птицах. В их глазах не было страха, тревоги. Они казались беззаботными и счастливыми. «Я тоже когда-нибудь полечу, обязательно», – думал про себя Максим.

Совсем другим был лейтенант Фрэнк. Рост два метра, широченные плечи, мощнейшие руки с мышцами внушительных размеров не добавляли ему сентиментальности. В отличие от Максима он надеялся, что из-за холма вылетит огромный башлык, чей зуб он сможет с гордостью повесить себе на шею. Он предвкушал сражение, видел себя бежавшим навстречу врагу со своим огромным топором, угрожающе размахивая им над головой. От одной этой мысли кровь закипала у него в жилах, кисти сжимались в кулаки и он с трудом удерживался на месте.

Кто-то думал о семье, оставшейся дома, кто-то о девушке, друзьях. И только Капитан, закаленный в боях, хмурым взглядом следил за холмом, отгоняя любые мысли. Он не гадал, кто появится, не желал возникновения чего-то определенного. Капитан не хотел ни друзей, ни врагов. Лучшим состоянием он считал постоянство и покой. Капитан просто ждал, был готов встретиться лицом к лицу с любой опасностью, лишь бы уберечь вверенный ему отряд и мирных граждан в селении от бед.

Тем временем точка на радаре приблизилась вплотную к месту дислокации военных. Одновременно над вершиной холма появился черный объект, оставлявший за собой хвост из огня и дыма. Это не было похоже ни на что виденное сержантом и капитаном раньше. Объект с большой скоростью приближался, вернее, падал. Вскоре он ударился по касательной о землю у подножия холма, подлетел в воздух, после чего снова упал, перевернулся и замер, подняв огромные клубы пыли и грунта в сотне метров от засевавших в засаде.

Удивленные взгляды солдат отряда переходили с необычного объекта на Капитана и в обратном направлении. Никто не понимал, что это такое и что только что произошло.

– Всем быть наготове, – крикнул Капитан. – Не спускать глаз с объекта.

– Что это за... – начал Фрэнк.

– Тихо! – оборвал его Капитан. – Полная боевая готовность, всем соблюдать тишину. Код один, семнадцать. Медленно подходим. Снайперы, объект на прицел, – добавил он в рацию, – группа захвата вперед.

Из основной группы отряда выдвинулись вперед пять человек, возглавляемые Капитаном, который направился к центру объекта. Остальные четверо стали обходить его по кругу, чтобы подойти к неизвестному кораблю со всех сторон. Группа прикрытия осталась на своих местах. Фрэнк следил за происходящим через прицел своего пулемета.

– Фрэнк, будь начеку, если что-то пойдет не так, изрешети в пыль эту чертовщину.

– Не сомневайтесь, – с довольной улыбкой на лице ответил по рации Фрэнк. – Я эту штуку в щепки разнесу.

Капитан приблизился к кораблю. Метров в пятидесяти от объекта зияла воронка более тридцати метров в диаметре. Это был след от первого удара о землю.

Обшивка корабля излучала нестерпимый жар. В воздух поднимались клубы пара, что-то свистело и трещало. Периодически всплескивался фонтан искр.

– Вы что-то заметили, Капитан? – донеслось из рации.

– Пока нет, обходите с запада. Всем быть крайне внимательными. Пока мы не знаем, с чем имеем дело, так что не расслабляться ни на секунду.

– По-моему я вижу вход, – доложил Максим. – Он на пять часов от вас, Капитан.

– Держи его под прицелом, я сейчас подойду. Не хочу встретить неожиданных гостей.

Капитан осторожными движениями обошел корабль и приблизился с той стороны, около которой стоял Максим с автоматом, готовый при первом же непредвиденном стечении обстоятельств моментально разрядить обойму в непрошенных гостей. Вместо ожидаемой двери он увидел пробоину в обшивке корабля, через которую можно было войти внутрь. Из нее валил густой черный дым. Капитан осторожно ударил ногой по обшивке рядом с пробоиной. В ответ не донеслось ни звука, не считая все того же треска и свиста. По тихой равнине разлетелся звук автоматной очереди – Капитан два раза выстрелил в воздух. В ответ – все так же.

– Макс, ты со мной, остальным сторожить снаружи.

Маленькими шагами Капитан вошел внутрь корабля. Едкий дым существенно затруднял дыхание, из-за чего пришлось надеть защитные маски. Фонари, закрепленные на стволах автоматов, помогали хоть что-то рассмотреть в кромешной тьме, изредка озаряемой вырывающимися языками пламени.

Все вокруг было сломано. По сторонам валялись искрящиеся электронные приборы, судя по всему, пришедшие в негодность. На проводах висело неизвестное оборудование, которое

показывало странные символы и знаки. На полу, засыпанном осколками и обломками из непонятного материала, с трудом можно было найти свободное место, чтобы поставить ногу.

– Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное?

– Никогда в жизни, Макс, чтоб мне зверь живьем ногу откусил. Это что-то новенькое.

Пойдем туда, – Капитан указал автоматом на проем, виднеющийся справа. – Прикрой меня.

– Как вы думаете, что это?

– Какой-то корабль.

– Откуда он мог взяться? Ведь никто не летает.

– Как видишь, значит, кто-то летает. А вот кто это и как оно это делает, нам и предстоит выяснить. Правда, улететь ему удалось не так далеко, как хотелось, – усмехнулся Капитан, оглядывая поломки корабля.

Максим занял позицию, Капитан осторожно зашел в следующий отсек корабля. Здесь, в отличие от предыдущего помещения, было практически пусто. С краю стояло что-то вроде кровати, но со стеклянной крышкой. Обломков на полу валялось гораздо меньше. Видимо, это помещение служило багажным отделением.

Капитан сделал всего два шага, как откуда-то сверху на него упало тело человека. Максим, выхватив нож, бросился на подмогу Капитану.

– Да здравствует Порядок! – еле слышным голосом произнес упавший человек. После удара прикладом автомата по голове он потерял сознание.

Глава 7

Очнувшись, Дмитрий обнаружил себя лежащим на земле. Руками в оковах с трудом удавалось пошевелиться. Тяжелые цепи, которые были присоединены к массивным кольцам, прочно вделанным в деревянные стены, существенно ограничивали движение. Дмитрий попытался пошевелиться, как вдруг острая боль тут же пронзила все его тело. Он почувствовал сильную слабость. Его стала мучить головная боль. Ему показалось, что он потяжелел как минимум вдвое.

Дмитрий сделал попытку осмотреться, но глаза болели от яркого света. Он постоянно щурился. Все казалось размазанным и нечетким, ему не удавалось сконцентрировать взгляд. В голове все гудело. Кроме этого он испытывал сильное чувство голода и жажды. В горле пересохло и сильно першило. Дмитрий попытался приподняться на ноги, но тут же упал. Мышцы ног обессилели, словно он пробежал около двадцати километров. Да, не таким Дмитрий представлял себе первый день на такой желанной Земле.

Прошло несколько часов. Дмитрий понемногу привык к яркому свету и смог оценить окружающую обстановку. Он находился в довольно просторном помещении с небольшой металлической кроватью, столом и тремя стульями. К той стене, у которой стояла кровать, были приделаны цепи. Многочисленные маленькие и решетчатые окна находились под самым потолком. Так что света в комнате было достаточно. К большому удивлению Дмитрия, пол в помещении отсутствовал. Здание, установленное прямо на землю, не имело даже хоть какого-нибудь фундамента.

С улицы доносились какие-то возгласы и разговоры на незнакомом ему языке. Хотя, как казалось Дмитрию, значение отдельных слов он понимал. Голоса то приближались, то снова отдалялись. Он хотел закричать, позвать кого-нибудь на помощь, но пересохшее горло не позволяло ему этого сделать. Все, что удалось выдать из себя, – это был жалкий хрип, который едва ли мог быть услышан за толстыми стенами сооружения.

Дмитрий никак не мог понять, что происходит. Как на родине Порядка может происходить нечто подобное? Как в краю благоденствия, где обитают только просветленные умы, мыслящее существо заковали в цепи, да еще лишили воды и пищи и оставили лежать на полу в изорванной одежде?

Он не мог найти объяснения тому, что на родине его прародителей, там, где, как ему всю жизнь говорили, процветание, могло произойти такое оскорбление человека. Наверное, не та планета? Но это была именно Земля.

Наконец дверь отворилась. Через нее в помещение ворвался прохладный ветерок, принеся с собой свежий воздух. В комнату вошли два человека. Один из них особенно удивил Дмитрия, так как в руке держал огромный топор. «Зачем ему это орудие, ведь в помещении неудобно рубить дрова», – подумал Дмитрий. Другой был ниже ростом и имел суровое лицо.

– Порядка вам, – начал быстро говорить Дмитрий. – Слава Порядку, что пришли люди! Как я рад!..

– Тихо, – перебил его Капитан.

– Я не понимаю, что тут происходит, – не унимался Дмитрий. – Меня атаковали в космосе. Я не знаю, кто, не знаю, как такое возможно, но это правда. Порядок мне свидетель. Мой корабль начал паде...

– Уймись ты.

– Я был еле живой. Но на меня напали неизвестные науке существа, точно неразумные. А иначе как объяснить их атаку? Меня оглушили. А потом я очнулся здесь, в цепях. Это же невозможно. Такое поведение не приемлет Порядок. Я уставший, голодный, у меня болит все тело. Но, слава Порядку, вы пришли! Вы люди, значит, поможете мне: дадите сыворотку мышечного

релаксанта, а также таблетку синтезированной воды и углеводов с белками. И мне сразу станет лучше... Но что же вы стоите?

– Фрэнк, окати его из ведра, может, хоть это его немного успокоит, – процедил сквозь зубы Капитан, указывая на ведро с дождевой водой, стоящее в углу.

– Помогите же мне! Порядок вас отблагодарит...

Раздался всплеск воды. Ошарашенный Дмитрий, промокший с головы до ног, удивленно посмотрел на гиганта, облившего его. Он хотел что-то возразить, но от негодования не смог сказать ни слова и так и остался сидеть с широко открытыми глазами и ртом.

– Утихомирился? Ну, вот так гораздо лучше. А теперь, летчик, давай рассказывай, кто ты, откуда и что это за штука, на которой ты свалился нам на головы, – спокойным тоном произнес Капитан.

– Смотрите, Капитан, то нашего летчика не заткнуть, а теперь молчит как рыба, – усмехнулся Фрэнк.

– Так, может, он нас не понимает? Слышал, на каком языке он говорил?

– Я такого диалекта с роду не встречал. Язык вроде бы наш, но говорит вот как-то совсем непонятно.

– Точно, все про порядок какой-то твердит. Это я понял.

– Капитан, так может, он считает, что тут грязно, и убираться хочет?

– А это мы и попытаемся выяснить. Послушай, ты нас понимаешь? – обратился Капитан к пленнику. – О каком порядке говоришь?

Дмитрий, хранивший молчание и лишь переводивший взгляд с Фрэнка на Капитана и наоборот, при слове «порядок» сразу оживился.

– Да! И вам Порядка! Я рад, что вы понимаете меня. Я не понимаю, зачем вы облили меня водой, но, быть может, у вас тут так надо? Это был обеззараживающий раствор? Снимите уже цепи наконец-то.

– Опять что-то мелет. Нам тут без переводчика не обойтись. В общем так, Фрэнк: езжай в город и привези сюда старейшину. Может, он поможет разъясниться с этим вот. А я еще попробую поговорить с ним, может, и научимся понимать друг друга.

Глава 8

– Отец Петри, вы самый мудрый человек из тех, кого я когда-либо знал. Скажите, вам удалось что-нибудь выяснить из беседы с нашим пришельцем? – спросил Капитан, медленно прохаживаясь по комнате.

Седовласый старец, подняв голову, посмотрел на собеседника. Абсолютно белая борода доставала ему практически до пояса. Глубокая старость не затмила живой блеск пронизательных глаз. Он положил руки на стол и медленно постучал по нему костлявыми пальцами. Глубокий вздох раздался из его приоткрытых губ.

– Странно. Очень странно, – еле слышно сказал старец. – Я не думал, что это когда-либо случится со мной.

– Что вы имеете в виду? Что странного?

– Этот юноша не похож на нас, но выглядит как мы.

– Что вы хотите этим сказать? – Капитан сел за стол напротив старца. – Удалось понять его слова?

– А вам, Капитан, не показалась его речь знакомой? Понятной?

– Его слова похожи на наши. Но произносит он их не так, как мы. И в некоторые слова явно вкладывает иной смысл. Отдельные фразы я понял. К примеру, что зовут его Дмитрий. Что он был очень голоден и хотел пить. А еще то, что считал наше поведение с ним очень странным. Но есть вещи, которые я совершенно не могу понять. К примеру, слово «порядок». Дмитрий произносит его практически в каждом предложении. Но что он хочет сказать?

– Я тоже обратил на это внимание. Но сейчас главное не то, что он хочет сказать, а как говорит, – отец Петри откинулся на спинку большого мягкого кресла и, сложив руки вместе перед собой, задумался. – Видите ли, Капитан, язык, на котором он говорит, мне знаком. Правда, практиковал я его очень давно. И единственный человек, с которым я на нем разговаривал, был мой учитель отец Нонан...

– Неужели тот самый отец Нонан?

– Да. Когда я был совсем юным, хотя, наверное, такое сложно представить, – старец сделал попытку изобразить подобие улыбки, – он взял меня к себе в ученики. Помимо всевозможных наук Нонан преподавал разные языки, в том числе и мертвые. Он всегда говорил, что придет время, и их знание мне пригодится.

– Так на каком же языке говорит «Дмитрий»?

– На безупречном русском языке. Даже сам отец Нонан не имел такого произношения. Да уж, никогда не думал, что знание русского языка окажется таким полезным для меня. Я всегда относился с сомнением к изучению мертвых языков и, по сути, считал это пустой тратой времени. Хорошо, что великий отец Нонан настаивал на своем.

– Что это за язык? И почему он так похож на наш?

Отец Петри сделал небольшой глоток воды и продолжил:

– Давным-давно, много столетий назад это был один из самых распространенных языков. Зная его, человек мог не бояться быть непонятым в любой точке мира. Но так было до дня Великой вспышки. После него людей осталось немного. Они начали объединяться в общины, чтобы было проще выжить. Но говорили на разных языках. Они смешивались, изменялись. И в результате образовался язык, на котором до сих пор говорим мы. На русском, сын мой, разговаривали наши предки. – Отец Петри перевел дыхание, после чего закончил: – Также странно, что кроме русского Дмитрий не знает ни одного другого языка. Хотя в наши дни каждый с младенчества владеет беркаским наречием.

– На беркаском разговаривают все. Только звери не понимают его.

– Но ваш Дмитрий ведь не похож на зверя, не так ли?

– Так-то оно так. Значит, вы смогли понять смысл его речи?

– На твой вопрос ответить не так просто, как кажется на первый взгляд. Смысл слов я уловил. А вот понять значение фраз мне пока не удалось.

– Почему?

– Потому что если воспринимать их буквально, то можно подумать, что этот несчастный просто сошел с ума. Но ведь на такого человека он не похож. Значит, в его словах кроется иной смысл, не тот, который мы сейчас понимаем.

– О чем он говорит?

– О путешествиях через пространство и время. О том, что прилетел к нам с другой планеты, на которой родился. О том, что он потомок землян и прибыл сюда для того, чтобы увидеть родину некоего «Порядка». Скажите, Капитан, разве может здравомыслящий человек вообразить нечто подобное?

Тот, поднявшись со стула, направился к окну, через которое пробивались последние лучи уходящего за горизонт солнца. Небо было безоблачным, в воздухе пахло душистыми пряно-стями. Капитан устремил взор на ангар, находящийся на краю поселения. Именно туда по его приказу Фрэнк доставил разбившийся летательный аппарат. «Этого просто не может быть, – думал про себя Капитан. – Перелеты с одной планеты на другую. Надо же выдумать такую глупость. Или же... Нет, такого не бывает. Но что же это за объект в ангаре?» – в мыслях Капитан прогонял десятки вопросов и не находил на них ответы. Вслух он лишь сказал:

– Разумеется, нет. Такое мог придумать только сумасшедший.

– Этот человек – огромная загадка, сын мой, которую нам предстоит понять. И кто знает, что скрывается за ее решением – великое благо или сущее зло?! – старец поднялся на ноги, оперевшись на деревянный посох, поправил подол своего одеяния и неторопливым шагом направился к выходу. Там он задержался и, повернувшись к Капитану, произнес:

– Мне надо вернуться в город. Повидать некоторых людей, переговорить кое с кем. А потом я отправлюсь в столицу. На это уйдет примерно месяц, а может и больше. Ты должен беречь нашего гостя. Одному Богу известно, какую услугу нам может оказать этот юноша. Стереги общество от него, и наоборот. А я после за ним пришлю. В городе будет легче понять, кто он такой и что ему надо. А до тех пор будь бдительным. Его сохранность поручаю тебе.

– Скажите, он может представлять угрозу?

– Угрозу? Он? – отец Петри рассмеялся беззвучным смехом. – Он не опаснее дитя малого. Его бросает в дрожь при одной мысли о том, что один человек может причинить вред другому. Нет, он не опасен. Он скорее беззащитен. Так что береги его, Капитан.

С этими словами отец Петри вышел на улицу, сел в припаркованный недалеко автомобиль и направился в сторону города.

«Беззащитен? Или очень умный актер, преследующий некие цели?» – задал немой вопрос Капитан вслед удаляющемуся мудрецу.

* * *

– Отвези меня к отцу Моргану, – сказал старец водителю.

– Как скажете, отец.

– Сколько времени у нас займет дорога?

– Путь предстоит длинный, ехать около суток.

«Хорошо, – подумал про себя старец. – Будет время все как следует обдумать, взвесить и проанализировать. Очень странный случай, и чем более он непонятный, тем интереснее. Говорит этот малый как умалишенный, но на такого не похож. Взгляд у него очень умный и пристальный. Но если предположить, что слова его есть истина, то тут недалеко и самому сойти с ума. Надо обсудить поведение гостя с другими старцами, а потом думать, что с ним

делать. Опасности он не представляет. Но, быть может, это только маска, чтобы притупить бдительность? Надо везти Дмитрия в город. Там будет гораздо безопаснее держать гостя, да и возможностей для его изучения намного больше, нежели в этой деревушке. Надо связаться с Константином. Его мнение тоже может оказаться полезным».

Глава 9

– Итак, тему прошлой лекции нам расскажет... расскажет... Луценко, выходи к доске.
– Но ведь я отвечал на прошлом семинаре, Юрий Георгиевич, – возмутился молодой студент.

– Ну, отвечал – это громко сказано. Скорее, мямлил. Так вот, я даю тебе шанс исправиться, оправдаться перед сокурсниками. Так сказать, вернуть себе лицо.

Юноша медленно пошел к доске, судорожно перебирая в голове все небольшое, что помнил о распространении пространства по теории относительности.

– Ну, Луценко, первый вопрос, – начал преподаватель, – скажи мне название прошлой лекции.

– Это я знаю – распространение пространства по теории относительности.

– Молодец, а я-то думал, что ты спал беспробудным сном. Что ж, давай теперь расскажи, что знаешь о распространении пространства по теории относительности. Для начала напиши формулу на доске.

– Итак... Формула распространения пространства по теории относительности, то есть L равняется...

В этот момент дверь в аудиторию открылась. За ней стоял декан кафедры космического инженерного строительства.

– Юрий Георгиевич, немедленно пройдите в мой кабинет.

– Но у меня семинар...

– Ничего, – перебил его декан, – семинар подождет. Пойдемте немедленно. Дело не терпит отлагательства.

– Что ж, не терпит, значит, пойдём. Повезло тебе, Луценко. Но учти, у тебя еще представится много возможностей блеснуть своими познаниями. Идемте, Геннадий Васильевич.

С этими словами профессор инженерных наук в сфере космического строения Юрий Георгиевич собрал в небольшой саквояж свои записи и проследовал за деканом в его кабинет.

По дороге к месту назначения преподаватель неоднократно пытался узнать от Геннадия Васильевича хоть что-то по поводу необычного дела. Но на все вопросы получал лишь один ответ: «на месте вам все объяснят». Бросив тщетные попытки выведать какую-либо информацию, остаток пути профессор молчал.

– Прошу пройти в мой кабинет, – сказал декан, когда они подошли к двери. – Там вас ждут.

– А вы не войдете? – удивился Юрий Георгиевич.

– Нет. Велено было привести только вас.

«Странно, – подумал профессор. – Обычно Геннадий Васильевич, словно Цербер, оберегает свой кабинет, никого за равного не считает. А тут словно школьник себя ведет. Кто же там меня ждет»? С этими мыслями Юрий Георгиевич открыл дверь и переступил порог кабинета.

В комнате было три человека, на вид средних лет. Особенно привлек внимание мужчина, сидевший за столом декана. На нем был надет черный костюм с черной сорочкой и белым галстуком. А на пиджаке красовался значок в виде двух перекрещивающихся шпаг на фоне двуглавого орла. Он еле заметным жестом предложил двум остальным мужчинам, стоявшим по обе стороны стола, начать разговор.

– Добро пожаловать, Юрий Георгиевич, – начал тот, что находился справа от стола. При этом руки его остались неподвижно лежать в карманах брюк.

– Здравствуйте, господа. Чем я могу быть вам полезен?

– А вот это очень хороший вопрос, Юрий Георгиевич, – вступил в разговор человек, стоящий слева от стола. – Мы о вас много слышали.

– Но я все же не понимаю, в чем собственно...

– Мы вам все объясним, Юрий Георгиевич. Вы присаживайтесь в кресло.

Человек, находящийся справа от стола, жестом, не допускающим неповиновения, указал на кресло, стоящее напротив них. Преподаватель, сев в него, оказался прямо напротив мужчины в черном костюме и белом галстуке, который до сих пор не проронил ни слова, а лишь пристальным взглядом наблюдал за ученым.

– Уважаемый Юрий Георгиевич, – снова вступил в разговор человек справа, подчеркнуто медленно проговаривая имя и отчество профессора, – мы общались с разными специалистами, докторами наук и много с кем еще по всей стране. И практически все нам рекомендовали именно вас.

Говоривший взял со стола папку желтого цвета с надписью «Секретно. Личное дело номер 121», после чего продолжил:

– Потрясающие характеристики, Юрий Георгиевич. В свои тридцать семь лет вы добились столько, сколько многие не имеют и за две жизни. Ваши научные работы, издания, проекты, изобретения просто поражают воображение. Ваши разработки двигателей, корпусов кораблей – просто гигантский скачок в новый технический век.

– Вы слишком мне льстите. Многие из моих проектов еще не закончены, кое-какие работы пока остаются только теориями.

– Не скромничайте. Ваши заслуги есть и в разработанном двигателе.

– Как я вижу, вы обо мне осведомлены гораздо лучше, чем я о вас. Вы знаете про меня все, я же о вас – ничего.

– Имена, конечно же, – снова вступил в разговор человек слева. – Со временем вы все узнаете. А пока пусть я буду Иван Иванович, мой коллега справа Петр Петрович, а господин за столом – Михаил Михайлович.

– Что ж, Иван Иванович, – Юрий Георгиевич начинал терять терпение, – тогда соблаговолите сказать, по какой причине вы здесь и для чего вам понадобился я.

– Хорошо, Юрий Георгиевич, перейдем к делу, – впервые нарушил молчание человек, которого назвали Михаилом Михайловичем.

Его низкий и стальной, словно струна, голос заставил профессора вздрогнуть. Михаил Михайлович достал железный кейс с кодовым замком. На чемодане красными буквами жирным шрифтом было написано: «Государственная тайна. Совершенно секретно». Михаил Михайлович набрал шифр из десяти цифр. После этого из открывшегося кейса достал бумажную папку с надписью: «Проект „Чистый дом“». Далее он продолжил:

– Как вы могли догадаться, Юрий Георгиевич, разговор пойдет о государственной тайне первой категории. Это значит, что вы будете посвящены как выбранный кандидат в то, о чем другим даже помыслить запрещено. Разглашение любой информации по проекту «Чистый дом», даже отдаленное упоминание о нем в разговоре с посторонними неосведомленными людьми будет считаться государственной изменой и караться смертью.

– Я должен это скрывать даже от своей жены? У меня нет от нее секретов.

– Значит, появится первый.

– Вы меня не поняли, – повторил Юрий Георгиевич. – Мы с женой одно целое, и то, что известно мне, знает и она.

– Нет, это вы меня, наверное, плохо расслышали. Проект, о котором, возможно, пойдет в дальнейшем речь, является самой засекреченной на данный момент информацией в государстве. И любое разглашение этих сведений будет незамедлительно караться смертной казнью лица, как рассекретившего, так и получившего их.

– Почему вы сказали «возможно, пойдет в дальнейшем речь»?

– Потому что никто вас заставлять не будет. Вы сами решите, хотите участвовать в проекте или нет. Это будет только ваш выбор.

- Но как я смогу что-либо скрывать от жены?
- В этом вам помогут. Вы, как и прежде, будете жить дома, по утрам выходить на работу. Только деятельность у вас будет другой...
- Вы хотите, чтоб я ушел из университета? – перебил человека в черном Юрий Георгиевич.
- Да, у вас не останется времени на преподавательскую деятельность. У вас и ваших коллег будет очень много работы.
- В чем она заключается?
- Что ж, поскольку мы поняли друг друга по поводу государственной тайны... А мы ведь поняли друг друга, не так ли, Юрий Георгиевич?
- Вы очень доходчиво объясняете, Михаил Михайлович.
- Значит, мы можем приступить к главному. Юрий Георгиевич, вы помните, как пять лет назад шаттл «Журавль» впервые вышел в межзвездное пространство?
- Конечно. Это великое достижение для науки. Тем более важное событие для меня, так как я отчасти приложил к этому руку.
- Так вот, на шаттле не было людей.
- Как не было? – удивился Юрий Георгиевич. – Ведь объявляли, что на нем был экипаж.
- Так было только сказано. Но это не так. «Журавль» лишь спутник, у которого была не только задача выйти за пределы нашей Солнечной системы, но и другая миссия, более важная.
- Какая?
- Достичь звездной системы, расположенной в скоплении Мир2945ПРТ, а именно звезды Лотос, чтобы исследовать планету, названную нами Ферус.
- Разве это возможно?
- Да.
- Но ведь двигатель, разработанный профессором Зельциным, не мог преодолеть настолько огромное пространство! Да еще и за такой короткий промежуток времени!
- Неужели вы думаете, что вся информация была раскрыта широкой массе зрителей, в том числе и завистникам с Запада? Публика получила лишь часть того, что было решено ей открыть. Только самую поверхностную информацию. И толпа, будучи уверенной, что получила все сполна, довольная продолжила свое существование, думая, что все держит под контролем. В итоге все довольны. Но сейчас не об этом. Принципы работы двигателей, а также преодоления межзвездного пространства вы еще успеете обсудить со своими коллегами. А пока ознакомьтесь с содержимым данной папки. – С этими словами человек в черном костюме передал ее Юрию Георгиевичу.

Глава 10

В кабинете декана все умолкло. Казалось, что даже стрелки часов, висевших на стене, остановили ход, чтобы не нарушать тишину.

Юрий Георгиевич привстал, чтобы снять свой уже потертый, но все еще элегантный пиджак, подаренный ему женой. Он не очень сильно разбирался в моде, поэтому подбирать себе одежду всецело доверял супруге, которая всегда следила, чтобы муж, «утонувший» в рутине науки и преподавания, оставался чистым и опрятным. Профессор машинально, как делал это всегда, когда нервничал, провел правой рукой по голове, поправляя немного всклокоченные волосы, после чего взял папку.

Открывать ее у него не было особого желания, так как Юрия Георгиевича нельзя было назвать уж очень любопытным человеком. Кроме того, он понимал, что после того, как ознакомится с ее содержанием, обратного пути точно не будет. Вот если бы Марине можно было все рассказать, то это было бы совсем другое дело. Обязанность что-либо скрывать от нее, даже, быть может, самую незначительную информацию, тяготила его. Он еще раз прочел надпись: «Проект „Чистый дом“». Профессор медлил, что явно не доставляло удовольствия человеку в черном костюме.

– Открывайте, – командным голосом произнес он.

– Да-да, конечно, – скорее рефлексивно, чем сознательно ответил Юрий Георгиевич.

Наконец профессор глубоко вздохнул, закрыв глаза, собрал всю волю в кулак и перелистнул первую страницу. «Наверняка какая-нибудь ерунда, о которой нечего беспокоиться, – пронеслось в его мыслях. – Ну что в этом может быть опасного? Когда-нибудь мы еще посмеемся над этим вместе с Мариной».

Юрий Георгиевич обратил внимание на текст, гласивший: «Сведения, которые вы собираетесь прочитать, составляют государственную тайну первой категории. Получая доступ к ней, вы гарантируете, что не будете разглашать информацию, полученную при ознакомлении с материалами данного документа. За разглашение указанных сведений, равно как и за их использование в ущерб государству вы будете обвинены в государственной измене и немедленно казнены. Президент Российской Федерации Анатолий Борисович Стержнев».

Профессор прервался, сделав еще один глубокий вдох. После этого, не отводя взгляда от документа, он перевернул следующую страницу.

«В связи с тем, что население Земли стремительно увеличивается, в том числе и численность людей вверенного мне государства; из-за сокращающихся природных ресурсов, в особенности запасов нефти, природного газа, все расширяющейся вырубки лесов; дальнейшего ухудшения техногенной ситуации, а именно: все большего загрязнения рек, озер, морей, атмосферного слоя, почвы; из-за роста безработицы, нищеты и голода мною, Президентом Российской Федерации, первого мая две тысячи пятьдесят первого года был издан секретный указ о поиске планеты в иной звездной системе, имеющей схожие с Землей природные условия.

Этим же указом было дано распоряжение начать проектирование и изготовление двигателя нового поколения, способного доставить спутник к найденной планете в кратчайшие сроки.

Для достижения поставленных целей были собраны лучшие умы государства. Самые выдающиеся ученые занялись поиском подходящей планеты и проектированием двигателя. Результаты не заставили себя долго ждать.

Двадцать третьего сентября две тысячи пятьдесят шестого года планета, имеющая схожие с Землей природные условия, была найдена в звездной системе звезды Лотос, находящейся в скоплении Мир2945ПРТ.

Еще два года ушло на то, чтобы исследовать планету с помощью наших телескопов и космических спутников. Но информации было недостаточно из-за отдаленности найденного объекта от Земли.

В середине две тысячи шестидесятого года был разработан двигатель, позволяющий преодолеть притяжение Солнца с достаточной быстротой. Двигатель успешно прошел все испытания. Одновременно с этим была разработана теория, позволяющая преодолевать межзвездное пространство, используя его искривление, или, как это было названо, космические норы.

В конце две тысячи шестидесятого года началась подготовка спутника, который должен был достичь системы звезды Лотос и совершить посадку на планете Ферус. Там спутник должен был изучить природные условия и дать окончательный ответ на вопрос: пригодна данная планета для жизни людей или нет.

Запуск спутника был приурочен к юбилею по случаю первого полета человека в космос и прошел успешно.

Спутник, управляемый российскими учеными с Земли, с легкостью преодолел притяжение Солнца и вышел за пределы Солнечной системы. После этого начался самый важный процесс, который остался неизвестным широкой массе людей, – на практике было необходимо проверить теорию преодоления пространства через космические норы.

Все прошло успешно, теория стала практикой. Космическая нора была открыта, спутник через нее преодолел межзвездное пространство и достиг звездной системы Лотоса.

Второго сентября две тысячи шестьдесят первого года спутник приземлился на планете Ферус. Данные, посланные аппаратом, подтвердили, что жизнь человека на планете возможна. Природные условия, атмосфера, гравитация хоть и отличались от земных, но были очень схожими с ними и приемлемыми.

После получения информации немедленно начато строительство шаттла для отправки первых граждан на Ферус. Собрали генетически здоровую группу добровольцев из десяти человек – пяти мужчин и пяти женщин в возрасте двадцати восьми лет. Все они являлись учеными в научных областях, имеющих первостепенное значение.

Первого июня две тысячи шестьдесят третьего года был осуществлен запуск шаттла. Преодолев тот же путь, что и спутник, шаттл успешно приземлился на Ферусе. Между планетами была установлена постоянная связь посредством спутников, расставленных в космосе с помощью космических нор.

До первого марта две тысячи шестьдесят шестого года осуществлялось наблюдение за отправленной группой. За неполных три года у испытуемых не были обнаружены никакие необычные симптомы, болезни. Все пять пар родили здоровых детей, развивались по разработанной программе без каких-либо отклонений.

За это время ими были пророщены растения, привезенные с собой с Земли, детально изучена местная фауна, а также ее влияние на земную сельскохозяйственную культуру.

На основе полученной информации был сделан вывод, что люди с Земли смогут переселиться и жить на планете Ферус.

В связи с этим Приказываю:

– отобрать и подготовить группу в количестве ста тысяч человек для их последующего переселения на планету Ферус;

– разработать проект и построить космический корабль, способный перевезти на планету Ферус сто пятьдесят тысяч человек с необходимым грузом одновременно.

Для достижения поставленных целей Приказываю:

– отобрать группу ученых для проектирования космического корабля;

– создать комитет по отбору и подготовке людей, отправляемых на Ферус;

– выделить из бюджета денежные средства, необходимые для выполнения поставленных целей;

– ответственным за проект назначаю первого советника государства Андрея Ивановича Котова.

Пятнадцатое марта две тысячи шестьдесят шестого года.

Президент Российской Федерации Анатолий Борисович Стержнев».

Юрий Георгиевич был потрясен. Он посмотрел на человека в черном костюме и спросил:

– Неужели это все правда, Андрей Иванович?

– Хм... А вы неглупый человек, Юрий Георгиевич.

– Неужели все, что тут написано, правда? – профессор никак не мог прийти в себя.

– Правда. Мы действительно уже более двух лет наблюдаем за группой переселенцев, которые находятся на планете Ферус за миллионы миллионов километров от нас с вами. И сейчас наша задача – это сконструировать корабль, который сможет перевезти туда еще некоторое количество людей.

– Но почему только сто тысяч человек? Сколько таких кораблей будет? Ведь если там целая планета, то мы можем перевезти сотни миллионов.

– Юрий Георгиевич, со временем вы получите ответы на интересующие вас вопросы. Но на сегодня достаточно информации. Внизу ждет автомобиль, который отвезет вас домой. Завтра в шесть утра за вами заедут. Будьте готовы. И напоследок: никогда не забывайте, что все, что вы узнали сегодня в этом кабинете, – строжайшая тайна. Всего доброго, Юрий Георгиевич.

Глава 11

Прошло чуть больше месяца. От отца Петри не было никаких новостей. Волнение от упавшего загадочного небесного объекта понемногу улеглось, и жизнь в пограничной деревне вернулась в прежнее русло. Этому способствовало и то обстоятельство, что Капитан строго запретил выпускать Дмитрия из так называемой тюрьмы и кого-либо пускать к нему.

За прошедший месяц Дмитрий, обладавший удивительными способностями к обучению, уже мог понимать беркаское наречие и изъясняться на нем. Поэтому трудностей в общении с Капитаном он не испытывал.

Понимая свое безвыходное положение, бессмысленность попытки бегства, хотя надо сказать, Дмитрий даже не думал самовольно покинуть плен, он понемногу свыкся с неизбежностью заточения и безропотно ждал решения дальнейшей судьбы. Снова начал заниматься физическими упражнениями, приводил мышцы, дыхание и сердцебиение в тонус при помощи специальных упражнений, разработанных профессором Георгием на его родной планете. В связи с этим он стал привыкать к земному притяжению и уже не испытывал слабости в ногах при ходьбе, а также головокружение и тошноту.

Единственным человеком, с которым Дмитрию разрешалось общаться, был Капитан. Он приходил к нему ежедневно вечером, после того, как возвращался с дежурства по окрестностям. Дмитрий рассказывал ему о своей планете, о жизни на родине, о мечтах и о том, зачем прилетел на Землю. Говоря обо всем этом, он замечал недоверчивый и в тоже время добрый и по-отцовски нежный взгляд Капитана. Дмитрий спрашивал его, почему тот не верит его словам, на что всегда получал один и тот же ответ – усмешку и дружественное похлопывание по плечу. После этого Капитан уходил, обещая завтра прийти снова.

Дмитрий в свою очередь узнал от Капитана многое о той местности, в которой оказался, а также о других, где когда-то бывал Капитан. Получил он представление и о местных порядках, о войнах, о зверях. Но Дмитрий отказывался верить в нелепые рассказы Капитана. Он даже не мог помыслить о том, что на великой Земле вовсе не существует и никогда не было никакого Порядка. Он не понимал, что значит «война», «враг», чем приводил в глубокое замешательство и удивление Капитана.

– Что значит «враг»? – допытывался Дмитрий.

– Это когда один человек против другого, – пытался объяснить Капитан.

– То есть соперник?

– Нет. Соперником может быть друг, товарищ или просто тот, к кому ты равнодушен. Ты не хочешь ему сознательно причинить вред или боль. Враг же – совсем другое дело: человек желает его уничтожения.

– Как это, желать уничтожения?

– Как же тебе объяснить, – посмотрел Капитан на Дмитрия, словно перед ним сидел четырехлетний мальчик, а не взрослый человек. – Ну смотри, у тебя на твоей планете, – улыбнулся Капитан, – был огород?

– Что было?

– Ну место, земельный участок, на котором ты выращивал растения.

– Вы имеете в виду палисадник? Конечно. Он обязательно есть у каждого дома.

– Пусть будет палисадник. Так вот, бывали у тебя сорняки?

– Сорняки?

– Это когда ты хочешь вырастить что-то определенное, скажем цветы, а среди них вырастает трава, которую ты специально не сажал. Понимаешь?

– Теперь понимаю.

– Значит, имеешь представление о сорняках, уже хорошо. Так что ты делал с этой травой?

– Специальная программа выжигает ее.

– Вот! Наконец-то! – обрадовано воскликнул Капитан. – А теперь представь, что твой палисадник – это наша страна. Цветы – люди, проживающие в ней, создавшие общество и порядки, по которым существуют. Сорняки – это враги, внешние и внутренние, которые пытаются навредить стране. Ну, а я и мои люди – это специальная программа, которая выжигает их. Теперь понял?

Дмитрий задумался, опустив глаза в пол, после чего возразил:

– Сорняк – враг не по собственной воле, а в силу своей природы. Он не выбирает, где ему расти, а где нет. Он существует там, куда ветер принес семя, где вода напоила водой, а солнце согрело лучами. Люди же, будучи разумными, сами решают, что им делать, куда идти, что говорить. Поэтому человек, понимая значимость своих действий и имея свободу воли и различные варианты поведения, выбирает тот, который наименее неблагоприятен для других существ. Поэтому люди, в отличие от сорняков, не могут быть врагами в силу своей природы. Человек убирает сорняк из палисадника, но никогда не тронет его в поле.

– Где же тебя такого воспитали?! – только и ответил Капитан, после чего удалился.

Дмитрий никогда не досаждал Капитану какими-то просьбами личного характера, не требовал от него ничего, даже объяснений относительного своего заточения, хотя и считал это крайней формой бесчеловечности и несправедливости. Единственное, о чем каждый раз он просил Капитана, – о возможности выйти на улицу, пройтись под открытым небом, насладиться чистым воздухом. Но Капитан, вспоминая наставления отца Петри, постоянно отвечал отказом. До сегодняшнего дня.

Это был теплый воскресный вечер. Только что сменился караул, немногочисленные жители крепости расходились по своим домам, рабочие завершали трудовой день. Так что на улице оставалось не так много людей, к тому же у них за прошедший месяц интерес к пришельцу сошел почти на ноль. Кроме того, за время общения с Дмитрием Капитан убедился, что гость не представляет никакой опасности местным жителям. Поэтому в этот вечер он решил вывести Дмитрия на улицу.

Капитан вошел к нему в своей повседневной одежде, как всегда аккуратно выглаженной и чистой. Несмотря на практически полевые условия проживания, Капитан со всей строгостью относился к порядку, чего требовал и от всех подчиненных. Он считал, что аккуратность в одежде и внешнем виде способствует порядку в мыслях, что, в свою очередь, является залогом успеха. Только следуя строжайшей дисциплине, неукоснительно соблюдая правила и инструкции, по его мнению, можно было достичь больших высот. За свой характер Капитан снискал славу и уважение не только на родине, но и далеко за ее пределами.

Единственной мерой безопасности, о которой заранее позаботился Капитан, служил здоровяк Фрэнк, пришедший вместе с любимым топором, который вполне мог сыграть роль увесистого гаранта безопасности Дмитрия от окружения, и наоборот.

«Пленнику» не терпелось как можно быстрее покинуть место своего заточения. Дмитрий, не слушая Капитана, отвечал утвердительно на все его предупреждения. Он только краем уха уловил отдельные фразы: «Если ты попробуешь бежать...», «Хоть одно резкое движение с твоей стороны...», «Ты видишь этот топор...» Но мысли Дмитрия были уже за оградой. Он совсем перестал слушать Капитана, даже и не думал о возможности побега, о том, чтобы напасть на кого-то. Все его мысли были связаны с тем, что же он там сейчас увидит. Там, за стеной. Больше месяца он прожил в заточении. Волшебная, манящая Земля с ее Порядком, просторами и благоденствием была так близко, но он не мог ее созерцать. Между ним и внешним миром стояла непроницаемая стена из толстых бревен. И вот, наконец, эта завеса рухнет, и он увидит то, к чему стремился с детских лет, – сделает первые шаги по Земле, под земным небом, вдохнет свежий земной воздух.

Наконец все приготовления закончились. Капитан, в последний раз убедившись, что Дмитрий бежать не планирует, велел открыть дверь. Заскрежетали старые засовы в замке. В комнату с порывом ветра ворвался прохладный вечерний воздух. В лицо Дмитрию ударили лучи заходящего солнца. Он сделал глубокий вдох, закрыв глаза, и вслед за Капитаном вышел во двор. Последним импровизированную тюрьму покинул Фрэнк, закидывая тяжелый топор на плечо.

Глава 12

– Где я? – недоумевающе воскликнул Дмитрий, как только оглянулся по сторонам. – Где величественные строения, монументы, фонтаны? Где техника, автомобили? Что это за безумное место? Что это?

Дмитрий стоял на небольшой площади, служившей одновременно центром и плацем для пограничной деревни, которая выполняла роль крепости, защищающей южные границы государства Бенгалия от нападений соседей.

Населенный пункт находился на небольшом холме, который сплошь до горизонта был окружен густыми лесами. Только с одной стороны виднелась узкая полоса степи, уходившая далеко на север.

Деревушка была не самая большая и насчитывала чуть больше сорока строений, окруженных большими каменными стенами. Дороги являлись простой утрамбованной землей и были выложены по бокам неровным булыжником.

Только у центрального здания – судя по всему, местной администрации, – вырисовывалась хоть какая-то архитектурная и творческая мысль. Но все равно оно представляло собой весьма жалкое зрелище. Остальные дома и вовсе являлись грубо сколоченными деревянными постройками. Цивилизации, о которой так грезил Дмитрий, здесь явно не было.

Он не мог поверить в то, что видел. Дмитрий трогал на ощупь дома, надеясь распознать в них декорацию или голографическую иллюминацию. Он переходил из одного места в другое, всматривался куда-то вдаль, потом возвращался. Дмитрий приседал и трогал землю, делал глубокий вдох, и каждый раз с некой беззвучной мольбой в глазах оборачивался к Капитану.

– Где я?

– Добро пожаловать в Бенгалию, мой друг, – усмехнулся Капитан. – В Крепость Розенбург.

– Крепость Розенбург?

– Эта крепость была построена полсотни лет назад, когда мы смогли прогнать зверей с этих мест. Старцы тогда приняли решение не продлевать продвижение на юг, а установить границы государства здесь. Тут очень удобное месторасположение, подобраться к крепости незамеченным невозможно. А дальше на юг идут густые леса, полные болот. Так что Крепость Розенбург является самой южной точкой нашего государства.

– Но как? – продолжал недоумевать Дмитрий, больше обращаясь самому к себе, чем к Капитану. – Как вы можете жить тут? Это же не город! Это даже хуже мусорной свалки после пожара! Как вы это все допустили? Что случилось с прекрасными, четко структурированными городами, полностью подчиненными симметрии? Где ваши пароплановые кабины и ретрансляторы? Где аллеи, цветы, сады? Где четкость, красота и гармония? В конце концов, где же вы передаетесь Порядку?

Дмитрий не мог понять, что произошло. Неужели это не та Земля, на которую летел? Неужели он где-то ошибся и очутился на чужой планете, с дикими варварскими нравами, присущими только животным? Разве может быть ошибка? Конечно же нет. Но что тогда произошло? Что случилось с идеальным Порядком, который так превосходно регулирует жизнь людей на его родной планете вот уже две тысячи лет? Что бы тут ни произошло, Дмитрий понимал: его встреча с мечтой – с родиной Порядка – снова откладывается. «Как тяжел путь к нашим грезам, – думал Дмитрий. – Порой кажется, что все – за соседней дверью, которую стоит только открыть. Но, отворив ее, видишь за ней точно такую же дверь, а за ней еще одну, и так далее».

Дмитрий пытался найти оправдание тому, что его окружало, найти причину всему происходящему. Но не мог. «Может, это заповедник, инсталляция? Но я не припомню, чтоб хоть где-то было бы что-нибудь подобное. Порядок не приемлет демонстрацию дикости и жесто-

кости. Зачем показывать то, чего не было, нет и не будет? Или, возможно, это эксперимент? Но тогда для какой цели его проводить? Что подобный варварский эксперимент способен подтвердить или доказать? Могут ли люди превратиться в животных или нет, если их изъять из системы и изгнать из общества? Но человек выше всего этого. Ничего не понимаю».

Из оцепенения его вывел Капитан, положивший руку ему на плечо:

– А что ты ожидал увидеть?

– То же самое, что и на моей планете, только лучше, больше, выше. Я в школе изучал географию Земли, градостроительство, устройство мегаполисов, парков, садов и всего-всего. Всех нас с детства учат тому, как все должно быть устроено: населенные пункты, жизнь людей. И нам говорили, что Земля полностью покрыта городами, по образу которых мы строим свои на Ферусе, – пытался объяснить Дмитрий.

– Это как?

– Так же, как и на Земле, – не успокаивался Дмитрий. – В центре любого города находится площадь. С западной стороны должна быть построена администрация, а с восточной – здание Порядка. На север и юг от площади отходят дороги, вдоль которых расположены хозяйственные и социальные объекты города, парки, места общественного отдыха. А по периметру этого комплекса в несколько рядов проложены дороги, по которым построены дома граждан. Все здания одинаковы, имеют идентичный участок, построены по стандартному чертежу. Так выглядят все города.

– Да уж, – задумчиво проговорил Капитан. – У нас все немного по-другому.

– Неужели все ваше государство состоит из подобных поселений?

– Конечно нет. Это лишь малое поселение на самой окраине. Да это даже и не деревня. А приграничная крепость. Есть крупные города с высокими строениями...

– Значит, я, может, поспешил с выводами, – тут же ухватился за надежду Дмитрий. – Может, все как и должно быть, по Порядку в городе? Ведь много лет прошло. А это место – просто новое веяние. Мне нужно попасть в город, я должен встретиться с Хранителем Порядка ближайшего города.

– Встретишься, только позже и не совсем с ним. Но обязательно встретишься.

Глава 13

– Я объявляю совет старейшин Бенгалии открытым, – произнес седой старик уставшим голосом. – Прошу садиться.

В просторном зале, залитом светом дневного солнца, находилось тринадцать человек. Это были мужчины в уже весьма почтенном возрасте, о котором напоминали длинные седые бороды.

Председатель совета, отец Верши, был облачен в красную мантию, два его заместителя – в синие, а остальные – в черные.

Совет старейшин Бенгалии был верховным органом управления в государстве. Ему принадлежала вся полнота законотворческой, исполнительной и судебной власти. Совет состоял из тринадцати старейшин, которые выбирались народным собранием по одному от каждой из тринадцати областей Бенгалии. При этом стать старейшиной мог только мужчина, достигший шестидесятилетнего возраста. Нового старейшину выбирали только в случае смерти другого, что случалось, впрочем, не так часто, так как в среднем старейшины доживали до восьмидесяти-девяноста лет, что на удивление не мешало сохранять им острый и четкий ум. Раз в пять лет старейшины выбирали председателя совета и одного заместителя. Второго заместителя назначал сам председатель совета.

Решения по вопросам принимались с помощью простого голосования. При этом председатель совета включался в него только в том случае, если мнения по какому-либо вопросу делились поровну. В ином случае он мог только давать заключение по повестке, но не высказываться за ее принятие или против нее.

Большее количество времени старейшины находились в собственных областях и являлись там единоличными правителями – наместниками совета старейшин. При этом старейшина в вверенной ему области не мог принимать решения, которые отличались бы от тех, что приняты на общем совете, или противоречили им. При выявлении злоупотреблений своими правами старейшину ждало единственное наказание – смертная казнь через отсечение головы.

Раз в три месяца старейшины собирались в столице для определения решений по накопившимся вопросам, для принятия новых законов и издания указов. Однако в чрезвычайных случаях возможны были и внеочередные заседания совета. Как раз одним из них и стало сегодняшнее собрание.

– Как я полагаю, вы уже осведомлены, по какому поводу я вас вызвал на внеочередное заседание совета? – обратился отец Верши к находящимся в зале. – Речь сегодня пойдет о необычном незнакомце, который словно упал с неба недалеко от крепости Розенбург.

– Как это возможно? – изумился отец Мартий. – Я был уверен, что это только слухи и домыслы. Все знают, что небо для полетов закрыто со стародавних времен.

– Вы, конечно, правы, отец Мартий, – отозвался старец по имени Дунган, сидящий напротив него. – Но разве окружающая нас природа вещей постоянна? Разве она не претерпевает изменений, которые пусть и не видны нашему глазу, но заметны поколениями. Так что удивительного в том, что небо стало открытым, хотя мы и не заметили, когда именно это случилось?

– Давайте не торопиться с выводами, уважаемые старцы, – прервал председатель совета. – У нас пока нет ни данных, ни параметров. Чтобы выяснить истину, мы и собрались сегодня здесь. Пока достоверно одно: что объект не летел, а, скорее, падал, что сразу отменяет теорию о том, что небо снова открыто для человека.

– Но откуда объект мог упасть, если он не прилетел с неба?

– Я предлагаю заслушать доклад свидетеля, который не только воочию видел странный объект, но и лично общался с незванным гостем, который называет себя Дмитрием. Отец Петри, я передаю вам слово.

– Достопочтенные старцы, – начал он свою речь, – то, что произошло, является знаменательным событием. Я предполагаю, что оно может отразиться не только на Бенгалии, но и на других государственных образованиях. Каким именно образом? – Тут старец сделал паузу. – Этого я сказать пока не могу. Так как для меня в данном вопросе слишком много неизвестных параметров, большое количество непонятного и даже невозможного. Отец Дунган, вы сказали, что ничего нет постоянного и все меняется.

– Совершенно верно, все меняется.

– Но разве подвержены изменениям законы физики? Разве могут быть преобразовываться параметры вещества?

– Мы знаем то, что нам известно. И можем изучать только наше познание, ведь невозможно исследовать то, о чем мы не ведаем. Поэтому мы можем знать и изучать одно, считать это истиной, а на деле быть круглыми дураками. Природа вещества настолько многогранна, что вряд ли кто-то осмелится сказать, что вот это или то абсолютная истина.

– В ваших словах, отец Дунган, есть доля правды, – обернулся в его сторону отец Петри, – но разве вы или кто-то другой может предположить вероятность полета к другим звездам?

– Это исключено, – высказался отец Мартий. – Даже если предположить, что мы выберемся за пределы планеты, никогда не преодолеем пространство до других звезд.

– Позвольте с вами не согласиться, – возразил отец Дунган. – Расстояние – величина, равная времени, умноженному на скорость. Таким образом, в обсуждаемом нет ничего невозможного. Вопрос только в том, сколько времени на это понадобится и как преодолеть притяжение Земли, а потом Солнца. Но согласен с тем, что сейчас подобных технологий нет и вряд ли они появятся в обозримом будущем.

– А вот Дмитрий считает иначе. Он утверждает, что прилетел к нам с другой планеты, которая находится на орбите звезды, расположенной в сотнях миллионах километрах от Земли. И на такое путешествие у него ушло чуть больше четырех месяцев, если я его правильно понял.

После этих слов по залу прошла волна шепота, но под взглядом председателя совета гул понемногу стих.

– Он сумасшедший, – невозмутимо заявил отец Мартий.

– Я бы с вами полностью согласился, если бы не видел Дмитрия собственными глазами, не разговаривал с ним. Его речь логична и конструктивно построена. Он говорит о необычных невиданных вещах, но спокойно, не сбиваясь. В любой момент может вернуться к интересующей меня части разговора и все дословно повторить. Его глаза светятся разумом. Нет, он точно не сумасшедший, – отец Петри немного помолчал. – А что я могу сказать про машину, на которой он свалился? Ничего подобного я никогда не видел. Там неизвестные механизмы, новые металлы. Но есть и еще одно обстоятельство. Это язык, на котором разговаривает Дмитрий.

– На каком наречии он говорит?

– Это не наречие. Беркасский язык он вообще не понимал. А вот говорил на чистейшем русском.

– На русском? – удивился отец Морган. – Но ведь это мертвый язык. Уже больше тысячи лет на нем никто нигде не разговаривает, и только ученые старцы, как отец Нонан, изучали его. Откуда он может его знать?

– Это неизвестно. Я был учеником отца Нонана и лично знаю всех, кто бы мог говорить на русском и обучать этому языку. Но Дмитрий говорит на нем немного по-иному, нежели те, кто учил этот язык. Можно подумать, что русский – его родной язык. Настолько хорошо Дмитрий им владеет. Кроме того, он употребляет слова, значение которых мне совершенно неизвестно. Так же следует упомянуть об очень необычном поведении Дмитрия. Он абсолютно не приспособлен к нашим условиям жизни.

– Расскажите поподробнее совету, – попросил отец Верши.

– Его отношение к окружающей действительности, к устоявшимся порядкам, к пище и воде совершенно не соответствует отношению обычных людей, таких как мы. Он постоянно спрашивает о чем-то несуществующем и удивляется нашему образу жизни, приходит в изумление, видя самые привычные предметы, которые окружают каждого с рождения. И поверьте, это не поддельное удивление, а самое настоящее, как у ребенка. Этот человек абсолютно не приспособлен к нашим условиям проживания. Кроме того, он постоянно ищет какой-то «порядок» и хочет переговорить с его хранителями.

– Возможно, так именуются старейшины той местности, откуда он прибыл к нам?

– Конечно возможно, сейчас нельзя отвергать ни одну из версий. Но ни я, ни кто-либо из моих знакомых никогда не слышали о «хранителях порядка».

– А что говорят свидетели? – поинтересовался отец Морган.

– Все знают нашего Капитана, его доблесть и храбрость, – отец Петри обвел взглядом присутствующих. – Так вот, все это происшествие случилось как раз во время его дежурства. Он и его солдаты подтвердили, что объект действительно упал с неба, в нем был один человек – Дмитрий, который общался на непонятном языке и вел себя очень странно. Капитан мне и сообщил о находке, после чего я сразу же прибыл в крепость Розенбург.

– Какое мнение у него сложилось о Дмитрие?

– Он как истинный солдат и слуга нашего государства первым делом позаботился о безопасности вверенных ему людей. Поэтому Дмитрий был посажен в тюрьму под пристальным надзором солдат. А своего мнения Капитан не высказывал, оставляя решать судьбу «гостя» старцам, чтобы решение было полным, обдуманное и взвешенное. Но, по словам Капитана, агрессии в действиях Дмитрия он не замечал.

– Он считает, что пришелец не опасен?

– Это только предположение, и я его разделяю. Но однозначно сказать пока нельзя. Мы не можем знать истинных намерений этого Дмитрия.

– Нужно доставить его в столицу, изучить и как следует допросить, – обратился к присутствующим отец Мартий. – И нельзя медлить. Мы действительно не знаем, что замышляет этот человек. Может, он вражеский шпион, а все его поведение – лишь фарс, маскировка.

– Что вы думаете, уважаемые старцы, по этому поводу? – отец Верши решил, что собрание пора заканчивать. – Что нам следует предпринять в отношении Дмитрия?

– Я скажу, – начал отец Дунган, – что сейчас я соглашусь с отцом Мартием. У нас, как и прежде, слишком мало данных и слишком много вопросов. Нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть ни один из вариантов появления этого человека, в том числе и космический. Да-да, именно космический. Но пока все слишком размыто. И доклад отца Петри добавил больше вопросов, чем ответов. В том числе и в отношении целей визита этого человека. Поэтому сейчас действительно лучшим решением будет незамедлительно доставить его в город вместе с кораблем, на котором он прилетел, и приступить к исследованиям.

– Все так считают?

– Да, – единогласно принял решение совет.

– Что же, на том сегодня и постановим. Отец Петри, вам поручается в кратчайшие сроки организовать доставку Дмитрия и его корабля в столицу. Пусть с ним прибудет и Капитан с солдатами. Нам будет необходимо переговорить и с ними. На этом заседание объявляю закрытым.

Глава 14

– Здравствуйте, Юрий Георгиевич, вы очень пунктуальны. Люблю это в людях, – подошел к профессору Андрей Иванович, протягивая руку. Сегодня тон его общения был более дружелюбным, нежели вчера в университете. – Позвольте вас познакомить с вашими будущими коллегами.

С этими словами Андрей Иванович подвел профессора к столу, вокруг которого стояли, что-то обсуждая, четыре человека в белых халатах.

– Господа, прошу минуту внимания. Юрий Георгиевич, разрешите представить вам: Рустэм Амирович Бериллов. Выдающийся ученый в области космостроения, профессор физических наук.

– Можно просто Рустэм, очень приятно познакомиться.

– А это Стуканов Михаил Петрович. Профессор в области химии, инженер. За свою жизнь изобрел множество аппаратов, которые бороздят просторы космического пространства.

– Здравствуйте, интеллектуальное пополнение нам не помешает, – протянул руку Михаил Петрович.

– А это наши коллеги из Америки, доктор Аллон и доктор Пристон.

– Здравствуйте, коллега, – отозвались американцы на русском языке, в котором сильно чувствовался западный акцент.

– Американцы? – удивился Юрий Георгиевич.

– Не удивляйтесь, профессор. И среди западных развращенных стран есть те, кто не равнодушен к миру и считает, что будущее за Россией. Господа Аллон и Пристон всецело на нашей стороне, они сделали свой выбор. А вот еще один член научной команды, – с этими словами Андрей Иванович повернулся к только что подошедшему седовласому мужчине, – профессор Максим Михайлович Зельцин. Интеллигент, выдающийся ученый, профессор биологических, физических, химических наук. Инженер-конструктор. Одним словом – гений нашего времени. Он возглавляет научный комитет по проекту «Чистый дом», так что он будет вашим непосредственным руководителем. С остальными вы познакомитесь позже.

– Очень приятно познакомиться, – протянул руку Юрий Георгиевич. – Я читал многие ваши труды. Работы и теории, описанные в них, просто потрясающие, особенно теория перемещения.

– Рад, что в наше непростое время остались еще люди, читающие не только детективы и любовные романы, написанные за сутки интеллектуальными рабами, – в ответ протянул руку Максим Михайлович.

– Господа, теперь разрешите представить вам нового коллегу. Юрий Георгиевич Остров, профессор инженерных наук в сфере космического строения. Возможно, вы знакомы с некоторыми его работами, которые уже успешно используются как в быту, так и в военных и космических отраслях. А теперь разрешите мне откланяться, ждут государственные дела. Юрия Георгиевича передаю на ваше попечение. Введите его в курс дела. Всего доброго, господа.

Глава 15

– Раз вы находитесь здесь, то можно предположить, что в общих чертах вас ввели в курс дела, Юрий Георгиевич? – обратился Максим Михайлович к профессору.

– Меня ознакомили с проектом «Чистый дом». И можете называть меня просто Юрий, я не сторонник формальностей в общении.

– А вот это очень правильно, Юрий. В нашей с вами профессии условности и формальности только мешают. Наука требует полного сосредоточения над предметом деятельности, и любые мелочи, даже самые неприглядные, могут поставить крест на всей работе. Значит, вы ознакомились с содержимым желтой папки? – улыбнулся Максим Михайлович.

– Разве это возможно? Я изучал вашу теорию перемещения в пространстве. Но неужели она работает?

– Это уже не теория, Юрий, а самая что ни на есть практика. Способ перемещения в пространстве через космические норы – моя гордость, возможно, апогей всей моей работы за всю жизнь.

– Как это работает? Расскажите.

– Что ж, учитывая, что вы будете работать над конструированием корабля, введу вас в курс дела. Так что мы можем потратить на это некоторое время. Чаю или кофе?

– Лучше кофе, со сливками, но без сахара.

Профессора поднялись по лестнице на этаж выше, где находился буфет. Там они заняли дальний столик, где меньше всего было посетителей и, сделав заказ молодому официанту, закурили сигары.

– Скажите, Юрий, что вы знаете о космосе, Вселенной?

– Это слишком обобщенный вопрос. Вселенная включает в себя очень много понятий, чтоб ответить одним предложением.

– А вы смотрите на вещи гораздо проще, не углубляясь в их суть. Вселенная – это что?

– Совокупность галактик. Галактики – это...

– Правильно, – перебил собеседника Максим Михайлович. – Но не надо углубляться. А где она находится?

– Вселенная бесконечна. Она везде.

– А вот это уже распространенное заблуждение. Ошибка, которая не позволяла ученым открыть истинную природу вещей.

– Значит, вы считаете, что Вселенная имеет начало и конец?

– Я не считаю, а утверждаю. И это напрямую следует из теории Большого взрыва. Следует различать понятия «Вселенная» и «пустота». Они не идентичны и имеют разные характеристики. У одной из них есть начало и конец и, как следствие, время и пространство, а другая является бесконечной и в ней нет места времени.

– Вы хотите сказать, что Вселенная конечна? Но ведь доказано, что она расширяется.

– Разумеется, после Большого взрыва все расширяется. И это не противоречит моим словам. Только ответьте на вопрос: как Вселенная может расширяться, если она бесконечна? Так вот, именно из этого следует, что Вселенная как материя, имеющая начало и конец, расширяется в пустоте, которая не имеет ни начала, ни конца, ни времени. Объясняется все очень просто: в момент Большого взрыва было одно пространство, заполненное пустотой. Не было ни материи, ни времени. В какой-то момент, как объясняется теорией Большого взрыва, произошло мощное высвобождение энергии, положившее начало времени и известному нам понятию пространства. То есть образовалась материя, которая стала разлетаться в разные стороны от точки взрыва. Как следствие, момент взрыва – начало времени, расстояние от точки выброса энергии до материи – известное нам пространство.

– Это так.

– Теперь смотрим дальше. Материя после взрыва разлетается. Где? В пустоте, которая была изначально. Материя, долетая до определенной ее точки, порождает там время и пространство. Таким образом, после Большого взрыва материя, двигаясь по пустоте, порождает время и пространство, хотя изначально таких физических свойств там не было. Именно это и определяет постоянное расширение Вселенной, но именно в пустоте, а не само по себе. Следовательно, мы видим, что Вселенная – понятие вторичное, тогда как пустота – первичное. Скажите, с какой скоростью расширяется Вселенная?

– Со скоростью света.

– Следовательно, если мы разовьем скорость, превышающую скорость света, и будем так лететь от центра в сторону края энное количество времени, то рано или поздно догоним край Вселенной, а после сможем выйти за пределы Вселенной. То есть окажемся в пустоте, куда еще не успело прийти ни время, ни пространство после Большого взрыва. И в том месте, где нет ни времени, ни пространства, мы сможем из точки А добраться до точки Б за мгновение, как бы далеко эти точки ни находились.

– Но ведь согласно теории замедления скорости течения времени при приближении к скорости света, то, что в вашей «пустоте» будет мигом, на Земле может оказаться несколькими годами.

– А вот и нет, – радостно вскинул руку вверх Зельцин. – В данном случае теория приближения к скорости света применима быть не может.

– Почему?

– А все очень просто. Как я вам говорил, в пустоте отсутствует не только время, но и пространство. Там этих физических свойств нет. Пустоту можно представить в виде комнаты с миллиардом дверей, и при этом каждая из них находится на расстоянии вытянутой руки. Таким образом, вы входите в одну дверь и тут же открываете другую. Ваш миг равен мигу на Земле, и вы не теряете во времени нисколько.

– Но как попасть в пустоту? Для этого нужно вылетать за пределы Вселенной?

– А тут стоит вернуться к тому моменту, где мы обсуждали, что Вселенная вторична, тогда как пустота первична. Значит, Вселенная не вытесняет пустоту, а лишь распространяется в ней, как человек, зашедший в комнату, не выталкивает ее, а лишь располагается там. Таким образом, мы приходим к выводу, что пустота находится рядом с нами, нужно лишь найти дверь, как в нее войти. И мне удалось это сделать.

– Но как?

– Это оказалось не так уж сложно. На Земле, равно как и в Солнечной системе, такое невозможно, поскольку слишком велики гравитационные силы. А вот в межзвездном пространстве, за пределами гелиосферы это сделать оказалось намного проще, так как там нет такого количества сил, взаимно влияющих друг на друга. Именно там при помощи созданной мною установки мы запускаем луч, который оказывает влияние на кванты. Он сначала их ускоряет, а после – расщепляет. Именно в момент расщепления квантов как части Вселенной и открывается нора в пустоту. Эта нора и позволяет нам преодолеть пространство.

– Но как открывается выход?

– Тем же самым лучом по заранее заданным компьютером координатам в космосе. В результате этого объект входит в нору в месте своей дислокации, а выходит в конечной заданной точке. Именно так спутник «Журавль» преодолел расстояние до солнечной системы звезды Лотос всего за пять секунд. И то, это время было потрачено на вход в нору и выход из нее.

– Это гениально.

– Когда теория была разработана, оставалась одна проблема – сконструировать двигатель, который бы мог за короткий промежуток времени вывести космический аппарат за пределы Солнечной системы в межзвездное пространство. Но и эту задачу мы решили, и не без вашей

помощи, Юрий. Теперь благодаря квантовой двери в космическую нору нам открыт любой уголок Вселенной, и даже больше.

– А мы можем высадиться у Пентагона?

– Увы, нет. Как я говорил, мы ограничены межзвездным пространством. Только там космос достаточно разрежен, что бы мы могли расщепить кванты и открыть нору. Так что выход к Пентагону нам пока не под силу. Но это и не нужно. Наши двигатели доставят к ним боеголовки быстрее, чем они досчитают до пяти Миссисипи.

– Это невероятно. Я даже не представлял, что ваша теория может быть проверена в такое короткое время.

– Вы приложили немалые усилия для этого, Юрий. Без вашей идеи использования электромагнитной силы двух разнонаправленных дисков миллениума и преобразования ее в кинетическую энергию движения моя гипотеза так бы и оставалась теорией. Поэтому вы здесь. Нужно придумать, как вывести в межзвездное пространство не маленький спутник, а целый крейсер, сопоставимый по размерам с небольшим городом. И это точно возможно, просто мы не нашли пока еще правильного решения.

– Изобретение миллениума через слияние элементов – вот настоящий прорыв.

– Конечно, это одно из величайших достижений двадцать первого века. Но именно вы открыли невероятные свойства миллениума в энергетике.

– Что ж, я и тут приложу все усилия, чтобы помочь вам.

– Я в этом и не сомневался. Увы, на Земле понятие «время» весьма конкретное, и оно не терпит промедления. Так что пойдете, я вам покажу, что здесь к чему и чем вы будете заниматься.

Глава 16

– Капитан, разрешите войти, – обратился Максим к начальнику.

– Приходи позже, Макс, я сейчас занят.

– Дело не терпит отлагательства, положение очень серьезное.

– Ладно, выкладывай, что у тебя. А ты, Фрэнк, подожди, позже мы продолжим.

Капитан отложил журнал, в который он вносил какие-то заметки, и повернулся лицом к вошедшему Максиму. Вид у него был крайне встревоженным. Тяжелое и глубокое дыхание свидетельствовало о том, что он бежал, и довольно долго.

– Что случилось? У тебя должны быть чрезвычайно важные новости, иначе ты бы ведь не осмелился покинуть пост в свое дежурство.

– Возвратился разведывательный отряд с не самыми лучшими новостями. И я решил лично доложить вам о них.

– Выкладывай, – глядя на Максима, Капитан и сам начал испытывать тревогу, а тон говорившего не придавал ему спокойствия.

– В общем, недалеко от Чертовой поляны обнаружены геты.

– Геты? – воскликнул Фрэнк. – Неужели эти псы зализали свои раны и хотят получить новые увечья? Ну в этом мы им с радостью поможем. – Здоровяк погладил рукоять топора, который был аккуратно прислонен к его стулу.

– Это правда, – подхватил Капитан. – После последней битвы под горой Туанэ полтора года назад мы их не видели. Они тогда скрылись далеко на юг, в лесах. Только небольшие отряды попадались, да и те, которые не горели желанием вступать в сражения. Что же их привело так близко к Розенборгу? Может, во время охоты случайно забрели так далеко?

– Судя по информации разведки, это маловероятно.

– Сколько их? Отряд? Два?

– Как минимум целая армия.

– Этого не может быть, – Фрэнк с грохотом вскочил со стула, так, что топор повалился на пол.

– Разведка насчитала шесть полков. И вооружены они точно не для охоты. У них имеется осадное оружие.

– Неужели они решили напасть на крепость Розенбург? – медленно проговорил Капитан. – И если их шесть полков, то нам придется крайне тяжело. У нас едва наберется сотни две солдат. наших сил точно недостаточно. Фрэнк, подай мне карту.

Капитан развернул на столе план местности.

– Итак, когда геты были замечены около Чертовой поляны?

– По словам разведчиков, вчера утром.

– То есть сутки назад. Очень плохо. Какое именно у них осадное оружие?

– Тяжелое, включая тараны.

– Значит, продвигаться они будут медленно. Осадное оружие в лесах их задержит. Но даже в таком случае, если не будет дождя, под стенами крепости их можно ожидать уже через три дня.

– Капитан, этого слишком мало, чтобы из города пришло подкрепление.

– Ты прав, Фрэнк. До ближайшего города сутки пути, столько же на сборы и еще два дня на то, чтобы войска подошли. Итого четыре. А сигнальные башни на пути к городу после последней грозы на ремонте. Следовательно, нам не хватает одного дня... Как мы вообще проглядели гетов? Чертова поляна ведь под самым нашим носом. Максим, приведи ко мне разведчиков, с них спросим, чем они на службе занимались.

– Капитан, не все разведчики вернулись.

– То есть?

– Двое были убиты. Как раз те, кто разведывал территорию к югу от Чертовой поляны. На связь они не выходили, поэтому остальные и направились в их сторону, чтоб узнать, что случилось. Там и наткнулись на гетов.

– Черт знает что, Капитан. На гетов это не похоже. Они всегда шли в лобовую атаку, рассчитывая на голую мощь. Тут же видна военная тактика. Скорее всего, их передовой отряд отловил наших разведчиков и убил, а после уже подошли основные силы, прикрываясь гущей лесов.

– Ты прав, Фрэнк, на гетов это не похоже. Может, им кто-нибудь помогает?

– Но кто это может быть? Геты – своенравный народ. Они никого к себе не подпускают.

– А может, это наш гость, Дмитрий? – Фрэнк ударил кулаком по столу. – Точно, он! Он как раз уже неделю свободно по крепости гуляет. Вот и передал как-то информацию.

– Это исключено Фрэнк, ты сам знаешь. Может, он и гулял по крепости, но двое солдат, как тень, всюду следовали за ним. Будь хоть что-то, они бы заметили. Да и к крепости незваные гости не приходили. Не тот он человек, чтобы в такие игры играть. Я это нутром чую.

– Нутром чуешь, – огрызнулся Фрэнк. – А я тебе говорю, зря ты этому мальцу так веришь! Он еще попытается всех нас погубить, вот увидишь. Шею ему свернуть, и дело с концом. Не просто так геты именно сейчас появились.

– Нет, – попытался его успокоить Капитан. – Тут что-то другое. Скажите-ка, от отца Петри никакой информации нет?

– Пока не поступало.

– Он же сказал, что через месяц будет. А уже скоро два пройдет. Не нравится мне все это.

– Что будем делать, Капитан?

– Так, Максим, бери с собой кого-нибудь и мчись в город. Говори, чтобы немедленно выступали с войском. Ты, Фрэнк, вызывай всех с постов и начинай готовить крепость к обороне, вышли лучших разведчиков к Чертовой поляне, пусть держат нас в курсе всех передвижений гетов. Завтра они должны предоставить доклад. И тогда же соберем совет, на котором примем решение, что делать.

Когда все разошлись, Капитан, тихо добавил: «А я пока переговорю с Дмитрием. Отец Петри велел стеречь его как зеницу ока, так что и его надо подготовить».

Глава 17

С тех пор, как Дмитрия впервые вывели на улицу, его перевели из тюрьмы в комнату в административном здании. Комната была небогато обставленной и отвечала всем требованиям казарменного жилища, но все же явно выигрывала по сравнению с арестантским помещением. Тут так же, как и в первом пристанище Дмитрия, находились жесткая кровать, деревянный стол с четырьмя стульями, шкаф. Однако то, что сильно отличало его от тюрьмы, – это деревянный пол и большое окно с восточной стороны. Поскольку поселили Дмитрия на третьем этаже, он любил просыпаться еще до рассвета и любоваться, как солнце постепенно встает из-за горизонта.

Хоть Дмитрия и перевели из тюрьмы в обычную комнату, охрану никто не отменял. По обе стороны двери в его комнату круглосуточно несли караул солдаты отечественной гвардии, они же везде его сопровождали, когда тот выходил на улицу погулять.

Дмитрию предоставили бумагу и средства письма, благодаря чему часы его заточения стали протекать гораздо быстрее и легче. Изначально Капитан сделал это для того, чтобы выведывать информацию, которую Дмитрий мог бы случайно указать в заметках. Но когда понял, что все написанное представляет собой набор непонятных знаков на незнакомом ему языке, бросил эту затею. Тем не менее, листы с заметками Капитан сохранил, чтобы потом передать их отцу Петри.

Был ясный день, солнце поднялось высоко над горизонтом. Обычно в это время дня, избегая жары, Дмитрий предпочитал находиться в комнате, где легкий ветерок через открытое окно приносил прохладу. Поэтому, пройдя мимо караула, Капитан нашел его сидящим за столом и что-то рисовавшим на листке бумаги.

– Кто это? – спросил Капитан, увидев портрет молодой девушки.

– Это Мелена. Мы должны были пожениться сразу же после моего возвращения домой.

– Ты не рассказывал мне, что твоим сердцем овладела юная красавица, – рассмеялся

Капитан.

– То есть овладела? Разве может человек овладеть органом другого человека?

– Это образное выражение, – спокойно ответил Капитан, уже привыкший к необычным вопросам Дмитрия по самым привычным вещам и явлениям. – Ты же сам сказал, что вы должны были пожениться, значит, она заставила тебя полюбить себя.

– Любовь здесь ни при чем. Это архаичное чувство, которое не присуще высшему разуму. Мелена была подобрана мне генетиками еще при моем рождении. Точно так же я был определен ей в мужа при ее появлении на свет.

– Погоди-ка минутку, – смутился Капитан. – Тут давай поподробнее. Как это – была определена в жены при рождении?

– У нас на планете так устроено. Когда рождается ребенок мужского пола, в центральном университете генетики города ему выбирают будущую супругу. Пару ищут среди детей женского пола, родившихся в этот же день. Их записывают в потенциальных супругов. А когда они достигают возраста двадцати четырех лет, то женятся.

– И что, вот так всегда срабатывает?

– Конечно, бывают сбои в системе, но редко. Когда один из партнеров трагически погибает или оказывается несовместимым с другим, тогда находят иную пару.

– А желания самих партнеров никто не учитывает?

– А какое может быть желание?

– Ну, скажем, вот ты готов провести с этой Меленой всю свою жизнь? Хорошо ее знаешь? Что она любит, чем занимается, какой у нее характер? Ты вообще ее хоть раз вживую видел?

– Конечно. Мы с ней много общались, в институте вместе учились. Нас с ней еще в детском возрасте познакомили, чтобы мы привыкли друг к другу.

– А тебя не смущает подобная система? И вообще, что брачные отношения – самое сокровенное между двумя людьми – называют «системой». Словно на лабораторных крысах эксперименты ставят. «Система дала сбой, крысы не подходят друг другу, дайте другую», – с этими словами Капитан рассмеялся громким хохотом.

– Не вижу сходства для сравнения с крысами. Да и разве гуманно ставить эксперименты над животными? У вас разве брак по-иному устроен?

– Ну, разве что немного по-другому, – успокоился Капитан. – Я тебе в другой раз расскажу, как у нас мужики баб выбирают. Ты мне только напомни об этом позже. А сейчас у нас с тобой разговор пойдет о другом, – тон Капитана резко изменился. – Похоже, настало время твоего отъезда в город.

– Я увижу город? Хранителей Порядка? – радостно воскликнул Дмитрий, вставая со стула и собираясь обнять Капитана, но тот успел его отстранить.

– Не знаю, что именно ты увидишь, но отсюда тебе нужно уезжать.

– А что случилось?

– Помнишь, я рассказывал тебе о гетах?

– Да.

– Так вот, видимо, они решили взять реванш за поражение под горой Гуанэ. И в этот раз они действуют намного хитрее, чем ранее. Это позволило им подойти незамеченными практически к самой крепости. Да и мы расслабились за последний год безмятежной жизни. Забыли, можно сказать, что не на курорте, а в приграничной крепости, да еще в состоянии войны с соседями.

– Что это значит?

– То, что будет бой. Тяжелый. А отец Петри строго-настроено велел оберегать тебя. Поскольку от него никаких вестей до сих пор нет, я решил отправить тебя в город. Там ты будешь в большей безопасности, чем здесь.

– А что мне может угрожать?

– Послушай меня, сынок, здесь Земля, а не твоя розовая планета, где все порхают, вежливо здороваются и знают своих жен с рождения. У нас есть сотни народов, ненавидящих всех подряд и желающих разбогатеть за чужой счет. На уме у них только одно – нажива, власть, и им плевать на все остальное. Геты – тупой безжалостный народ, который только и умеет воевать и убивать. Их этому с детства обучают. Так что не приведи Бог тебе оказаться лицом к лицу с одним из них. Ты не проживешь и минуты. И тебе повезет, если смерть будет быстрой.

– Но...

– Не перебивай. Мне некогда сейчас тебе разъяснять, что к чему. Мы и так упустили много времени. Так вот, завтра будет эвакуация гражданского населения. Ты отправишься в город с другими людьми. Фрэнк поедет с тобой. И запомни, он отправится не как твой сопровождающий, а как конвойный. Не забывай, что несмотря ни на что, ты все еще считаешься под арестом. Понял?

– Да, Капитан. Я прекрасно вас понял.

– Вот и славно, – Капитан перевел дух и, посмотрев на обескураженного Дмитрия, добавил: – Ты на меня не обижайся. Просто слишком многое поставлено на карту. Дорогую мы заплатим цену за наше успокоение. И тебя надо сберечь. А ты даже не понимаешь, что тебе может угрожать. Ты сражаться хотя бы умеешь?

– Сражаться?

– Эх... Ну в репу ты дать кому-нибудь сможешь? Если на тебя кто-нибудь нападет, отпор дашь?

– У меня первый разряд по спортивной атлетике.

– Не знаю, что это значит на твоей планете, но все же лучше, чем ничего. Будь готов, завтра днем выдвигаетесь.

С этими словами Капитан покинул Дмитрия, отправляясь давать указания по поводу предстоящей эвакуации гражданского населения крепости, которое за последний год значительно прибавилось. Также было необходимо готовиться к обороне.

Дмитрий снова остался один, если не считать двух часовых, карауливших выход из его комнаты. Он отодвинул рисунок в сторону и обратился к небу. Слова Капитана о грозящей опасности не выходили у него из головы. Наверное, впервые после своего прилета на Землю Дмитрий начал понимать, что здесь совершенно иной жизненный уклад, нежели на его родине. Он стал осознать, что по какой-то неизвестной ему причине Порядок не правит здесь так, как на его планете. Здесь явно что-то произошло, о чем, возможно, не знают даже лидер и представители государства на Ферусе. Но что же могло настолько изменить жизненный уклад людей, чтобы они начали не просто сражаться друг с другом, но и убивать себе подобных?

Дмитрий еще никогда не видел Капитана таким взволнованным. Капитан, всегда спокойный и невозмутимый, представлялся ему эталоном выдержки и рассудительности. Но сегодня он увидел его совершенно в ином свете. Военный начальник был встревоженным. И не за себя, а за других. Значит, действительно над местными жителями нависла неведомая угроза, из-за которой его вместе с другими гражданами срочно эвакуируют из крепости.

Конечно же, Дмитрий давно мечтал выбраться из захолустья и отправиться в крупный город с высотными зданиями. Но сейчас он не мог понять – радоваться ли ему или нет. Умом он понимал, что новость хорошая, но сердцем испытывал неведомое до этой поры чувство, а именно – тревогу.

Глава 18

Солнце только показалось из-за горизонта, а шесть человек уже собрались в главном штабе крепости Розенбург.

За деревянным столом, заваленным всевозможными картами, сидели Капитан, Фрэнк, а также распорядитель военного поселения, исполняющий обязанности гражданского начальника, по имени Аминос. Фактически он являлся представителем старейшины данной области. Но поскольку крепость являлась военным объектом, то реальной властью он не обладал и был вынужден подчиняться приказам Капитана. Его роль в управлении поселением сводилась к решению гражданских задач по обеспечению крепости Розенбург всем необходимым. Кроме того, Аминос занимался мелкими спорами между невоенными жителями крепости.

Другими присутствующими на собрании были Василий – помощник Капитана, отвечающий за склады с боеприпасами, а также два разведчика – Марк и Денис.

– Господа, все в курсе последних событий, – начал совещание Капитан. – Положение серьезное. Вчера Максим отправился в город за подкреплением, но вернуться вовремя не успеет. По самым скромным подсчетам, до прихода подмоги необходимо продержаться двадцать четыре часа. Марк, как обстоят дела с гетами? Где они сейчас?

– Вчера утром они выдвинулись с Чертовой долины в сторону крепости. На ночлег остановились на левом берегу реки вот здесь, – Марк указал точку на карте.

– Русло здесь узкое, берег низкий, есть брод. Одним словом, удобное место для переправы, – добавил Денис. – Скорее всего, с рассветом геты начнут двигаться. На это уйдет полдня, не меньше. А от реки до нас около тридцати шести часов пути.

– Значит, в ночь с воскресенья на понедельник гетов можно ждать под стенами крепости. У нас два дня на подготовку, – с этими словами Фрэнк привстал со стула и уткнулся в карту. – Вам удалось уточнить численность их войска?

– Скорее всего, шесть полков. Либо же остальные идут позади. Далеко в тыл врага пройти не получается, их контрразведка не дремлет.

– У них явно новый вожак. Раньше они на ночлег не останавливались, контрразведку не направляли. Помнишь, – Капитан посмотрел на Фрэнка, – как под горой Туанэ они напали ночью на наши редуты?

– Тогда все было по-другому.

– Марк, ничего необычного еще замечено не было?

– Можно отметить один момент. – Денис встал с кресла и, взяв карандаш, подошел к карте. – Отряд примерно человек в сто отделился от основного войска в этом месте и пошел на запад. – Денис прочертил линию на карте. – Эти места довольно тяжелы для прохода. Здесь густые леса и сплошные болота. Но если преодолеть данный участок, а тут километров десять минимум, то можно выйти на охотничью тропу. А она прямоком выводит в обход крепости на северную дорогу к городу примерно в этом месте, – Денис отметил участок на карте крестиком. – Тропа заброшена, но пройти по ней можно.

– Готовят засаду? – удивился Фрэнк.

– Если геты доберутся до этого места раньше гражданских, то дело будет плохо. У нас в гарнизоне двести двадцать солдат. Более двадцати человек в качестве группы сопровождения я отрядить не могу.

– А что, если нам всем эвакуироваться из крепости в город? А позже вы, Капитан, вернетесь с основным войском, – спросил до сих пор хранивший молчание Аминос.

– Сдать крепость Розенбург врагам? Без боя? Никогда. Сразу видно, что вы, уважаемый Аминос, не военный человек. Нет, крепость я не сдам. Будем держаться до прихода основных

сил из города. Денис, как думаешь, сколько времени понадобится отряду гетов, чтоб пройти этот участок?

– Сложно сказать. Нам неизвестна их подготовка. Геты сильно изменились за последние полтора года. Но думаю, что-то около суток.

– Вряд ли можно управиться быстрее, – согласился Марк.

– Значит, сегодня до захода солнца гражданские должны выдвинуться в город. А лучше и того раньше. Идти будут без остановки. Тогда этот участок они минуют до того, как там могут появиться геты. Аминос, сколько у нас гражданских?

– За прошедший год их количество резко увеличилось. Сказалось отсутствие активных боевых действий. Люди почувствовали себя в безопасности и стали прибывать на освоение новых земель. Гражданских сейчас примерно человек двести. В основном жены и дети солдат.

– Вы правы, – задумался Капитан, – передышка сыграла с нами злую шутку. После победы под Туанэ враг так быстро и далеко бежал, что мы уверились в своей победе. И потеряли бдительность. Враг же затаился и готовился к мести. Но ничего, ошибки на то и нужны, чтоб их исправлять. Аминос, вы займетесь эвакуацией гражданских. Василий выделит вам двадцать солдат в помощь. Немедленно отправляйтесь по домам и предупредите всех. С собой пусть берут только самое необходимое – документы и деньги. Идти надо будет налегке. Транспорта на всех не хватит.

– Хорошо, я немедленно этим займусь. Мне тоже эвакуироваться или я буду необходим в крепости?

– Не переживайте, Аминос, – улыбнулся Капитан, – вам не придется подставлять свою грудь под пули гетов. В вашем возрасте вы гораздо полезнее будете в городе, нежели на амбразуре. Вы можете идти. Позже Василий с солдатами к вам подойдут. Теперь у меня вопросы к вам, – Капитан повернулся к своему помощнику. – Что у нас с припасами?

– Пуль у нас предостаточно, равно как и автоматов с пулеметами. Ножей тоже на всех хватит. А вот средств защиты не так много. За последнее время поступление оборонительного вооружения сократилось. Взрывных снарядов не так много, но кое-какие подходы к крепости заминировать можно.

– Хорошо, сделай это вот здесь, – Капитан на карте показал несколько троп, ведущих к крепости с юга.

– Южная стена достаточно крепка и может выдержать удары стенобойных орудий, – заметил Василий. – А вот северная со стороны дороги в город слабовата. Если враг обойдет нас с тыла, то крепость не устоит.

– Значит, нам надо это предотвратить. Нельзя, чтоб враг прорвался к дороге. На северной стене поставим засадный отряд человек в тридцать. Если враг подойдет, они примут бой. Василий, проверь состояние рвов и окопов. Гарнизон полностью вооружи, дай инструктаж. Завтра в четыре часа вечера будет построение на центральной площади. Марк, Денис, вы направляйтесь в сторону гетов, следите за ними. Держите меня в курсе всех их передвижений. Фрэнк, а ты останься пока, к тебе есть разговор.

Все быстро разошлись. В штабе остался только главнокомандующий крепости и Фрэнк. Капитан подошел к шкафу и достал оттуда фужер с наргоном и два стакана. Это был крепкий алкогольный напиток, настоящий на корнях местных трав и кустарников. Он пользовался популярностью в основном у военных и обычных рабочих.

– Сколько мы с тобой воевали бок о бок, а, Фрэнк?

– Множество битв позади, впереди еще не меньше. И эта битва будет не последней.

– Ты прав, Фрэнк, – согласился Капитан, осушив стакан одним глотком. – Но эта битва пройдет без тебя.

– Как так? – Фрэнк с такой силой бросил стакан об стол, что он разлетелся на множество осколков. – Ты головой ударился, видать, Капитан, если решил отправить меня, как старика, в город. И рассудок твой точно помутился, если решил, что я уйду.

– У меня для тебя ответственное задание, которое я могу поручить только тебе. И поручение это – Дмитрий.

– Я что, сиделка тебе?

– Не знаю, что в этом Дмитриии такого важного, но отец Петри приказал оберегать его. И никто лучше тебя с этим не справится. Перед своим отъездом старейшина мне несколько раз это повторил. Сказал, что Дмитрий важен для нас, и мы обязаны сохранить его в целостности и сохранности. Так что твоя задача – доставить парня целым и невредимым из крепости в город и передать в администрацию. Там скажешь, чтоб известили об этом отца Петри. А потом вернешься сюда.

– Не нравится мне этот план, Андрей.

– Андрей... Да уж, давненько меня так никто не называл. Я уже стал забывать это имя. Отвык я от него.

– Может, для других ты и Капитан, а для меня Андрюха. Мы же с тобой вместе с детства, с младшей оборонительной роты. А ты предлагаешь мне нянчиться с каким-то мальчишкой, пока ты против полков гетов держать оборону будешь. Не по-братски это. Всю славу победы себе присвоить хочешь.

– Будут еще победы, будут, Фрэнк. А пока это мой приказ, и он не обсуждается. Завтра ты уходишь вместе с гражданскими.

Глава 19

Наступил вечер воскресенья. Поскольку небо полностью заволочло тучами, темнело в этот день раньше обычного. Солнце еще не должно было скрыться за горизонтом, а южный лес уже начинал исчезать в дымке.

– Василий, отправь двоих солдат к лесу, – раздался приказ Капитана. – Если заметят гетов, пусть сигналият.

В воздухе чувствовалось напряжение. В крепости давно не было так тихо. Все гражданские еще вчера выдвинулись в сторону города. Не раздавались радостные возгласы детей, не слышно было женской болтовни и причитаний стариков. Солдаты не проводили учебных стрельб и тренировочных маршей.

Ставни домов были наглухо закрыты, двери в сараи и подсобные пристройки – заколочены, телеги – убраны, инвентарь – спрятан.

Все солдаты национальной гвардии в количестве двухсот человек расположились по своим местам. Автоматы и пулеметы зарядили, мины закопали, ворота в крепость закрыли. Металлическая решетка, скрывающая ворота, была опущена впервые за последний год.

Поднимался северный ветер. Капитан, стоя на стене около западной башни, не отрывал взгляда от двух фигур, бегущих к лесу.

– Сама погода сегодня против нас, – сказал Денис, который уже успел вернуться в крепость. – Будет дождь. Лучше бы он начался днем ранее, тогда подкрепление успело бы вовремя.

– Солдат должен рассчитывать лишь на себя, – только ответил Капитан, и вновь наступила тишина.

Природа смолкла. Птицы попрятались в ветвях деревьев, собаки разбежались по углам. Надвигалась гроза – природная и человеческая, и они должны были слиться воедино на поле боя.

Где-то далеко на севере сверкнула молния, после чего гулким эхом прокатился звук грома. Порывы ветра усилились, приводя в движение верхушки деревьев. Резко начало темнеть. Послышался шум приближающегося дождя.

Фигуры, за которыми неотрывно следил Капитан, слились с синевой леса и скрылись от глаз.

«Главное, чтоб гражданские добрались до города, чтоб Фрэнк справился со своей миссией», – подумал Капитан.

На его голову упала большая капля воды. За ней еще одна. Пошел проливной дождь. Молнии то тут, то там постоянно разрезали небо, гром раскатывался по вершинам деревьев и уходил далеко на юг. Лес превратился в черную полосу.

– Братья, – пронесся металлический голос Капитана по стенам крепости, – сегодня мы сражаемся не за себя, не за своих отцов и матерей, а за родную Бенгалию! За детей и светлое будущее государства нашего. Враг силен и превосходит нас численностью. Но непоколебим дух солдата бенгальского, потому что правда и Бог на нашей стороне! К бою!

Последние слова Капитана потонули в едином кличе немногочисленного гарнизона крепости Розенборг. В тот же момент со стороны леса, рассекая мрак, вверх взметнулись две красные ракеты. Это был сигнал о том, что враг подошел.

Глава 20

– Юрий, придержите двери, – крикнул Михаил Петрович, складывая бумаги в дипломат по пути к лифту. – Мы покорили межзвездное пространство, заселили планету в миллионах километрах от Земли, но стоит только упустить лифт, и новый придется ждать вечность.

– Мы все силы сосредоточили на освоении космоса, а про собственные удобства позабыли, – посмеялся Юрий Георгиевич. – Так что теперь быстрее долететь до Луны, чем подняться в лифте на десятый этаж.

– Точно. Но спасибо и на этом. А не то перспектива подниматься пешком на такую высоту, боюсь, заставила бы меня отказаться от научной деятельности, – профессор Михаил Петрович покопался в своем кейсе и достал оттуда небольшой сверток. – Это вам, коллега, так сказать, небольшой подарок.

– Мне? Но за что?

– Уже месяц прошел с тех пор, как вы к нам присоединились.

– Мне как-то неудобно...

– Берите, Юрий. Это не деньги и не алмазы, – улыбнулся профессор.

– А что это?

– Разверните и увидите.

Кабина лифта поднялась на десятый этаж. Двери открылись, и профессора вышли в коридор. Юрий Георгиевич поставил свой небольшой чемоданчик на пол и развернул сверток. Его взору представился небольшой макет космического корабля, сделанного, по всему видимому, из титана. Ученые должны были сделать аппарат пригодным для перелета на планету Ферус. Его макет они проработали до мельчайших деталей.

– Надеюсь, мы справимся с поставленной задачей, и этот корабль унесет нас с Земли в космические просторы.

– Нет ничего невозможно. У любой проблемы обязательно есть свое решение. Просто мы его еще не нашли. Но обязательно это сделаем.

– Дай-то бог.

– А вы собираетесь покинуть Землю в случае успеха проекта? – поинтересовался Юрий Георгиевич.

– А вы разве хотите остаться? Разве вам по душе жизнь на этой планете, когда известно, что есть другая, жизнь на которой не отравлена химией и людьми?

– Честно говоря, вы застали меня врасплох. Я как-то даже и не задумывался об этом.

– А зря. Подумайте об этом на досуге. Уже месяц вы тут, а нам так и не довелось узнать друг друга. Работа отнимает все время. Как вам здесь? Обустроились?

– Мой кабинет недалеко. Могу показать и угостить вас чаем.

– От крепкого чая никогда не откажусь.

Юрий Георгиевич и Михаил Петрович проследовали по коридору до кабинета молодого профессора. Довольно просторное помещение располагало всем необходимым как для работы, так и для отдыха. Всюду стояли чертежные доски, исписанные всевозможными формулами и схемами, электромониторы и другое оборудование.

– Кабинет инженера можно с легкостью отличить от любого другого, – усмехнулся Михаил Петрович. – Видели бы вы мой, там ступить некуда, чтобы не задеть что-нибудь – сплошь бумаги и чертежи.

– Присаживайтесь на диван, я сейчас принесу чай. Вам черный или зеленый?

– Лучше черный, и покрепче.

Юрию Георгиевичу впервые удалось как следует разглядеть своего нового знакомого. На вид Михаилу Петровичу можно было дать около шестидесяти лет, хотя на самом деле ему не

исполнилось еще и пятидесяти пяти. На немного полноватом чисто выбритом лице глубоко посаженные глаза прятались за очками в металлической оправе. Коричневые брюки из грубой ткани и рубашка, когда-то давно бывшая белого цвета, а сейчас пожелтевшая, дополняли его образ ученого шестидесятих годов прошлого века.

Пока Юрий Георгиевич занимался приготовлением чая, Михаил Петрович смотрел по сторонам. Вскоре его взгляд упал на рабочий стол, на котором в рамках стояло несколько фотографий.

– Это ваша сестра? – спросил Михаил Петрович, указывая на фото с белокурой женщиной лет тридцати-тридцати пяти.

– Жена. А вон то – наши дети, Павел и Анастасия.

– Должен сказать, вы прелестная пара. И ваши дети очень красивы. Все в мать, – пошутил Михаил Петрович. – Вы, наверное, счастливый семьянин.

– Моя семья – моя отрада.

– Это так же замечательно, как и печально.

– Почему? – удивился Юрий Георгиевич. – Разве наличие любящей жены и замечательных детей может быть печально? – спросил он, присаживаясь в кресло напротив Михаила Петровича.

– Семья – это, несомненно, дар. Но правильно распорядиться им удастся далеко не каждому.

– А вы женаты? У вас есть дети?

– Когда-то и у меня была жена и двое озорных парнишек. Я тоже был счастлив. Но научная деятельность отнимала у меня все время. Как рабочее, так и свободное. Мне приходилось постоянно приходиться домой поздно. И, честно говоря, я был не против этого, мне нравилось то, что я делаю, чем занимаюсь. На обычной работе человек находится до шести, после чего, как по звонку, встает и идет домой. А ученый сидит над своим творением, забыв обо всем на свете до тех пор, пока не заметит, что последний электропоезд уходит через тридцать минут или что через двадцать минут закроется метро.

– И что произошло?

– Моя работа не отпускала меня. Тогда я этого не понимал. И я пропускал все: первые шаги детей, первые слова, первый день рождения. Представляете, поход в первый класс старшего сына я видел в записи. Но и это еще не самое страшное.

– А что же тогда? – изумился Юрий Георгиевич.

– Самое страшное – это одиночество моей супруги, – произнес Михаил Петрович. – Когда мы только начинали встречаться, обещал ей, что всегда буду рядом. Но тогда я был только практикантом. А после все больше и больше времени уделял работе. Запомните: дети, подруги, обязанности по дому никогда не заменят девушке супруга. Молодая женщина должна стареть рядом с мужем, засыпать в обнимку с ним, а не с телефоном, на котором сообщение «Задерживаюсь, к ужину не жди».

– Она ушла от вас?

– Да. Но я умудрился и это пропустить, – с иронической усмешкой Михаил Петрович покачал головой. – Как-то в очередной раз я пришел домой за полночь, так как засиделся на работе, изобретая что-то новое. Я завалился спать, даже и не заметив, что дома никого не было. Только наутро я увидел записку на столе: «Я так больше жить не могу. Я ухожу. Детей забираю с собой. Если захочешь, можешь их навещать, но не думаю, что у тебя найдется на это время. Я подготовлю документы на развод». Я не виню ее за это. Она сделала то, что должна была лет на пять-десять раньше.

– И вы не попытались ее вернуть?

– Ради чего? Чистых рубашек и горячего ужина? Ради собственного эго? Конечно нет. Ведь я свой выбор сделал очень давно: это наука. А она очень ревнива, еще та собственница.

И если вы отдаетесь ей без остатка, погружаетесь в нее полностью ради того, чтобы достичь поставленных целей, а именно творить, изобретать на благо процветания человечества, то она вас уже никогда не отпустит. А Ира достойна того, чтобы с ней был рядом мужчина, который посвящал бы ей столько же времени, сколько я – работе. А я ей этого дать не мог.

– Я с вами не согласен. Считаю, что можно совмещать и работу в науке, и брак, и дом, – возразил Юрий Георгиевич.

– Разве? А как обстоят ваши дела в семье?

– Все хорошо.

– Вы в этом уверены? Или же вы хотите так думать? Или, быть может, это ваши последние воспоминания о семье? Мы ведь вместе работаем уже месяц. И я не припомню, чтобы вы уходили домой раньше восьми-девяти. Жена на это не жалуется?

– Ну, я ей объяснил, что сейчас много дел...

– Конечно же. Много дел. А где, простите, у вас много дел? В университете? В девять вечера? Вы же не можете сказать ей правду, где сейчас работаете?

– Нет, не могу.

– Вы такой же наивный, как и я в свое время: преданы своей работе. И это, конечно же, хорошо для науки, для нашей миссии. Но, быть может, эта преданность нанесет непоправимый удар по вашей семье. Когда в последний раз вы играли с детьми? Ходили в парк?

– Да вот на прошлой неделе мы все вместе ходили... Ходили... Или нет, это было не тогда. Сейчас, подождите минутку.

– Вам нужна минутка, чтобы вспомнить, когда в последний раз вы играли с детьми? Спросите любого рабочего, педагога, продавца об этом. И они тут же вам расскажут целые семейные истории, начиная с того, как обрезали пуповину, заканчивая тем, какую сказку вчера читали на ночь. Мы же, дорогой мой друг, – люди иной природы. Семья для нас – обуза, хоть мы и не признаем этого. Не стоит мотать головой. Это так – ведь мы эгоисты. Хотим жить по-своему, делать все, что захотим, ни на кого не обращая внимания. Но при этом требуем, чтобы дома был готовый ужин, чистое белье и красавица жена ждала с бокалом вина. А такого в реальной жизни не бывает. – Михаил Петрович задумался, после чего добавил: – Мой вам совет: пока еще не поздно, ответьте для себя на главный вопрос. Что для вас важнее – ваша работа или семья? И, получив ответ, выберите что-то одно. Нельзя гнаться за двумя зайцами в нашем деле, иначе пострадает и ваша научная деятельность, и семью вы не спасете.

– Профессор Михаил Петрович, профессор Юрий Георгиевич, профессор Елизавета Денисовна, профессор Рустэм Амирович, доктор Аллон, доктор Пристон, пройдите в главный инженерный кабинет, – прервал их беседу женский голос через громкоговоритель.

– Ну что же, похоже, надо возвращаться к работе.

– Вы идите, я вас догоню.

Перед выходом из кабинета Юрий Георгиевич взял свой телефон и впервые, наверное, за несколько недель отправил жене сообщение: «Я тебя люблю. Постараюсь прийти сегодня пораньше».

Глава 21

– Спасибо, что собрались так быстро, – начал профессор Зельцин. – Сегодня у меня был разговор с Андреем Ивановичем. И он сообщил мне новости, которые не могут нас порадовать.

– Что случилось? – поинтересовался Рустэм Амирович, откидываясь на спинку кресла. – Неужели проект «Чистый дом» закрывают?

– Как раз наоборот. Проект ускоряют.

– Что это значит? – спросил Михаил Петрович.

– А то, что у нас три-четыре месяца на то, чтобы спроектировать корабль для заданных целей.

– Но это слишком мало, – возмутился Доктор Аллон с тем же американским акцентом. – Мы уже полгода ломаем головы над данной проблемой, но все наши попытки установить двигатель на основе миллениума на корабль запрашиваемых размеров провалились. Как же нам успеть сделать за три месяца то, что мы не смогли за шесть?

– Уважаемый Аллон, – усмехнулся Рустэм Амирович, – сразу видно, что вы не россиянин. Наши граждане делают все вопреки здравому смыслу. Если хотите получить от нас результат, то создайте невыносимые условия и поставьте невыполнимую задачу. Как у нас говорят, умри, но сделай. У вас, уважаемый коллега, это звучит вроде бы «сделай или умри».

– Это так.

– А у нас, как видите, смерть не является причиной для невыполнения приказа.

– Шутки в сторону, – оборвал разговор Максим Михайлович. – Время не прошло зря. У нас есть масса информации.

– Сведений о том, как нельзя делать, – перебил его Михаил Петрович, – но ни одной о том, как делать правильно.

– Надо все пересмотреть сначала, определить, в чем могли быть допущены ошибки, – произнесла Елизавета Денисовна.

– В таком случае давайте вспомним все варианты, уже опробованные нами, – предложил доктор Аллон.

– Итак, господа, для начала мы устанавливали на корабль один двигатель, подобно тому, что был на шаттле «Журавль».

– Идея провалилась, – вступил в разговор доктор Пристон. – Программа показала, что один такой двигатель не выведет аппарат в космос и не сможет придать ему необходимую скорость для быстрого преодоления Солнечной системы, не хватит мощности.

– После этого, – продолжил профессор Зельцин, – мы попробовали установить несколько аналогичных двигателей на корабль. Программа также показала, что этот вариант не подходит, так как синхронизировать работу отдельных двигателей на основе миллениума невозможно. Не синхронизированное разнонаправленное движение дисков миллениума просто разорвет корабль. Попытки наладить одновременную взаимосвязанную работу нескольких двигателей провалились.

– После этого пробовали увеличить размеры миллениумных дисков, чтобы повысить мощность одного двигателя, – добавила Елизавета Денисовна. – Но слишком сильное наращивание диаметров дисков привело к тому, что они начали разрушать сами себя. Как следствие – этот вариант отпал.

– А почему нельзя построить несколько кораблей поменьше? – обратился к Максиму Михайловичу Юрий Георгиевич.

– Это, мой дорогой коллега, связано с политикой. Произвести незаметный безопасный запуск подобного объекта можно только один раз. Каждый последующий – слишком опасен. Американцы не дремлют, не так ли доктор Аллон?

– Эти капиталисты без разбора торпедируют объект. Отношения между странами сейчас накалены как никогда.

– Но если попробовать объяснить, что эти корабли не для войны, а, наоборот, – во благо всем землянам, в том числе и самим американцам? – продолжал настаивать Юрий Георгиевич.

– Политику оставим другим людям, уважаемый коллега, – прервал дискуссию Максим Михайлович. – Нам же нужно строго придерживаться приказа. Так что корабль должен быть один. И нам необходимо не только запустить его в космос, но и придать ему достаточно мощности, чтобы преодолеть Солнечную систему в кратчайшие сроки. Какие у вас предложения? – обвел он взглядом присутствующих.

– Скажите, а почему провалился проект с одним двигателем? – переспросил Рустэм Амирович.

– Корабль слишком тяжел для одного двигателя, чтобы он смог поднять его с Земли, – ответил доктор Пристон. – А в космосе есть вероятность того, что двигатель прорвет объект пополам из-за его размеров. Кроме того, мало мощности для набора необходимой скорости.

– Быть может, мы пытаемся решить проблему не с той стороны, – словно сам для себя проговорил Юрий Георгиевич.

– Объясните нам.

– Коллеги, – приподнялся с кресла Юрий Георгиевич, поправляя рукой волосы, – все время мы пытались видоизменить двигатель для того, чтобы он смог вывести корабль в назначенное место за определенное время. Но, быть может, нам стоит обратить внимание не на двигатель, а на корабль?

– Мы не можем его уменьшить.

– А этого и не понадобится. Смотрите, – Юрий Георгиевич начал чертить на своем проекторе схему, которая отображалась на центральном экране, – Рустэм Амирович, вы сказали, что миллионные диски имеют ограничения в диаметре.

– Да.

– А сколько в метрах?

– Семьдесят. После этого диски разрушают друг друга.

– То есть это в два раза больше, чем на шаттле «Журавль». Следовательно, его двигателю сможет выдать мощность в два раза больше. Не так ли, Михаил Петрович?

– Где-то так, учитывая небольшие погрешности. Думаю, до трех раз мы увеличим мощность сумеем.

– Будет ли этого достаточно, чтобы корабль развил необходимую скорость в космосе?

– Вполне. Но недостаточно, чтобы поднять корабль с Земли.

– Для старта космического судна с Земли мы можем использовать обычные ступени от старых ракет. У них нет проблем с синхронизацией.

– Это может сработать, – задумался профессор Зельцин. – Но вы упускаете момент, что один двигатель может разорвать корабль пополам.

– Не обязательно. Смотрите на схему, – Юрий Георгиевич начал объяснять изображение на мониторе. – В сконструированном макете корабля центр тяжести распределен по всему борту – от одного края до другого. Таким образом, двигатель, размещенный в центре воздушного судна, создает разную нагрузку на него, что приводит к его расколу из-за больших размеров. Но что если нам прочертить две линии: одну вдоль корабля, а другую – поперек, и в точке их соединения сделать центр тяжести. Мы усилим судно в этом месте, а именно круг с радиусом пятьдесят метров от точки. То есть нужно утяжелить корабль в данном месте, что достаточно просто. При этом мы облегчим края. Как следствие, центр тяжести у нас сместится. Под указанной точкой мы поместим двигатель максимально возможного размера. А сверху корабля над новым центром тяжести мы установим конусообразную конструкцию. Это позво-

лит при работе двигателя сбалансировать нагрузку, что может привести к нормальной работе двигателя и исключит возможность разрыва судна на две части.

После того, как Юрий закончил свою речь, в кабинете наступило молчание. Все присутствующие смотрели на экран, на котором Юрий схематично изобразил свою идею, и что-то высчитывали в голове. Первым нарушил молчание доктор Пристон.

– Это может сработать. Надо попробовать.

– Идея неплохая, – согласился профессор Зельцин. – Не зря я настаивал на вашем участии в проекте. Надо ввести параметры в программу и посмотреть, что получится. Есть некоторые моменты, которые могут помешать реализовать данную идею. Но это хорошая ветка для новых размышлений. Думаю, на сегодня мы закончим, а завтра начнем реализовывать задумку.

Ученые медленно начали покидать помещение, желая друг другу хорошего вечера. Вскоре остались только Максим Михайлович и Юрий Георгиевич.

– Вы что-то хотели?

– Да. Есть одно обстоятельство, которое я хотел бы обсудить с вами наедине.

– Что-то случилось?

– Я хотел у вас спросить: что вы знаете об этих американцах?

– Вы про доктора Аллона и доктора Пристона? – рассмеялся Зельцин. – Вы им не доверяете?

– Не то чтобы не доверяю, – начал Юрий Георгиевич, – просто американцы в проекте такого масштаба с учетом политической обстановки – это очень странно.

– Не переживайте, мой друг, они не шпионы, а ученые, и весьма неплохие. Для меня это главное. А что они из себя представляют – это уже не наша с вами проблема, а Андрея Ивановича. И я сомневаюсь, что он бы допустил кого-то до проекта «Чистый дом» не будучи в нем уверенным на все сто процентов и даже больше. А политику оставьте другим. Это все стереотипы: если американец, то человек толстый и глупый или враг; если русский, то пьяный; если немец, то с пивом и сосиской; а если француз, то трус. Мир соткан из предрассудков, которые не отражают истинного положения вещей. Я был в Америке. Поверьте мне на слово, там живут такие же люди, как и мы, которые никому не желают зла. Да, придурков там полно, но, как и в любой другой стране. Единственная разница: у них во власти люди, которые жаждут мирового господства. Вот они и создают такую репутацию Америке. А что касается Аллона и Пристона, так если с ними познакомиться поближе, то можно понять, что они довольно хорошие парни. Пообщайтесь с ними, вам это не помешает.

Глава 22

Юрий Георгиевич подъехал на служебной машине к своему дому. Солнце, сиявшее еще высоко над горизонтом, приветливо пускало зайчиков, отражаясь от зеркальных поверхностей. Это было непривычно для профессора, ведь, как заметил Михаил Петрович, последние дни он возвращался домой, когда уже давно было темно. Юрий Георгиевич заглушил двигатель, поправил букет цветов, который по дороге с работы купил для жены, и пошел в сторону двери.

– Марина, я дома, – весело окликнул он.

– Не может этого быть! – радостно приветствовала его супруга. – А я-то подумала, что ты ошибся, набирая текст. Как обычно, хотел написать «буду поздно», а получилось «я тебя люблю». Очень рада, что ты пришел сегодня пораньше.

– Сегодняшний вечер только наш с тобой, любимая. А это тебе, – Юрий обнял Марину за талию, поцеловав в губы, и подарил букет из гербер и тюльпанов.

– Это мои любимые цветы, спасибо тебе! А я уже и забывать стала, что значит быть женщиной.

Хоть Марина последнюю фразу произнесла шутя, ее слова тяжелым молотом легли на сердце профессора, и весь разговор с Михаилом Петровичем вновь пронесся перед его взором. «Неужели я настолько забыл о семье в последние недели? – поразился он. – Как я до этого докатился, ведь что может быть проще, чем купить букет цветов и сказать несколько ласковых слов. Я совсем замотался с работой. Но ведь и она очень важна, я тружусь на благо всего человечества. Эх, если бы только можно было все рассказать Марине. Она бы все поняла».

Юрий прошел в гостиную. К его удивлению, стол был накрыт на две персоны, горели свечи. «А как же дети?» – промелькнуло у него в голове.

– Они сегодня переночуют у бабушки, – словно прочитала его мысли Марина.

– Ты все предусмотрела, – улыбнулся Юрий, снова целуя Марину, после чего про себя добавил: «Боже, как давно мы вот так просто не стояли и не обнимались».

Юрий прижался к Марине всем телом и провел рукой по волосам жены. По спине пробежали мурашки, как тогда, много лет назад, когда он впервые ее поцеловал. В тот год они были студентами, учились в одном университете, но на разных факультетах. Юрий уже тогда грезил космосом. А Марина была подающим надежды журналистом.

Но в тот день весь мир словно перевернулся для него. Юрий, будучи прилежным студентом, стал прогуливать пары, предпочитая проводить время с любимой девушкой, допоздна засиживался за компьютером или телефоном, общаясь с ней. Весь мир будто исчез. Он думал, что так будет всегда. Только он и она. А позже еще и дети.

В какой-то момент из отличника он попал в списки на отчисление, но Марина вовремя заставила его взяться за ум. Благодаря ее помощи и усердию ему удалось погасить все долги по учебе и с успехом окончить университет.

А что же теперь? Теперь он допоздна пропадает на работе, домой приходит уставшим. И вместо того, чтобы обнять жену и поговорить о том, как прошел ее день, он все больше предпочитает тихо, наедине с самим собой посидеть в кресле, почитать или посмотреть телевизор.

Но ведь еще несколько лет назад все было по-другому. Он ловил каждый момент, чтоб пообщаться с Мариной, отсчитывал каждую минуту до встречи с ней. Теперь же, когда она рядом, ее словно и нет.

И ведь нельзя сказать, что Юрий разлюбил Марину. Нет, его чувства к ней были даже сильнее, чем прежде. Просто что-то произошло, совсем незаметное для него, после чего его отношение к жизни, к любви как таковой и к общению между мужчиной и женщиной изменилось.

– Я тебя очень люблю, – прошептал Юрий.

Вечер прошел замечательно. Давно уже супруги не оставались наедине. Дети и работа практически не оставляли им свободного времени друг для друга. Развалившись в кровати с прохладительными напитками, они проговорили до поздней ночи. Юрию очень хотелось поделиться с Мариной всем о его новой работе, о том, над чем он и коллеги сейчас ломают голову, и с глубоким сожалением не мог этого сделать. Напоследок, уже ложась спать, Марина сказала:

– Знаешь, Юра, я рада, что ты пришел раньше. Мы провели чудесный вечер. Но если бы ты сегодня пришел, как всегда, после девяти, я бы чувствовала себя полной дурой со всем этим ужином, свечами. И я бы, наверное, разочаровалась в тебе. Но ты пришел. И ты сегодня другой, не такой, как всегда. А как раньше, в молодости. Ты был таким, каким я в тебя влюбилась. Спокойной ночи, любимый.

– Сладких снов, – провел Юрий рукой по щеке Марины.

Но он еще долго не мог заснуть. Ее слова вместе с советами Михаила Петровича не давали ему покоя. Юрий впервые взглянул на семейную жизнь со стороны. Словно с его глаз убрали пелену и все предстало в своих красках, без воображений и домыслов: как есть. И ему не понравилось, то, что он увидел.

– Надо что-то менять. Нужно уделять больше времени семье, а Марине помогать по дому, – с этими словами Юрий обнял жену и вскоре уснул.

Глава 23

– Привал! – выкрикнул Фрэнк. – Отдыхаем час, после чего снова в путь. Сержант, – обратился он к одному из солдат, – возьми с собой девять человек и поставь караул по периметру. Через тридцать минут вас сменят. Особенно удели внимание северной стороне.

Отряд, состоящий из стариков, женщин и детей, облегчено вздохнул. В отличие от солдат, гражданские не привыкли к таким переходам и физическим нагрузкам. Поэтому приказ Фрэнка устроить привал был как никогда кстати. Люди начали быстро расходиться по сторонам, укрываясь под тенью деревьев. Некоторые доставали продовольственные запасы, желая поесть; кто-то, облокотившись о дерево и надвинув шляпу на глаза, предпочел немного поспать; а другие решили провести отведенное время за игрой в карты и кости.

– Поешь, нам еще предстоит долгий переход, так что силы понадобятся, – Фрэнк протянул Дмитрию флягу и тарелку с едой, усаживаясь на траву. – Кто бы мог подумать, что нам вот так придется оставить крепость Розенбург. Можно сказать, просто бежать из нее.

– А что в этом такого?

– Даже не знаю, можно ли тебя считать патриотом. Тебе неведомо чувство, когда приходится оставлять на растерзание врагам то, что дорого сердцу и памяти. Наши деды отвоевывали у зверей каждый клочок земли, метр за метром. После там жили наши отцы и матери. А теперь туда, в дома, войдут геты. Конечно, ненадолго. Вскоре прибудет наша армия из города и прогонит их обратно в болота. Но сам факт осознания того, что эти мрази хоть какое-то время, пусть даже самое незначительное, будут попирать своими ногами нашу родину, уже вселяет бурю негодования, что даже дыхание сводит. – Фрэнк посмотрел на Дмитрия, после чего добавил: – Но у тебя нет врагов. Ты даже не представляешь, что это такое. Не знаю, было ли у тебя вообще что-то родное. Так что тебе не понять, что значит для меня оставить крепость Розенбург.

– Мне трудно осознать, что ты чувствуешь, но я разделю твои волнения, – положил Дмитрий руку на плечо Фрэнка. – Если я смогу чем-нибудь помочь, то всегда буду рад оказать услугу.

– Не вовремя ты к нам свалился с небес, пришелец, очень не вовремя. Не до тебя сейчас, – сказал Фрэнк словно самому себе. – Не с тобой я нянчиться должен, а стоять на стене крепости, плечом к плечу с Капитаном.

– Не знаю, по какой причине вы меня держите в качестве пленника, но даю свое слово, что не сбегу. Да и куда?

– Я не Капитан, – изменился в голосе Фрэнк, – и не питаю иллюзий в отношении тебя. Поэтому твоё слово для меня ничего не значит, парень. Не заслужил ты моего доверия. У меня есть приказ, и только он не позволяет мне расправиться с тобой прямо здесь и вернуться в крепость. Если бы не Капитан, я давно бы связал тебя по рукам и ногам и бандеролью отправил в город под присмотром какого-нибудь солдата.

После этого короткого разговора Фрэнк пошел осматривать территорию, приказав двоим солдатам стеречь пленника.

Слова Фрэнка о том, что ему не доверяют, задели Дмитрия. Ведь он привык к тому, что люди искренни, и если человек дал слово, то он его обязательно сдержит. Его так воспитывали родители, потом учителя. И в любом общественном месте всегда были напоминания о том, что обман является непозволительным проступком, караемым по всей строгости закона. Сам Дмитрий не умел не доверять человеку, он даже не знал, как это – усомниться в чьей-либо честности. Он считал, что если человек что-то сказал, то так оно и есть, а если что-то пообещал – то, несомненно, сдержит слово.

Привал подходил к концу. Настало время собираться в путь, чтобы успеть до темноты преодолеть место, где дорога пересекалась со старой охотничьей тропой. Фрэнк посмотрел на часы и отдал приказ солдату поднимать гражданских и готовиться к выступлению.

– Как-то тихо сегодня в лесу, Фрэнк, не находишь? – спросил молодой сержант.

– Очень странно. Я тоже обратил на это внимание. Обычно в такое время птицы не умолкают.

– Гроза будет вечером. Небо с севера заволакивает тучами. Может, птицы ее почуяли и разлетелись.

– Рано они исчезли. Да и перед грозой обычно выюны летают. Тут дело в чем-то другом. Не нравится мне все это. Отправь двоих, пусть разведает, что впереди.

Не успел Фрэнк закончить последнюю фразу, как откуда-то из леса раздался выстрел. Пуля влетела в затылок молодого сержанта, прошла сквозь череп и, вылетев через лоб, застряла в дереве рядом с Фрэнком.

– Засада!

Крик Фрэнка потонул в диком реве, донесшемся из леса. Следом из-за кустов выбежало несколько десятков вооруженных гетов. «Не успели», – процедил сквозь зубы Фрэнк и, схватив топор, бросился навстречу врагу.

Мирные жители крепости Розенбург, волею судьбы оказавшиеся в западне, бросив все вещи, ринулись бежать кто куда. Каждый пытался хоть где-то найти укрытие. Но пули и ножи гетов достигали своих целей.

Женщины прятали детей за своими спинами, пытаясь уберечь их от неминуемой участи. Старики пытались оказать хоть какое-то сопротивление, которое, впрочем, ничем не могло помочь.

Завязался бой. Конечно, в отдельности любой из солдат отечественной гвардии Бенгалии был намного сильнее гета, а Фрэнк стоил десяти бойцов. Но силы были слишком неравны. Геты нападали со всех сторон, взяв небольшой отряд военных с гражданскими в кольцо.

Геты никогда не считались порядочными воинами. Это был, наверное, самый подлый и безжалостный народ на континенте. Даже звери так себя не вели. Для гетов не существовало ничего святого, поэтому они без тени сомнений и переживаний всегда убивали не только воинов противника, но и мирных жителей, включая беспомощных детей. Они никогда не брали пленных, для них не существовало различий между военным и гражданским, мужчиной и женщиной, стариком и младенцем. Этот народ уничтожал все, чего только мог коснуться, оставляя после себя горы трупов и руины.

При этом надо отметить, что подлость и безжалостность гетов всегда шли нога в ногу с их трусостью. Как довольно часто встречается, беспощадные люди по своей природе являются крайне закомплексованными. За злобой и ненавистью они пытаются скрыть собственную ущербность. То же самое касалось гетов. Они нападали только тогда, когда их силы заметно превосходили врага. Геты делали засады, нападали исподтишка и всегда старались атаковать с разных сторон одновременно. Если это удавалось, то они с важным видом победителей крушили все подряд. Но стоило им только встретить достойное сопротивление, как в их рядах сеялась паника, а в глазах появлялся страх. На равный по численности вражеский отряд геты никогда не осмеливались напасть.

Вот и сейчас, окружив бенгальцев со всех сторон и поймав их врасплох, геты с чувством собственного превосходства наносили смертельные удары старикам, женщинам и детям.

Двадцать солдат отечественной гвардии под предводительством Фрэнка пытались оказать сопротивление, но их ряды быстро редели. После первых минут боя с Фрэнком остались только около десяти боеспособных воинов.

– Отходим назад! – скомандовал Фрэнк.

Но идти было некуда. Отовсюду раздавались выстрелы, доносились крики и стоны, кровь лилась рекой.

Фрэнк поднял над головой свой тяжеленный топор и, размахивая им, побежал в ту сторону, где, как он предполагал, должен был находиться Дмитрий. Солдаты последовали за ним. Оглушительные удары топора сваливались на головы гетов. Острое лезвие проходило сквозь тела врагов, словно нож через топленое масло.

Геты не имели способностей к ведению тактического боя. Их военачальники предпочитали простой навал. Часто это приносило успехи в боях со слабыми племенами и государствами, но всегда приносило огромные потери в живой силе. В такой суматохе, когда все смешалось, Фрэнк с легкостью мог поражать смертельными ударами с близкого расстояния гетов, не получая серьезных ран. Так ему удалось добраться до места, где он оставил Дмитрия с двумя солдатами.

Воины лежали мертвыми с прострелянными спинами, а Дмитрия не было видно. «Ну и влетит же мне от Капитана, – пронеслось у Фрэнка. – Сиделка из меня плохая».

– Кто видит Дмитрия? – крикнул он оставшимся в живых солдатам.

– Вон там, около леса, – указал рукой молодой боец.

Когда началось нападение, Дмитрий лежал на том же месте, где его покинул Фрэнк. При первых выстрелах он подумал, что это гром или упражняются в стрельбе солдаты. За время пребывания в крепости он уже привык к учениям и не обращал внимания на канонаду. Но то, что последовало за выстрелами, повергло его в ужас.

После одного из таких залпов на Дмитрия упало что-то тяжелое. Он открыл глаза и увидел распростертое тело одного из тех солдат, что должны были его сторожить. Дмитрий не понял, что произошло, и попытался приподнять его. Ладонь дотронулась до чего-то теплого и липкого. Он отодвинул от себя солдата и увидел, что у него изо рта течет кровь, а зрачки закатились. Это была первая насильственная смерть, которую Дмитрий увидел в своей жизни. Вид застывшего лица с открытыми стеклянными глазами, словно мраморное изваяние, заставил его содрогнуться. Все вокруг перестало для него существовать. Дмитрий как замороженный смотрел то на солдата, то на окровавленные руки.

Из этого состояния ударом приклада в плечо его вывел другой солдат.

– Беги, – крикнул он.

Ничего не осознавая, Дмитрий бросился бежать куда глаза глядят. Он несся бессознательно, единственной целью было оказаться как можно дальше от этого ужасного места, которое просто не вписывалось в его идеализированный мир. По пути он наталкивался на тела убитых людей, которых еще совсем недавно с любопытством разглядывал, сидя у окна в своей комнате. Это приводило его еще в больший ужас. В одном из убитых он узнал гражданского начальника крепости Розенбург Аминоса. В его груди зияла огромная дыра, через которую просматривались окровавленные мышцы. В руке Аминоса был зажат взведенный пистолет, из которого так и не успели выстрелить.

Крики, стоны, мольбы, грохот, а также издевательский хохот – все смешалось в единый шумовой фон. Дмитрий перестал различать хоть что-то. Перед глазами у него потемнело. Шатаясь, почти в беспамятстве он добежал до дерева, стоящего на обочине дороги и, упав около него, крепко обхватил ствол. Именно в таком состоянии его и нашел Фрэнк.

– Дмитрий, ты меня слышишь? – кричал Фрэнк, пытаясь достучаться до него. – Ответь хоть что-нибудь.

– Похоже, он вас не слышит, – сказал один из солдат. – У него шок и приступ паники. Он сейчас никого не услышит.

– Что ж, прости, Дмитрий, но ты сам напросился.

С последними словами Фрэнк с силой ударил его по голове. От мощнейшего удара Дмитрий потерял сознание. Тело обмякло, он расцепил хватку рук и повалился на землю. Фрэнк,

взвалив бессознательное тело на плечо, словно это был не парень в полном расцвете сил, а маленький мальчик, командовал оставшимся в живых:

– Отступаем. Назад к Розенборгу.

Глава 24

Прошло чуть больше суток с тех пор, как свыше двухсот человек покинули Розенбург и отправились в сторону города. Возвратилось обратно лишь девять из них: восемь солдат и один пленник.

Крепость представляла собой удручающее зрелище. Апогей битвы уже миновал. В южной части стены зияли две большие брешы, через которые гетам удалось ворваться внутрь. По веревнице из лежачих на земле тел можно было проследить, как и откуда враг напал и в каком направлении двигался. Большинство погибших были гетами, но везде виднелись и воины отечественной гвардии Бенгалии.

Разрушения были колоссальными. Большинство строений в крепости сгорели или просто рухнули от попадания снарядов. Проливной дождь, который только понемногу начал утихать, превратил дороги в массу из грязи и крови.

Геты были внутри крепости. Однако центральную площадь и территорию к северу от административного здания им захватить еще не удалось. Там отстреливались остатки гарнизона, возглавляемые Капитаном.

Ввиду того, что ряды тех, кто оборонял крепость, быстро редели, Капитан перевел солдат, которых ранее отправил защищать северную стену, в административное здание, чтобы усилить оборону центра. Поэтому приход Фрэнка с людьми остался незамеченным.

– Трое к крайним окнам, – командовал Капитан. – Вы двое – на верхний этаж. Поливайте этих гадов свинцом. Так, чтоб они не скоро еще зализали свои раны. Укрепите вход. Таранные орудия сюда не подвести, так что им придется потрудиться, чтоб взломать эти двери. Тери, – крикнул он молодому бойцу, – раздай еще патронов.

– Капитан, с севера движется группа из нескольких человек.

– Геты нас окружили? – заволновался Тери.

– Оставь страх врагам, – сурово посмотрел на него Капитан. – Пусть в их глазах зарождается ужас при виде нашей воли. Ты же солдат Бенгалии! Помни об этом. Как пришли они сюда, так и умрут здесь. Иди, раздай патроны. Покажи, где они, – обратился он к солдату, заметившему неизвестный отряд.

Воин провел Капитана к окну, выходящему на север, и рукой указал на небольшую группу людей, крадущихся в тени того, что осталось от домов.

– Расстрелять их, Капитан?

– Погоди-ка, солдат, расстрелять всегда успеем. Сначала посмотрим, кого нам там неладная принесла. Для гетов отряд слишком малочисленный, – Капитан пристально всмотрелся в группу людей, перебегающих от одного дома к другому, пытаясь увидеть лица. Но уже сильно стемнело, чтобы можно было хоть что-то различить на расстоянии и пятнадцати метров. И только Капитан собрался отдать приказ стрелять, как сама природа пришла ему на помощь – на горизонте снова засверкали молнии. При одной из вспышек Капитан увидел металлический блеск знакомого топора. Он, как маятник для потерявшегося в океане корабля, придал надежду, силы, веру, что еще не все потеряно. Топор друга Капитан узнал бы из миллиона. Фрэнк. – Не может быть. Чтоб зверь меня в бою... Быстро открыть дверь. Впустить их.

Капитан бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек. В мгновение ока он очутился на первом этаже около главного входа и принялся вместе с солдатами отодвигать мебель, которой совсем недавно они забаррикадировали вход.

– Чертовски рад тебя видеть, Фрэнк! – протянул руку Капитан вошедшему внутрь здоровяку. – Забаррикадируйте вход, – обратился он к одному из солдат, после чего продолжил: – Я рад тебя видеть больше, чем мать родную. Быстро вы вернулись. Значит, Макса встретили

по дороге? Где войско расположилось? Вовремя вы подросли, а то тут жарче, чем в аду. Вели Максу обходить с востока. Там у гетов плотность не такая большая...

– Капитан, тут такое дело. – Фрэнк посмотрел на своего начальника отстраненным взглядом, не зная, как донести до него тяжелые вести.

– Что случилось?.. – вдруг взгляд Капитана упал на Дмитрия. – А он что тут делает? Разве я не приказал тебе доставить его в город?! Какого черта ты притащил его обратно?! Тебе что было велено, Фрэнк? Возвращаться только после того, как ты его доставишь в город!

– Не дошли мы до города, – огрызнулся Фрэнк.

– Ну это понятно, что не дошли.

– Да и Максима с войском мы не встретили.

– То есть как? – Капитан начал чувствовать неладное.

– Не успели мы охотничью тропу преодолеть. Геты нас опередили...

– Где гражданские? – голос Капитана стал стальным.

– В общем, нет больше гражданских. Никого нет, Капитан. Всех перерезали. Девять человек – это все, кто уцелел.

– А почему ты живой, Фрэнк, когда все погибли? – Капитан набросился на здоровяка, схватив его за шиворот. Его глаза налились кровью, а голос задрожал от негодования. – Как ты посмел вернуться сюда живым, когда все, кого я вверил тебе, мертвы? Отвечай!

– Не смей обвинять меня в трусости, – Фрэнк оттолкнул от себя Капитана. – Если бы не ребенок, которого ты мне всучил, я бы и сам с гордостью лежал среди братьев. Только из-за этого сосунка я здесь, перед тобой. Они все погибли у меня на глазах, а у меня руки были связаны, чтоб помочь. Ты мне их стянул вот этим мальчишкой...

– Значит, помощь ждать не приходится, – вмешался в разговор разведчик Марк, чтоб хоть как-то разрядить обстановку. – Что ж, можно говорить, что пришло время подумать о собственном спасении.

– Поскольку с севера скоро придут геты, удерживать крепость не имеет смысла, Капитан, – согласился с ним Денис. – Нужно уходить сейчас, пока еще есть такая возможность. Надо оставить Розенбург.

– Оставить Розенбург... Боже мой, неужели до этого действительно дошло... Сколько их там, Фрэнк? – спросил Капитан после непродолжительного молчания, во время которого он пытался собраться с мыслями.

– Отряд был человек в сто, как и говорили Марк и Денис. Половину мы положили, может, больше. А остальные в скором времени подойдут сюда.

– Неужели никто не выжил? – спросил Тери, услышав слова Фрэнка. – Дети, жены, отцы. Неужели все погибли?

– Мне жаль, – Фрэнк положил руку на плечо Капитана. – Мы сделали все, что могли. Но они нас окружили, и было их намного больше. Мы можем с тобой дать последний бой здесь, в нашем доме. И мы славно отомстим проклятым гетам, забрав не один десяток с собой на тот свет.

– Это была бы славная смерть, – согласился Капитан. – Но нельзя. Мы не выполнили еще главный приказ. Дмитрия надо доставить в город во что бы то ни стало. Кстати, что с ним?

– Он не хотел идти, – процедил Фрэнк.

– То есть?

– У него случился приступ паники, – ответил молодой сержант по имени Мэт.

– Приведите его в чувство, – скомандовал Капитан. – Фрэнк, Марк, Денис, Василий, за мной!

Капитан с сослуживцами поднялся в комнату, где еще совсем недавно под стражей содержали Дмитрия. Он встал у окна, жестом велел остальным сесть за стол. Немного обдумав положение вещей, Капитан начал совещание:

– Оставаться далее и ждать подкрепление не имеет смысла. Оно не успеет подойти вовремя. Принять бой и умереть мы не можем. Есть приказ от старейшины отца Петри оберегать Дмитрия и впоследствии целым и невредимым доставить в город. Значит, нужно уходить. Ваши предложения?

– Сколько людей осталось в крепости? – поинтересовался Фрэнк.

– Около двадцати.

– Значит, всего двадцать восемь человек и Дмитрий. Негусто, – проговорил Фрэнк. – На север путь закрыт. Конечно, пятьдесят гетов – это ничто по сравнению с тремя десятками бенгальцев. Но те, кто атакует с юга, ринутся за нами, и мы окажемся в тисках. В сложившейся ситуации в бой вступить бессмысленно.

– На запад и восток идут леса и болота, – добавил Марк. – Прежде, чем мы прорубим дорогу хоть на сто метров, нас всех перебьют.

– Ну, а на юг и подавно нельзя. Что же нам делать? Отрастить крылья и улететь?

– Есть один путь, – обвел взглядом присутствующих Капитан. – Расскажи им, Василий.

– Под ангаром есть ход. Он был прокопан еще при строительстве крепости и выходит, минуя поляну, в нескольких километрах к югу от стены.

– Я впервые о нем слышу, – удивился Фрэнк. – Да и почему на юг?

– Наличие этого хода всегда держалось в строжайшем секрете. Кроме главнокомандующего крепостью и заведующего складами и боеприпасами никто о нем не знает. Прокопан на юг он был для того, чтобы в случае атаки врага можно было пройти к нему в тыл.

– А что же в этот раз не зашли в тыл?

– Врагов было слишком много.

– В каком состоянии проход? Когда им последний раз пользовались? – расспрашивал Фрэнк.

– Давно. Несколько лет там точно никого не было. Но это наш единственный шанс.

– Геты не будут искать нас на юге. Воспользовавшись темнотой и лесами, мы сможем сделать небольшой крюк и через западную тропу выйти к городу. – Марк показал на карте, висевшей на стене, несколько дорожек. – А там, глядишь, и Максим с войском подойдут и сотрут гетов с лица земли.

– Все бы хорошо, Марк, – задумался Денис, – но как нам добраться до ангара? Геты почти вплотную подошли к нему.

– Мы должны прорваться, пока они его не заняли. У нас только одна попытка, и мы не имеем права на ошибку, – сказал Капитан. – Нельзя медлить ни минуты. Василий, созывай всех. Сбор внизу через пять минут. Берите все, что может стрелять, резать, убивать.

Глава 25

Все были готовы. Здание административного центра крепости от ангара отделяло не более двухсот метров. Но преодолеть часть пути предстояло по открытой местности, бежать надо было вниз с холма. Даже в такой темноте, как сегодня, отряд представлял из себя отличную мишень.

Капитан приказал покидать здание через окна, выходявшие на север, а дальше двигаться ползком через край центральной площади до улицы, ведущей к ангару. Она пересекала всю крепость с севера на юг и служила местом прохода техники во время парада, поэтому была достаточно широкой.

Преодолев площадь, Капитан с солдатами, прикрываясь развалинами домов, добрались до места, напротив которого стоял ангар. Оставалось самое сложное – пробежать метров двадцать открытого пространства, которое превосходно простреливалось с позиций гетов. К тому же требовалось открыть наглухо закрытые перед боем ворота.

Враг был совсем близко. Не зная, что здание административного центра было покинуто, геты не решались идти в атаку, а обстреливали его издали, прикрываясь строениями, вплотную подходившими к ангару. Несмотря на огромный численный перевес, враги уже столько потеряли убитыми и ранеными, что обычный навал не рассматривали как вариант штурма.

– А твари эти хвосты-то поджали, – скорее оскалился, чем улыбнулся Фрэнк. – В штурм не идут. Боятся.

– Нет. Тут дело в другом. Не боятся, а выжидают. Ждут отряд с севера, чтоб в кольцо взять. Тогда и пойдут на штурм.

– Что дальше, Капитан? – поинтересовался Мэт.

– Нужно отвлечь их внимание. Без этого никому не перебраться через дорогу. Василий, возьми троих ребят и обойди этот дом сзади, – Капитан указал на груды развалин, бывших некогда чьим-то жильем. – Оттуда откройте огонь по гетам. Пусть они подумают, что мы сделали вылазку. Мы тем временем взорвем ворота ангара. Огонь открывайте только после того, как услышите взрыв. И для начала бросьте две световые гранаты. После следуйте за нами, а мы в свою очередь вас прикроем. Все понятно?

– Яснее некуда.

– Ну, тогда с Богом. Фрэнк, будь готов по команде выстрелить по воротам.

Василий с тремя солдатами скрылся в тени дома. Фрэнк зарядил гранатомет и приготовился стрелять, остальные разбились на группы по четыре человека. Дальнейшее произошло за какие-нибудь десятки секунд, показавшиеся всем бесконечными.

Капитан отдал приказ, Фрэнк произвел залп. Сразу же после взрыва местность озарилась электрическим светом от гранат, брошенных Василием. Раздались автоматная очередь, крики, стоны.

– В ангар! – крикнул Капитан.

Солдаты группами по четыре человека, прикрывая друг друга, побежали в сторону разрушенных ворот, за которыми был спасительный тоннель. Каких-то двадцать метров! Эту дистанцию можно преодолеть за две секунды. Гуляя, мы даже не замечаем такое ничтожное расстояние. Но скажите это рыбаку, застрявшему на отколовшейся льдине. Попробуйте объяснить узнику, наблюдающему через решетчатое окно за пением птиц, что двадцать метров – не расстояние. Так было и сейчас. Двадцать метров дороги превратились в сущий ад, пылающий огнем.

Бенгальцы, сраженные пулями, стали падать один за другим. Одной из первых была убита группа Василия. Но перед смертью он успел выдернуть чеку из гранат. Прогремел мощный взрыв, давший остальным солдатам несколько секунд для маневра.

Фрэнк первым забежал в ангар, буквально забрасывая в него Дмитрия и тех, кто бежал рядом с ним. Следом туда добрались Капитан с Денисом и Марком. Затем еще несколько солдат. Когда Капитан убедился, что в живых больше никого не осталось, он кое-как закрыл разбитые взрывом ворота.

Ангар был построен из толстых бревен, имел один-единственный вход, а окна отсутствовали вовсе. Так что внутри было относительно спокойно.

– Геты не могут знать о существовании хода, поэтому считают, что мы в западне. На штурм они не пойдут. У нас есть немного времени. Фрэнк, помоги мне открыть люк в проход и заложить взрывчатку.

Дмитрию понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Конечно, бойня в лесу его уже немного подготовила к подобному, но матерым солдатом его пока назвать было нельзя.

– Ничего, привыкнешь еще к виду крови, – произнес Фрэнк, следуя за Капитаном в дальний угол ангара.

– Это просто невозможно, – думал Дмитрий вслух, обхватив голову руками. – Какой-то сон. Это не люди, это... Я даже не знаю, как их назвать! Там, где люди, есть разум, а значит, логика. Она порождает порядок и рассудительность. Поскольку человек разумен, то и порядочен, обладает нравственностью и логикой. Следовательно, он на подсознательном уровне просто не способен вредить другому человеку. Это же так просто и понятно! Порядок помоги мне... У этих же существ нет ничего, кроме жестокости и дикости. Их действия не логичны и противны самой природе живого существа. Даже животным не свойственно такое поведение. Где еще видано, чтоб кто-либо объединялся в группы и шел нападать на себе подобных? Нет, они не могут быть потомками великих землян, основателей Порядка и закона. Эти существа только похожи на нас, не более. Порядок помоги мне... Это не Земля! Но ведь я не мог ошибиться с координатами. Разве только они неверны? Неужели наши записи стали неточными и Земля для нас безвозвратно потеряна?

Понемногу Дмитрий отдышался и начал приходить в себя. Глаза постепенно привыкли к электрическому свету фонаря. После того, как бенгальцы заперлись в ангаре, пальба на улице стала стихать, слышались только одиночные автоматные выстрелы по бревенчатым стенам. Капитан оказался прав, геты посчитали, что солдаты, оборонявшие крепость, оказались в тупике и теперь им деваться некуда.

Дмитрий стал оглядываться вокруг, и его взгляд остановился на корабле – том самом корабле, на котором он два месяца назад прилетел на Землю. Его сердце сжалось, по телу пробежали мурашки. Он с трудом поднялся на ноги и медленно пошел в его сторону. Подойдя к кораблю, Дмитрий в нерешительности остановился и аккуратно провел рукой по ледяной обшивке, словно гладил любимую женщину.

Он вспомнил, как совсем недавно в торжественной атмосфере его провожали в дальний путь. Как звучала музыка, произносились патриотические речи. Цветы, салют. И все в его честь – первого человека, возвращавшегося на родную Землю.

«Если бы я только знал, чем это обернется, я бы, наверное, никогда не полетел искать Землю и не оказался бы на забытой Порядком планете, – Дмитрий с силой ударил кулаком о корабль. – Эх, мама, папа! И почему я только вас не слушал! Вы же отговаривали меня от полета. Говорили, что это безрассудно. Вы были правы, мои дорогие... Как же мне вас не хватает, как же я по вам соскучился!»

Дмитрий отшатнулся от корабля и отстраненным взглядом посмотрел вверх. «Скучаю? Я скучаю по родителям, друзьям? Скучаю? Какое странное это чувство – скука. Вот какое оно. А я ведь не верил Капитану, что можно испытывать привязанность к какому-нибудь человеку и ощущать его нехватку. На Ферусе ведь все всегда рядом, и стоит только захотеть, можно тут же увидеть кого угодно. А здесь мне действительно не хватает родителей, моего дома, родины. Всего этого недостает».

С тех пор, как Дмитрий оказался на Земле, он открыл для себя много нового, того, что абсолютно неведомо на его родной планете. И это касалось не только предметов быта и порядков, установившихся в этом обществе. Внутренний мир Дмитрия, его восприятие окружающего мира и отношение к нему изменились. Как это было ни странно для него, но он чувствовал, что заново рождается.

Глава 26

– Скучаешь по дому? – с иронией спросил Тери, подходя к Дмитрию.

– Я даже не знаю, смогу ли когда-нибудь еще хоть раз увидеть своих родных. Этот корабль – единственная связующая нас нить. Но ему уже не взлететь. При посадке он получил непоправимые повреждения.

– Ну так, может, за тобой вышлют спасательную экспедицию?

– Учитывая, что меня самого не хотели отпускать, то вряд ли они отправят еще кого-то, если не вернусь. А поскольку я не выходил на связь с предполагаемого момента контакта с Землей, то все, скорее всего, считают меня погибшим.

– Сочувствую тебе, – попытался сделать голос более нежным Тери. – Теперь у тебя новая семья. И что бы там ни говорили Капитан и Фрэнк по поводу пленника, не переживай, мы тебя в обиду не дадим. Слушай, а не хочешь напоследок зайти в корабль, проститься с ним?

– Это было бы здорово.

Они обошли корабль с правой стороны и, дойдя до места, где была пробоина, аккуратно вошли внутрь. Тери активировал электрический фонарик, который осветил своими металлическими лучами каюту.

– Здесь я провел два месяца, преодолевая космическое пространство. Там, – Дмитрий указал рукой, – центр управления кораблем. А в том месте, – он указал в другую сторону, – спальня и склад.

– Склад – это интересно, может, там есть что-то полезное.

Медленно ступая между спутанными проводами, Тери следовал за Дмитрием. Когда они дошли до склада, то увидели, что он абсолютно пуст.

– Куда все делось? Тут же была провизия, аппаратура, техника? Где все?

– Капитан рассказывал мне, что люди из города, присланные старцем, исследовали твой корабль вдоль и поперек. И все, что можно было увезти, они забрали. Но я надеялся, что хоть что-нибудь осталось.

Дмитрий побежал в спальный отсек. Но и тут было пусто.

– Фотографии! Отцовские часы! Вы забрали их! Как же это бесчеловечно! Вы без всякого спроса берете чужие вещи. Как вы можете?! – вспылил Дмитрий.

– А мы, в отличие от вас, не сваливаемся с небес на чужие планеты. Чего к нам приперся? Сидел бы дома у себя. Так что тихо, а то я прикладом тебя успокою. Вещи твои забрали для исследований. Много там было неизвестного и непонятого. Ну а фотографии и часы, наверное, просто прихватили. Может, тебе их еще вернут.

– Может, вернут? – не унимался Дмитрий. – Да как ты можешь быть таким варваром?

– Успокойся. Варвара он тут нашел. На себя посмотри, как с луны свалился. Взрослый мужик, а мозгов, как у новорожденного. Не санаторий тебе тут, и этот твой корабль – не велосипед.

Тери попытался надавить Дмитрию на плечо, но тот увернулся и слегка толкнул солдата. Этого оказалось достаточно, чтобы Тери, запутавшись в проводах, с грохотом упал на стену спального отсека. Раздался треск. От стены отделился кусок металла и завалил собой бенгальца.

– Тери! Ты цел? – кинулся Дмитрий ему на помощь.

– Черт возьми, – попытался приподняться солдат. – И ты хочешь сказать, что на этой консервной банке ты преодолел космическое пространство?

– После атаки на околоземной орбите и падения обшивка корабля сильно пострадала. Не исключено, что деформации подверглись и внутренние перегородки... – Дмитрий замолчал, с

удивлением всматриваясь в образовавшийся проем в стене. – Странно, похоже, там какое-то помещение. Но его там быть не должно. На всех схемах там просто стена.

Тери поднялся, отряхивая форму, и посмотрел в проем. Там действительно была пустота.
– Надо взглянуть. Подай мне фонарь.

Помещение оказалось небольшим, около шести квадратных метров. Вдоль стен стояли шкафы с ящиками, а посередине – небольшой стол, прочно приваренный к полу. В этом помещении было гораздо чище, чем на всем остальном корабле.

– Наверное, люди отца Петри не заметили эту комнату и не обследовали ее.

– Даже мне неизвестно о существовании данного отсека, – ответил Дмитрий. – Странно, зачем его надо было скрывать? И почему оно не отражено на чертежах?

– Значит, отсек предназначался не для всех глаз. И уж точно не для твоих, поскольку тебя не поставили в известность. Надо позвать Капитана.

Капитан быстрым шагом вошел в помещение и сразу начал открывать один шкаф за другим. Медлить было нельзя, геты скоро могли отважиться на штурм либо просто поджечь ангар.

В шкафах в основном были какие-то чипы и микросхемы, чертежи, сделанные на неизвестном Капитану материале.

– Опаньки, а это что тут такое? – воскликнул Фрэнк, открывая очередной шкафчик. Оттуда он вытащил что-то напоминающее автомат, только совершенно невообразимой модификации. – Похоже, тут у нас арсенал.

– Оружие? Что ты на это скажешь, Дмитрий? Значит, ты не такой уж и безобидный?

– Что ты с ним возишься, Капитан?! – крикнул Фрэнк. – Это же все объясняет. Засланный он, вот оружие для обороны или даже для нападения. Нам неизвестна убойная сила этого автомата. Тут же покончим с ним, – Фрэнк угрожающе двинулся в сторону растерянного Дмитрия.

– Клянусь вам, мне ничего об этом не известно. У нас на планете нет оружия. Порядок не приемлет никакого насилия и кровопролития. Нам незачем оружие. Это невозможно. Я не знал о существовании этой комнаты. Мне неизвестно, что это и для чего, – взмолился Дмитрий, глядя на Капитана.

– Постой, Фрэнк. Может, он правду говорит. Только вот это меня еще меньше радует. Ведь выходит, если Дмитрий не знал о существовании отсека и оружия, то все предназначалось не ему.

– А кому же? – удивился подошедший Денис.

– Тому, кто осведомлен об отсеке и знает, как этим всем пользоваться. Дмитрий, тебя должен был кто-то встретить?

– Конечно. Разумные люди, знающие Порядок, а не дикари...

– Я тебе сейчас таких дикарей покажу, – замахнулся Фрэнк кулаком в сторону Дмитрия.

– Погоди ты, – оборвал его Капитан. – С кем-нибудь конкретным?

– Нет.

– А место посадки было указано у тебя?

– Да, в навигационных системах корабля была помечена предполагаемая площадка приземления. Но ваши люди все забрали.

– Ладно. У нас будет время это проверить. А пока собирайте тут все, что есть. Это надо будет показать старцам, – речь Капитана прервала канонада, раздавшаяся снаружи. – Пора уходить. Взрывчатка готова?

– Да.

– Тогда все в проход. А потом взорвем все к черту.

По одному оставшийся отряд спустился в подземный ход, выходящий далеко на юг от крепости. Последним пошел Капитан. Он закрыл люк и поджег фитиль, ведущий к заложенной взрывчатке.

* * *

– Отдавайте приказ наступать, – сказал человек, сидевший на лошади. Его тело покрывал длинный плащ из грубой кожи, а лицо было полностью спрятано под капюшоном.

– Но, господин, зачем нам эти жертвы? Они в западне. Ангар мы полностью окружили. Этим жалким бенгальцем некуда бежать. Они скоро сами сдадутся. А для ускорения процесса мы можем поджечь ангар. Мои люди уже готовят смолу.

– Идиот, – человек в капюшоне ногой толкнул в грудь собеседника так, что он упал в грязь. – Если ты подожжешь ангар, может пострадать корабль. А мне он нужен в целости и сохранности. И тысяча твоих солдат не стоят того, что находится там. И ты получишь достойную плату, которая с лихвой покроет все твои потери. Отдавай приказ.

– Слушаюсь, господин, – с раздражением сказал командир гетов, отряхивая грязь.

Геты открыли огонь по ангару, но крепкие бревна не давали пулям проникать внутрь. Под прикрытием выстрелов передовой отряд медленно подходил к ангару со всех сторон. Когда они были на расстоянии каких-нибудь десяти метров, раздался мощный взрыв, озаривший все вокруг.

Взрывной волной разрушило не только ангар до основания, но и все близлежащие постройки, в том числе убило и гетов, пошедших на штурм. Подземный проход завалило.

Материал, из которого был сделан космический корабль, предназначенный для межзвездных перелетов, выдержал взрыв, но все же развалился на несколько частей.

– Только не это! – воскликнул человек в капюшоне. – Немедленно тушите огонь!

Глава 27

Последние две недели Юрий Георгиевич просто сиял от счастья. Хоть его предложение о модификации корабля не принесло ожидаемого результата, вектор исследований благодаря ему принял новое направление. Теория профессора набрала больше всего процентов совместности из всех предложенных вариантов. Но на девяноста двух процентах программа показала сбой и разрушение корабля.

Дома, как считал Юрий Георгиевич, тоже все наладилось. Хоть часто уходить с работы пораньше ему не удавалось, вечерами он отключал все средства связи и, стараясь наверстать упущенное за последние годы, всего себя отдавал жене и детям. Как-то раз, встретившись в коридоре с Михаилом Петровичем, он с гордостью сказал:

– А мы семьей вчера ходили в зоопарк. Очень увлекательно.

– Рад за вас. Как супруга?

– Счастлива, Михаил Петрович, – делая ударение на слове «счастлива», ответил Юрий Георгиевич. – И я счастлив. И заметьте, на работе я тоже не отстаю от других.

– Вы играете с огнем, дорогой друг. Не опалите себе крылья. Вам может показаться, что все хорошо и вы всюду успеваете. Но рано или поздно этот мыльный пузырь лопнет. И вам может не понравиться то, с чем вы останетесь.

– Всегда бывают исключения.

– Поверьте, я искренне надеюсь, что это именно тот случай. Но я реалист.

Однажды, когда Юрий Георгиевич обедал в кафе после очередного совещания, к нему подошли доктор Аллон и доктор Пристон.

– Здравствуйте, уважаемый коллега, – поприветствовал его доктор Аллон с присущим ему акцентом. – Не возражаете, если мы присядем?

– Разумеется, – ответил Юрий Георгиевич, обводя взглядом полупустой зал, в котором было множество свободных столиков. Этот взгляд не остался незамеченным американцами.

– Сегодня установилась небывалая жара в городе, – заметил доктор Пристон, делая глоток холодного кофе.

– В июне так всегда. В августе будет прохладней, доктор Пристон. А вы не любите жару? – холодно ответил Юрий Георгиевич.

– Я вас умоляю, мы столько времени уже работаем вместе. Зовите меня просто Джек. А доктора Аллона – Бил. Мы ведь практически одна семья, – улыбнулся доктор Пристон. – Пусть и интернациональная. И да, Юрий, жара не по мне. Я родом из Миннесоты – не самый теплый штат.

– А вы, Бил, как относитесь к московской погоде?

– Лучше, чем Джек, но все же предпочитаю более прохладный климат. Море или океан тоже бы скрасили жару. Но, увы, Москва находится черт знает где от ближайшего побережья. Тут летом суший ад. Вот были бы мы сейчас где-нибудь в Калифорнии, я бы отвез вас на превосходный пляж. Там великолепный песок и множество баров с бесконечным количеством прохладительных напитков.

– Бил, не сыпь соль на рану. Кажется, так вы тут говорите? – уточнил доктор Пристон у Юрия Георгиевича.

– Так почему бы вам туда не отправиться, если там так хорошо?

– Америка – это пройденный этап. Уже около трех лет мы трудимся на благо России. Стоит одной ногой пересечь американскую границу, как она тут же окажется в кандалах.

– Это очень похоже на Америку, – Юрий Георгиевич демонстративно посмотрел на часы.

– Зря вы не любите Штаты, Юрий.

– А за что мне их любить?

– Америка – это прекрасная страна. – Доктор Аллон закрыл глаза и широко улыбнулся. – Не только мировой центр развлечений, отдыха, бизнеса, но также и государство больших возможностей.

– Возможностей? – усмехнулся Юрий Георгиевич. – А не просветите ли меня, Бил, каких именно?

– Как каких? – удивился доктор Аллон. – Да любых. Вы можете творить, придумывать, производить. Будучи в Америке, перед вами открывается такой спектр направлений деятельности, что даже вообразить трудно. Вы можете заниматься чем угодно.

– Или правильнее сказать, «чем по средствам», – поправил его Юрий Георгиевич. – Вы забываете, что Америка – это в первую очередь страна денег. Платные образование, медицина. И все те развлечения, о которых говорите, тоже. Быть может, если вы богаты, то тогда в Америке перед вами масса возможностей. Но открою секрет, Бил. Если вы богаты, то перед вами и в захолустье мира откроется масса возможностей. А вот если денег нет, то единственное, что может предложить Америка, так это большой пинок под зад.

– Вы ошибаетесь, – вмешался в спор доктор Пристон. – Да, в начале века было много проблем в социальной сфере. Однако сейчас вопрос денежного и социального неравенства преодолен в Америке. Любые двери открыты перед каждым. Главный критерий – это единство двух: желания и умения работать.

– Джек, вам надо юмористическую передачу вести, – улыбнулся Юрий Георгиевич. – Я вас умоляю, вопрос денег и социального дисбаланса преодолен! Да Америка сейчас самая неравноправная страна в мире. Взять хотя бы один Нью-Йорк и его гетто.

– Это совсем другое дело. Гетто – преступные районы. Его жители сами выбирают свой путь. А демократическая Америка не навязывает им стереотипы, не загоняет в рамки, как в России. Если они решили идти по пути нищенства, не желая работать, это их право.

– Конечно, жители гетто сами выбирают не получать образование, медицинское обслуживание и быть застреленными в двадцать пять, – сыронизировал Юрий Георгиевич. – Вы бы хоть со стороны себя послушали. Вот ответьте мне на вопрос, Джек. Гетто – это рассадник преступности?

– Разумеется.

– А если ваша Америка такая великая и хорошая, то почему она с таким явлением не борется? Почему не устранил преступность?

– Это крайне сложно.

– Чушь. Сложно может быть только с финансовой стороны. Постройте школы, больницы, создайте рабочие места. Сделайте нормальные условия для жизни.

– Это не приведет ни к чему. Жители неблагополучных районов не желают трудиться. Они, как паразиты, хотят только получать, не прилагая никаких усилий.

– Вы ошибаетесь. Неужели если человеку сказать, что дадите жилье для семьи, работу, а для его детей построите школы, больницы, спортивные площадки, он бы ответил, что ему это все не нужно? Что предпочитает быть вором, убийцей и рисковать своей жизнью ради куска хлеба? Глупости. Любой, даже самый убогий, район элементарно превратить в фешенебельный квартал. Стоит только захотеть. Но властям Америки это не надо. Им выгодно наличие гетто.

– Зачем же оно может понадобиться? – поинтересовался доктор Аллон.

– Рабы, Бил. Все очень просто. Чтобы процветать, перепроизводить, богатеть и жиреть, Америке нужны рабы.

– Это глупости. В Америке рабство отменено давным-давно.

– Удивительно, как американцы плохо знают собственную историю и свое законодательство. Вы считаете, что рабство было отменено? А я скажу, что оно было в Америке всегда и есть до сих пор. И готов поспорить с вами на бутылку коньяка, что докажу это.

– Пари принято. Просветите нас.

– По закону, рабство было запрещено. Это так. Однако была небольшая поправка. А именно: рабский труд запрещен за исключением бесплатной работы тех, кто провинился перед обществом. То есть преступников.

– Они должны отрабатывать долг перед социумом за совершенное правонарушение. Это не рабство.

– Подождите с выводами. Конечно, преступники должны искупать свои грехи перед обществом. Но не такими методами. В Америке очень популярны частные тюрьмы, которые находятся под тотальным контролем их собственников. Процент таких учреждений в Штатах в прошлом году составил девяноста три.

– И что же в этом плохого?

– А то, что так называемые собственники тюрем получают деньги за выполнение определенных работ, куда они направляют заключенных. Это может быть строительство дорог, домов, копанье траншей или бог знает что еще. С полученных денег платится налог в казну государства, оплачиваются труд тюремной охраны, коммунальные услуги. А все остальное собственники исправительных учреждений кладут себе в карман. Заметьте, что заключенным ничего не платят. Они, кроме еды и клетки, ничего не получают. Вот вам и бесплатный труд за пищу и кровать в интересах одного человека. Чем вам не рабство?

– Позвольте возразить, – сказал доктор Пристон. – Эти люди совершили преступления. Их насильно никто не захватывал, не похищал. В рабство их не продавали. Этим людям предавали честному суду, который определял наказание соразмерно совершенному преступлению.

– Вы опять опережаете события. Вы уверены, что наказание соразмерно совершенному преступлению? Посмотрите, чтобы так называемых рабов было много и трудились они долго, ваши законодатели установили весьма интересную шкалу градации наказаний. Так, нередки случаи, когда за кражу ста тысяч долларов давали пятнадцать и двадцать лет тюремного срока. Это же безумство. Попытка побега – плюс еще пятнадцать лет. За лишение человека жизни – восемьдесят лет. Если же несчастный не дай бог убил кого-то при ограблении, а потом оказал сопротивление при аресте, то тут все: лет так сто двадцать ему обеспечено.

– В Америке суровое законодательство, это правда.

– Вы говорите, что их никто не продавал? Я вам возражу. Их продало государство. А стоимость этих рабов составляется из суммы налогов, которые владельцы тюрем платят за труд. Но и это еще не все.

– Что же еще?

– Изучите статистику условного досрочного освобождения по американским тюрьмам. Вы будете очень удивлены. Ведь отпускают досрочно в основном только тех, кто достиг глубокой старости, то есть тогда, когда заключенный уже не может трудиться и приносить деньги. И действительно, зачем держать раба, который не в силах приносить государству доход, а кормить его надо. Ведь тогда этот заключенный убыточен. И вы называете это актом милосердия, будто бы человек искупил свою вину перед обществом. Хотя на самом деле он стал просто ненужным отработанным хламом в американской капиталистической системе. В вашей пенитенциарной системе главное – не наказание человека за преступление, не искупление долга перед обществом, а бесплатная работа во благо какого-то дяди. Вот и все. Есть все основные составляющие, а именно: труд в течение всей жизни за еду и место для сна в корыстных интересах конкретного человека, который покупает это право у государства за деньги. А вы говорите рабства нет.

– Но причем тут гетто?

– Это просто. Чем меньше человек получает возможностей для саморазвития, тем больше деградирует. Предоставьте ребенку скрипку – он начнет играть и сочинять. Дайте пистолет и иглу – станет убивать и принимать наркотики. Чем меньше в гетто возможностей для построения нормальной жизни, тем больше потенциальных преступников и, как след-

ствие, – рабов. Гетто – это своего рода инкубаторы американской бесплатной трудовой массы. Человек, рожденный там, сразу попадает в систему, из которой выбраться удастся единицам.

– Но в тюрьмах работают не только те, кто родился и воспитывался в гетто.

– Опять же посмотрите на статистику, – продолжал Юрий Георгиевич. – Америка – первая в мире страна по количеству заключенных. При этом девяносто процентов заключенных составляют афроамериканцы и латиносы. Белых всего десять процентов. Да, не все заключенные – выходцы из гетто. Но подавляющее большинство из них – из бедных штатов, маленьких городов, где нет нормального образования, работы. Гетто называют отдельные кварталы в крупных городах и их окрестностях. Но если взглянуть шире, в таких неблагополучных районах проживает пол-Америки.

– Я все же настаиваю, что заключенные, сколько бы лет они ни трудились, не могут считаться рабами, – возмутился доктор Пристон. – Дети заключенных – свободные люди. А раб и его ребенок остаются таковыми навсегда.

– Разумеется, Джек, нельзя говорить о классическом рабстве. Все же мы живем в двадцать первом веке, а не в семнадцатом. Но между американскими заключенными и рабами с плантаций очень много схожего. Разве рабам не могли дать вольную? Вполне, и я скажу вам более, что многим из них даровали свободу. Особенно на севере Штатов еще до гражданской войны. А освобождение из тюрьмы можно сравнить с этой же вольной.

– Рабов, которым даровали свободу, были единицы. Остальные, особенно на юге, оставались таковыми до самой смерти.

– Как и те, кто отбывает заключение сроком в сто и более лет. Или вы думаете, что у них есть шансы дожить до конца своего срока? – улыбнулся Юрий Георгиевич, наливая себе чай. – Кроме того, вспомните про Луизианское восстание две тысячи сорок первого года и его последствия.

– Это черное пятно в истории Америки, – согласился доктор Пристон.

– Джек, – спросил его Юрий Георгиевич, – а что вы подразумеваете под «черным пятном» – Луизианское восстание или Луизианское побоище?

– Само событие. Это было ужасно. Сколько людей понапрасну погибло, – посетовал доктор Аллон.

– Бил, говорите все как есть. Не просто погибло, а было безжалостно убито. Луизианское восстание две тысячи сорок первого года – не просто митинг, а крупнейший бунт афроамериканцев против несправедливости и неравенства, установившегося в Америке. Это был настоящий вызов сложившейся системе. И чем все закончилось? Вместо того, чтобы прислушаться к таким простым и понятным требованиям, как равенство, человеческое отношение, решение социальных проблем, и искать компромиссы, что сделали власти в Америке?

– Прибегли к помощи армии, чтобы разогнать демонстрантов...

– Собственных граждан, имеющих право говорить и быть услышанными. И их не просто разогнали, а уничтожили. Сколько человек тогда было убито, Бил?

– По данным, озвученным в СМИ, около трех тысяч.

– Три тысячи! – повторил Юрий Георгиевич. – Хотя я уверен, что число жертв гораздо больше. Так вот, за одну ночь расстреляли три тысячи афроамериканцев, которые просто хотели, чтобы с ними считались как с равными, что, как вы говорите, и так предусмотрено Конституцией США. И ответьте на вопрос: сколько представителей силовых структур были привлечены к ответственности и понесли наказание?

– Ни один, – сказал доктор Пристон.

– Ни один, – медленно повторил Юрий Георгиевич. – Видите, за убийство трех тысяч мирно митингующих афроамериканцев никто к ответственности привлечен не был. Уголовное дело было развалено. Насколько я помню, в Америке в рабовладельческий период убивать

невольников тоже можно было безнаказанно. Вот вам еще одна параллель. И вы продолжаете утверждать, что в Америке нет рабства. А что же это тогда?

– Вы сгущаете краски. Подобным образом можно описать любую страну.

– Ну опишите Россию. Только у вас не получится. Можете и не стараться. В России совершенно по-иному устроена пенитенциарная система. У нас более толерантно относятся к преступникам. Увы, чаще даже более снисходительно, чем к пострадавшим. Вы ни в одной картотеке дел не найдете, чтоб кому-нибудь дали сорок или более лет заключения. Труд заключенных оплачивается. И все доходы от их труда идут в государственную казну. В этом огромная разница, которую невозможно отрицать.

– Но ведь есть и более толерантные страны, та же Норвегия.

– Мы сейчас не сравниваем разные государства, не ищем, кто лучше, а кто хуже. Мы говорим про рабство в Америке. И отрицать его наличие в Штатах – это то же самое, что признаться в собственной слепоте. Рабство там есть, и в промышленных масштабах, – закончил Юрий Георгиевич.

– Что ж, Юрий. Не могу согласиться полностью с вашей позицией, – пожал плечами доктор Аллон. – Но бутылка коньяка с меня. Это пари за вами, но я жажду реванша.

– Вы поймите, дорогой друг, – поддержал коллегу доктор Пристон, – мы не хотим сказать, что Америка – идеальная страна. В ней есть много такого, чем гордиться нельзя. И там существует немало людей, которых хотелось бы забросить на какую-нибудь далекую необитаемую планету. Но в ней есть и много хорошо.

– Джек, вы мне тут уже час говорите, что в Америке много хорошего, но не привели ни одного примера.

– А природа? В Америке есть чудесные места.

– Природа и география стоят в стороне, так как не от человека зависит, где что окажется. Чудеса окружающего мира можно найти даже в самом варварском государстве, но прекраснее оно от этого не станет. Главный показатель – именно отношение власти к людям и людей к власти. Но оставим споры, это может продолжаться часами. Лучше объясните мне, если там так хорошо, как вы описываете, то почему вы работаете здесь, а не там, на благо Америке?

– Здесь больше платят, – улыбнулся доктор Пристон после секундного молчания.

Глава 28

Как только Юрий Георгиевич пришел к себе в офис, к нему тут же подошел молодой человек лет двадцати, одетый в черные костюм и сорочку. Профессор сразу понял, что это от Андрея Ивановича.

– Юрий Георгиевич, – сказал пришедший, – вас желает видеть Андрей Иванович.

– Конечно, я к нему сейчас зайду, только разберу кое-какие бумаги...

– Андрей Иванович желает видеть вас немедленно, – сказал молодой человек тоном, не оставляющим выбора. – Следуйте за мной.

«Их этому с юности учат. Сказал – как убил, – подумал про себя Юрий Георгиевич. – Да уж, разговорчик будет не из приятных. Не стоило мне отключать телефон на все выходные».

С этими мыслями профессор вслед за сотрудником аппарата администрации президента отправился на верхний этаж, где его ждал Котов Андрей Иванович.

– Садитесь, Юрий Георгиевич, – с порога приказал ему первый советник президента.

– Здравствуйте, я... – профессор хотел все объяснить, но Андрей Иванович оборвал его жестом. Наступила непродолжительная пауза, в течение которой советник президента пристально смотрел на профессора.

– Вы знаете, Юрий Георгиевич, сколько людей мне поручилось за вас? – начал он. – И кто они?

– Могу представить, – ответил Юрий Георгиевич, словно провинившийся ученик на приеме у директора.

– Можете. А что же вы тогда всех этих добропорядочных господ и дам подставляете? Или вам все равно, что по вашей вине этим людям могут меньше доверять в будущем?

– Конечно нет, Андрей Иванович... – снова жест оборвал речь профессора.

– Тогда объясните, по какой причине вы отсутствовали на сегодняшнем совещании?

– Сегодня было совещание? – удивился Юрий Георгиевич. – Я не знал, я бы ни за что его не пропустил.

– Разумеется, вы не знали. Вам об этом не сообщили. А все из-за того, что не смогли с вами связаться. Все выходные ваш телефон был отключен, а почту, видимо, вы не проверяете.

– Я отключил телефон. Мы с семьей ездили за город, – оправдывался Юрий Георгиевич.

– Как мило. Особенно это было бы мило, если бы тут выпускали плюшевые игрушки или подстилки для пикников. А я что-то подобного тут не вижу. А вы?

– Нет, но...

– Никаких но! – Андрей Иванович повысил голос. – Мы здесь не в игрушки играем. Это самый засекреченный объект на всей планете. Мы выполняем государственный приказ строжайшей конфиденциальности, от которого зависит будущее всех: мое, ваше, президента, да всех людей Земли. После того, как вы дали согласие на участие в проекте, всецело принадлежите государству, а не себе. И должны быть готовы по первому же звонку в любое время дня и ночи явиться куда вам скажут и делать то, что велят.

– Я не на это подписывался! – вспыхнул Юрий Георгиевич. – У меня есть семья!

– Тихо! – тем же повышенным металлическим тоном оборвал его Андрей Иванович. – В сложившейся ситуации семья вторична. Главное, что имеет значение, – это проект. Все остальное не должно мешать выполнению вашей задачи – построению корабля по заданным параметрам. Вы даже не представляете, что от этого зависит!

– Я так не могу. Мне нужно уделять время и семье. Я и так вынужден от жены все скрывать. Не заставляйте меня делать выбор.

– Юрий Георгиевич, – тон Андрея Ивановича смягчился, – а выбора уже никакого нет. Он был. И вы его сделали. Два месяца назад, в институте, когда открыли желтую папку. Именно

в тот момент вы решили свою судьбу. Вы могли отказаться, но научное любопытство и живой интерес взяли верх. И папку вы открыли, будучи предупрежденным обо всех последствиях этого шага. И я что-то не помню, чтобы вы просили время для того, чтобы посоветоваться с семьей. Теперь выбора у вас никакого нет. Только одно – подчинение и исполнение своих обязанностей. До победного конца. А после этого вы сможете вдоволь проводить время со своей семьей. Сейчас же для вас должна существовать только работа.

– А если я откажусь?

– Откажетесь? – удивленно спросил Андрей Иванович. – Вы не сделаете этого, потому что не из тех, кто вот так берет и выкидывает свое будущее на помойку. Вам нравится то, что делаете. Вы любите творить, создавать. А где найдете больше возможностей для этого, чем здесь? И вы прекрасно понимаете, что данный проект – самое важное событие в карьере. Люди вашей натуры держатся даже за самую тонкую соломинку, пусть даже и с острыми шипами, если она соединяет их с мечтами, идеалами, устоями. При этом вы не обращаете внимания на окружающих людей. Для вас главное – это воплощение идей и идеалов в жизнь.

– Неправда, я не такой.

– Такой, Юрий Георгиевич, просто вы этого еще не поняли. Но на всякий случай я вам все же разьясню последствия шага, на который вы хотите решиться сгоряча. Из этого проекта можно устраниваться двумя способами. Первый – выполнить все поставленные перед вами задачи.

– А второй?

– Сомневаюсь, что вы хотите о нем узнать.

– Позвольте это решать мне.

– Будь по-вашему. Второй способ – потеря трудоспособности. Поскольку вы работаете интеллектуально, то в вашем случае – это лишение головы. Вам все понятно?

– Яснее некуда, – сказал Юрий Георгиевич. Он только сейчас начал понимать, во что ввязался. И если до этой поры профессор видел во всем проекте только научный интерес, то сейчас он предстал перед ним в новых красках – окрашенный в темные тона. Он понял, что просто так его не отпустят, о чем ему только что убедительно дал понять Андрей Иванович. – Я могу идти?

– Да, вы можете вернуться к своим обязанностям. Поскольку вас не было сегодня на совещании, довожу до вашего сведения, что завтра вы со мной и профессором Зельциным уезжаете на два дня.

– Как на пару дней? У моего сына будет игра. Я обещал, что приду.

– Значит, скажите, что не получится. Не стоит начинать наш разговор сначала.

– Опять секреты от семьи? Сколько так можно?! Мне все запрещено! Что, по-вашему, мне говорить жене?

– Скажите, что вас отправляют в другой город для обмена опытом между институтами. Или что-либо иное. Все, что угодно, кроме правды, – спокойным голосом ответил Андрей Иванович, словно речь шла о каком-то пустяке.

– А куда мы едем?

– Вы все узнаете в свое время. А теперь можете идти. И последнее, Юрий Георгиевич, так сказать, совет на будущее. Не разочаруйте меня. Не стоит этого делать.

Юрий Георгиевич в бешенстве вышел из кабинета Андрея Ивановича. Все внутри у него горело огнем. Он хотел тут же пойти к себе, собрать все вещи и бежать как можно дальше отсюда. И в сущее негодование его приводило то, что сделать этого он не мог.

Профессор всегда старался быть независимым от работы человеком. Он любил то, чем занимается, его деятельность доставляла ему удовольствие. Но Юрий Георгиевич всегда предпочитал думать, что стоит ему только захотеть, он сможет взять отпуск и уехать куда-нибудь

с семьей или просто провести время дома. Он считал, что в отношениях с работой занимает главенствующую позицию.

Сейчас же Андрей Иванович недвусмысленно дал ему понять, что профессор сам себе не хозяин, что над ним есть работодатель, который волен распоряжаться его судьбой. А Юрию Георгиевичу остается только слепо подчиняться. Даже если из-за этого пострадают его отношения с женой.

Профессор зашел в кафетерий и попросил стакан холодной воды – от негодования его бросило в жар. Юрий Георгиевич пытался понять, когда же все так изменилось. Вот он студент, практикант, аспирант, наконец, доктор. После работает в институте, всегда веселый, жизнерадостный. Изобретает, преподает, становится профессором. И тут он – подневольный работник, беспрекословно выполняющий приказы сверху. Когда он из свободного молодого человека превратился в невольника средних лет? В какой момент работа взяла верх над ним?

Раньше ему все удавалось совмещать. Теперь же страдает либо семья, либо его научная деятельность. Неужели Михаил Петрович был прав, говоря о том, что истинному ученому невозможно совмещать работу и дом, брак? Неужели нужно делать выбор?

Профессор был так поглощен своими размышлениями, что не заметил, как к нему подошла Елизавета Денисовна.

Этой женщине, инженеру космостроения и доктору физических наук, недавно исполнилось тридцать два года. Она так же, как и Юрий Георгиевич, входила в группу профессора Зельцина. В последнее время между ними сложились теплые дружеские отношения.

– Привет, Юра. Неприятный разговор с Котовым? – поинтересовалась она, кладя руку на его плечо.

Юрий Георгиевич не сразу ощутил касание и не сразу понял, что обращались именно к нему. Словно пробуждаясь ото сна, он ответил:

– Привет. Даже не представляешь, насколько неприятный. Отчитал меня, как провинившегося мальчишку.

– Я сама Котова как огня боюсь. Стороной обхожу его, если в коридоре замечу. Такое ощущение, что он прямо в душу смотрит и знает все, о чем я думаю. От одного взгляда мурашки по коже. Зря ты пропустил сегодняшнее совещание. Котов был зол. Хотя по нему практически невозможно сказать, что он чувствует и способен ли на это вообще. А почему ты не пришел?

– Я с Мариной и детьми уезжал на выходные за город. Чтобы никто не беспокоил, отключил телефон.

– Это ты, конечно, зря. Всех в субботу оповестили о совещании. Что тебе Котов сказал?

– Сообщил, что завтра я с ним и Зельциным уезжаю куда-то на несколько дней. Он на совещании про это не говорил?

– Про поездку ничего. Интересно, куда это?

– Надеюсь, не в тюрьму, – иронично улыбнулся Юрий Георгиевич.

– Не переживай, Юра, все обойдется, – успокаивающе погладила его по руке Елизавета Денисовна. – Может, к начальству поедете. Он на совещании говорил, что руководство требует отчета о ходе строительства и подготовке корабля к старту.

– Уж лучше в тюрьму, чем к начальству Котова, – усмехнулся профессор.

– Ну вот, ты уже улыбаешься. Ко всему нужно относиться с позитивом.

– Не на все можно смотреть через розовые очки, Лиза. Не во всех вещах есть позитивные стороны. И кому как не тебе это знать. Что-то тут творится странное, нехорошее. Нутром чувствую что-то неладное. Сегодня у меня как пелена с глаз спала.

– Что ты имеешь в виду?

– Пока и сам не знаю. Поживем – увидим. Просто будь аккуратней.

– Обещаю, буду смотреть в оба, – улыбнулась Елизавета Денисовна. – Теперь расскажи, как отдохнул на выходных.

– Время провели великолепно. Но сегодняшнее утро все перечеркнуло. До сих пор отойти не могу.

– Выброси это из головы. Как бы ты ни переживал, все равно уже не изменишь факт, что сегодня не пришел на совещание. Так что зачем переживать о том, что уже изменить нельзя. Просто не думай об этом.

– Тебе легко говорить, а мне вот завтра с ним ехать непонятно куда. А я даже в глаза не могу ему смотреть.

– А ты очки солнечные надень. С зеркальными стеклами. Пусть сам на себя смотрит. Может, окаменеет, как Медуза Горгона.

– Спасибо тебе, – обнял Юрий Георгиевич Елизавету Денисовну. – Разговор с тобой меня всегда успокаивает. Ладно, пойду я. Надо наверстывать упущенное время. Дел много.

Глава 29

– Доложите генералу Париосту, что прибыл гонец из крепости Розенбург, – крикнул Максим на подходе к проходной военной администрации города Тарнара.

После получения приказа от Капитана он сразу же отправился в город за подкреплением. Максим пытался добраться до Тарнары как можно быстрее, в связи с чем не жалел ни себя, ни свою лошадь. Весь в пыли, с взлохмаченными волосами и потрескавшимися от жажды губами, после безостановочной езды он наконец прибыл в город.

– Куда прешь, солдат? – огрызнулся на Максима постовой. – В таком виде тебе только под мостом наргон пить, а не на прием к генералу идти. А ну пошел вон отсюда.

– Ты как со старшим по званию разговариваешь?! – вспыхнул Максим. – Быстро доложи о моем прибытии генералу! Иначе дорого заплатишь за нарушение воинской дисциплины.

В этот момент к проходной подошел начальник караула:

– Что тут происходит?

– Да вот, сержант пытается к генералу пройти, – доложил постовой. – Еще угрожает.

– Боец, это что за вид? Ты представляешь отечественную гвардию или притон пьяниц?

– Лейтенант, – обратился к нему Максим, – я только что прибыл из крепости Розенбург с посланием для генерала Париоста. У меня приказ от Капитана. И я должен лично донести его до генерала. Любое промедление грозит огромной бедой и, как следствие, большими проблемами для тех, кто препятствовал мне передать послание.

– Генерал Париост сейчас на совещании, так что приходи позже, тогда, может, тебя и примут, – невозмутимо ответил лейтенант. – Можешь подождать вон там часа два-три, – он указал на трактир, стоящий неподалеку. – А пока приведи себя в порядок.

– Слушай меня внимательно, баран, – Максим бросился на лейтенанта и, схватив его за шиворот, прижал к стене, – речь идет о национальной безопасности. И если ты настолько тупой, обойдусь без твоей помощи. А если попытаешься мне помешать, пристрелю тебя как бешеного зверя.

С этими словами Максим откинул обмякшее тело лейтенанта в сторону, оттолкнул постового и побежал внутрь военной администрации. Крайне удивленный караул бросился за ним, вызывая по рации подкрепление.

Не успел Максим добраться до лестницы, ведущей на верхние этажи, как навстречу ему выбежали четверо солдат с оружием.

– Стоять! Немедленно лечь на пол лицом вниз, руки за голову! – крикнул один из них.

Подоспевший лейтенант ударил Максима кулаком в спину и повалил на пол.

– Ну попал ты, боец. За нападение на офицера минимум месяц исправительных работ получишь.

– Что здесь происходит? – вдруг раздался голос.

– Отец Петри! – радостно воскликнул Максим, узнав старейшину. – Помогите мне!

– Максим? Это ты? – удивился отец Петри. – Что с тобой произошло? А ну-ка, быстро его отпустили и помогли подняться.

– Уважаемый старейшина, – обратился к нему лейтенант, – этот человек грубым образом нарушил воинскую дисциплину. Он пришел в неопрятном виде, напал на караул и попытался прорваться к генералу Париосту. Его надо на исправительные работы отправить.

– Сейчас мы разберемся, – спокойно ответил отец Петри. – Максима я знаю. Это один из храбрейших защитников Бенгалии. Что произошло, сержант?

– Уважаемый отец Петри, дело очень серьезное, – начал Максим. – У меня приказ от Капитана. Он мне велел передать послание лично генералу Париосту. Вам, разумеется, я тоже могу обо всем поведать, но только наедине.

- О чем это послание? О Дмитрие? – насторожился старейшина.
- Нет, хотя и его это может затронуть. Речь идет о национальной безопасности.
- Лейтенант, – обратился к офицеру отец Петри, – тебе сержант говорил, что у него приказ от Капитана?
- Да, сказал, но...
- И он предупреждал тебя, что речь идет о национальной безопасности?
- Да, но...
- И ты немедленно не уведомил об этом генерала?
- Нет, но...
- Две недели ареста, – тем же невозмутимым голосом произнес старейшина. – Думаю, за это время ты сможешь восполнить пробелы в знании основ службы. Сержант, – обратился отец Петри к одному из солдат, – возглавишь караул, проследи, чтобы лейтенанта проводили в арестный дом, но сначала немедленно доложи о нас генералу.

* * *

В кабинете генерала Париоста собралось пять человек: Максим, отец Петри со своим помощником Константином, сам генерал и его первый заместитель полковник Варнавар.

– Положение очень серьезное, – говорил Максим. – У Чертовой поляны замечены геты. Войско они собрали не просто для набега. Там целая армия. К тому же есть таранное оборудование. Поэтому Капитан посчитал, что они собираются атаковать Розенбург.

– С чего бы это? – удивился полковник Варнавар. – Они давно не осмеливались на подобные шаги. Да и почему на Розенбург? Там нет ничего ценного, чем геты могли бы поживиться.

– Все это неспроста, – задумчиво произнес Константин. – Через Розенбург проходит дорога на Тарнару.

– Нападать на Тарнару – это самоубийство, – заявил полковник. – Геты ни за что на это не решатся. Им и всей армии не хватит, чтобы добраться хотя бы до центра города.

– Значит, в Розенбурге есть что-то другое, что привлекло гетов именно сейчас, – сказал Константин.

– Я тоже об этом подумал, – согласился отец Петри. – Но откуда им знать про Дмитрия и корабль? И какой интерес у этих варваров может быть к ним? Все же тут должно быть что-то другое.

– Какая бы ни была причина, – нарушил молчание генерал Париост, – мы должны защитить крепость, а также разбить гетов. Потом уже можно будет выяснять цели их прихода к нашим границам. Сколько их, Максим?

– Полков пять или шесть. Точно сказать невозможно. У них действует передовой отряд, который выслеживает наших разведчиков. Потому и не удалось о них узнать раньше. Четверо разведчиков, патрулировавших земли с юга, были убиты. О приближении гетов сообщили Марк и Денис.

– Значит, у гетов преимущество в один день, – проговорил полковник Варнавар. – Даже если мы соберем войско в максимально сжатые сроки, то все равно не успеем в Розенбург раньше врагов.

– Что с обороной крепости, сержант? – поинтересовался генерал.

– Не все так идеально, как хотелось бы. Около двухсот солдат будут защищать Розенбург. Остальные отправятся сопровождать гражданских в город. Стрелкового оружия и боеприпасов достаточно. А вот тяжелой оборонительной техники практически нет.

– Почему? Кто отвечал за снабжение крепости?

– Василий. Но в последнее время были поступления только атакующего снаряжения. В течение уже нескольких лет геты даже не помышляли о нападении на крепости или города.

– Пусть этот Василий пойдет и скажет врагам, что они не могут нападать на Розенбург, так как не делали этого уже несколько лет. Черт возьми, – ударил кулаком по столу генерал. – Как все закончится, отстраню его от должности.

– Капитан отказался покидать крепость? – спросил отец Петри.

– Он сказал, что будет оборонять Розенбург до последнего патрона.

– Это на него похоже. А что с Дмитрием?

– Капитан приказал доставить его в город вместе с гражданскими. Правда, есть одна проблема.

– Какая?

– Отряд врагов человек в сто пытается зайти с севера через западные тропы и отрезать путь к отступлению.

– Что-то не так с этими гетами. Они словно поумнели, – произнес Константин.

– Капитан то же самое сказал.

– Надо немедленно отправлять передовой отряд для помощи гражданским, – сказал генерал Париост. – Варнавар, ты его возглавишь. Возьми человек двести. Дай им легкое оружие и немедленно выдвигайся в путь. Как встретите гражданских, сопровождайте их до города. Я же подготовлю основное войско и выдвинусь с ним в Розенбург.

– Будем надеяться, Капитан сможет продержаться до нашего прибытия. Константин, – обратился к помощнику отец Петри, – ты отправишься вместе с полковником. Твоя непосредственная задача – найти Дмитрия и целым и невредимым доставить его в город. Максим тебе в этом поможет.

Глава 30

– Стоять! – скомандовал полковник Варнавар.

Его взгляду предстала ужасающая картина: небольшая поляна среди густых лесов, освещенная лучами солнца, где весело щебетали птицы, была вся залита кровью. С немой мольбой в стеклянных глазах повсюду лежали растерзанные тела бенгальцев. Женщины, старики, дети были беспорядочно разбросаны по дороге, кустам, глубине леса.

Полковник Варнавар издал непроизвольный вопль. Его лицо перекошилось от злости, в то время как в глазах читались боль и отчаяние. Зрелище было настолько устрашающим среди чистоты и невинности природы, что даже бывалые солдаты отворачивали головы в стороны.

– Не успели, – сказал один из помощников Варнава.

– Как же так? Неужели все погибли? – прошептал другой.

– Может, кто-нибудь остался в живых, надо проверить, – обратился словно сам к себе полковник Варнавар. – Солдаты, слушайте приказ. Немедленно обойти всех. Посмотрите, может кто-то еще жив.

– Максим, ты же знаешь, как выглядит Дмитрий? – побледневший Константин спросил дрожащим голосом.

– Конечно.

– Тогда иди ищи и скажи мне, что тут его нет.

Солдаты спешили и начали обходить поляну с надеждой найти хоть кого-то живым. Солнце поднималось все выше над горизонтом, посылая все более разгоряченные лучи. Легкий ветерок слегка колыхал листья деревьев. Птичий хор не умолкал в гуще леса. И среди всей этой красоты воины отечественной гвардии были вынуждены ступать по земле, побагровевшей от крови, лавируя между множеством безжизненных тел.

К каждому бенгальцу солдаты подходили затаив дыхание, пытаясь прощупать пульс или заметить дыхание. Когда же попадалось тело убитого гета, его просто отшвыривали в сторону. Некоторые особо впечатлительные солдаты вонзали по несколько раз ножи в трупы врагов, пытаясь выместить таким образом негодование и злость.

Понемногу тела бенгальцев относили к краю леса и аккуратно складывали вдоль дороги. Выживших не было.

Максим переходил от одного убитого к другому. Но Дмитрия в них он не узнавал.

«Может, он и другие успели спастись в лесу или вернуться в крепость?» – подумал про себя сержант.

Обойдя всех найденных, он вернулся к Константину:

– Его нет. По крайней мере среди тех, кого удалось обнаружить.

– Значит, надежда жива. Полковник Варнавар, – обратился Константин к начальнику отряда, – надо выдвигаться в крепость. Здесь нам помочь уже некому, а там, возможно, еще остались те, кто очень в нас нуждается.

– Лейтенант, больше никого не видно?

– Сказать сложно, есть ли где-то еще кто-нибудь. Лес тут густой, может, кто-то и скрылся в его гуще. Но на беглый взгляд собрали всех.

– Значит, выдвигаемся.

После часа поисков отряд отправился дальше в сторону Розенборга.

Добравшись до крепости, полковник Варнавар обнаружил, что она пуста. Ее защитники, по всей видимости, пали смертью героев, а те, кто Розенбург осаждал, покинули эту территорию несколько часов назад. Остатки деревянных построек еще тлели после ночного пожара. Большинство зданий были полностью разрушены, остальные – частично повреждены.

Что удивило полковника и его помощников – так это то, что оставшиеся в более или менее целом состоянии дома не были разграблены. Двери так и остались заколоченными, ставни – закрытыми.

– Зачем они нападали? – задал вопрос Максим. – Неужели это месть за поражение под горой Туанэ?

– Нет, это не может быть месть. Слишком большая армия, чтобы взять одну крепость, и слишком маленькая, чтобы продвигаться дальше. В этом нет смысла.

– Возможно, геты пришли за другим. И для того, чтобы быть уверенным в том, что они это смогут забрать, и была взята целая армия на одну крепость. Геты не хотели рисковать. Где ангар? – спросил Константин.

– С другой стороны от центральной площади, – показал рукой Максим.

Константин быстрыми шагами пошел в ту сторону. Полковник Варнавар, отдав несколько приказов, со своими проверенными людьми устремился за ним.

– Где корабль, Максим? – обратился к нему помощник отца Петри, добравшись до того, что когда-то было ангаром. – Ты говорил, что летательный аппарат вы держали здесь.

– Да. Он находился здесь с того самого дня, как его привезли в крепость. Не представляю, куда его могли переставить.

– Значит, опасения подтверждаются. Его не переставляли. Корабль забрали. Кто-то еще, неизвестный нам, заинтересован в Дмитрии и в том, на чем он прилетел.

– Геты?

– Не думаю, хотя утверждать не могу. Но геты слишком тупые для этого. Возможно, кто-то использует их как живую силу. Надо найти Дмитрия и Капитана. Разузнать, что произошло, и уведомить отца Петри о потере корабля.

– Живой, сукин сын! – радостно воскликнул полковник Варнавар, подходя к разрушенному ангару.

– Кто живой? – удивился Константин.

– Капитан. Он жив.

– Где он? Вы его видите? – заволновался Максим.

– Нет, но об этом нетрудно догадаться, – продолжал радоваться полковник Варнавар. – Посмотрите на ангар, Константин.

– Судя по внешнему виду здания, вряд ли кто-нибудь смог выжить.

– Сразу видно, что вы не военный человек. Скажите, сержант, а вы что-нибудь замечаете?

– Последствия разрушения ангара немного отличаются от тех, что мы видим в других зданиях.

– Все правильно. Посмотрите внимательно, Константин, – показал полковник Варнавар, – все строения в крепости разрушены от попадания снарядов снаружи. Это видно по характерным признакам. А вот ангар был взорван изнутри.

– Как изнутри?

– Вот так. Капитан с теми, кто остался в живых, взорвал его изнутри.

– Но зачем? – изумился Максим. – Это же самоубийство.

– Вы правильно подмечаете, сержант. Точно так же должны были подумать и геты. Потому что ни вы, ни они не знают о подземном туннеле, ведущем из ангара на юг.

– Туннеле?

– Да. Он был прорыт при строительстве крепости. О нем знали единицы из высшего военного руководства, а также начальники крепости.

– Значит, Капитан жив? – задумался Константин. – Зная его, можно смело утверждать, что Дмитрий с ним. Надо их найти. Где вход в туннель?

– А вот найти его будет сложно. Капитан взорвал вход. Но, скорее всего, дождавшись отступления гетов, он сам вернется в крепость через западные тропы.

– Полковник Варнавар, вам надо на это взглянуть, – обратился к начальнику подошедший солдат.

– В чем дело?

– Лес горит.

Полковник взбежал на остатки южной стены. В нос ударил едкий запах горячей древесины. Южный горизонт был скрыт в густом черном дыме, весь лес горел бушующим пламенем.

– Капитан сможет обойти огонь? – спросил Константин.

– Это зависит от того, насколько далеко на запад распространилось пламя. Но, судя по всему, обойти пожар не получится. Надо искать туннель. Лейтенант, – обратился полковник Варнавар к одному из помощников, – бери солдат и начинайте копать под ангаром и на юг. Найдите туннель.

– Полковник Варнавар, – спросил Максим, – как вы думаете, геты подожгли лес?

– Не могу понять, что происходит. Это то же самое, словно бы звери начали есть вилок и ножом, сидя за столом. Напали геты, но ведут себя они совсем по-другому.

– Теперь как минимум мы знаем, зачем они приходили с такой армией и почему крепость не разграблена. Им нужны были Дмитрий и корабль.

– Но зачем?

– Надеюсь, что рано или поздно мы об этом узнаем. Полковник Варнавар, – произнес Константин, – необходимо во что бы то ни стало раскопать туннель и немедленно отправиться на поиски Капитана. Отец Петри приказал разыскать Дмитрия и без него не возвращаться.

– Мы найдем вход, не переживайте. Вы и Максим отправитесь за Капитаном. В помощь я дам вам пятьдесят солдат. Я же должен дожидаться генерала Париоста.

Глава 31

Небольшой отряд, покинувший крепость Розенбург, расположился в туннеле около противоположного выхода. Поскольку все были сильно измучены битвой, а некоторым требовалась медицинская помощь, Капитан решил дожидаться раннего утра, не поднимаясь наружу. А как только начнет светать, планировалось выбраться из туннеля и через западные тропы, обогнув гетов, дойти до Тарнары.

– Как самочувствие? – спросила Дмитрия звонким голосом молодая девушка, присаживаясь рядом с ним. – Есть ранения?

Это была двадцатидвухлетняя медсестра крепости Розенбург в звании сержанта, с большим опытом службы. Дмитрий много раз ее видел, сидя у окна в комнате и наблюдая за происходящим в крепости. Но ни разу с ней не общался.

– Эй, ты меня слышишь? – переспросила она. – У тебя есть ранения?

– Как вы можете так жить? Да и разве можно назвать это жизнью? Какая-то глупость! Вы убиваете себе подобных! Друг друга! Сами себя! Зачем? Я не понимаю, – выпалил ей в ответ Дмитрий. – Ведь это же полный абсурд. Зачем причинять столько боли и страданий, ведь всегда обо всем можно договориться.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, – пожалела его медсестра.

– Понимаешь?

– Да, можешь себе представить. Когда-то давно и я задавалась такими вопросами.

– Разве в вашем обществе есть люди, способные ценить человеческую жизнь? – усомнился в ее словах Дмитрий.

– Видишь ли, моих родителей убили, когда я была еще совсем маленькой. Мы тогда жили на западе Бенгалии. На деревню напали. Мама и папа спрятали меня под печкой в доме. А сами погибли на моих глазах. Я тогда тоже спрашивала себя: ради чего их убили? Что такого они сделали, что заслужили смерть?

– И тебе удалось найти ответ?

– Позже, взрослея, я поняла очень важную вещь.

– Какую?

– Что моих родителей убили просто так. Без какой-либо конкретной цели или причины. Просто убили, потому что они оказались не в том месте и не в то время на пути у тех людей.

– И что это значит?

– А то, что люди убивают друг друга в силу своей природы. И не стоит искать причины их поведения.

– Убийство не присуще...

– Подожди, не перебивай. Я слышала о твоём мнении о всеобщих благоденствии, вселенской справедливости, умиротворении и тому подобном. Но послушай, что я скажу. Конечно, не каждый человек убийца. Слава Богу, есть здравомыслящие добрые люди. Но в той или иной степени любой человек готов убить. Один из алчности, другой из зависти, а третий просто из желания убивать. Некоторые могут убить из желания защитить близкого, родного человека. Кто-то будет лишать человека жизни из желания защитить государство. Конечно, я назвала разные причины, но это все убийства. И человек способен на них просто потому что он хищник. Вот взять, к примеру, козу. Она травоядная и убить не способна никого. Даже если случайно раздавит кого-то, то даже не поймет, что сделала. А если посмотреть на волков, то они спокойно вгрызаются в горло козе и не задумываются о том, хорошо это или плохо. Просто нападают, потому что она оказалась не в то время не в том месте, а животные хотели есть. Так же и люди все – хищники, как и волки, по своей натуре. Просто у них разные интересы. У волков – кусок мяса, а у человека это может быть и еда, и золото, и все, что угодно.

– Но а как же разум? – спросил Дмитрий.

– Увы, разум не всегда берет верх над рефлексам. У человека он есть сравнительно недавно, всего несколько десятков веков. А рефлексы вырабатывались сотнями тысяч лет. И когда человека одолевают страсти, желания, то главными всегда становятся рефлексы, задвигая разум на задний план. А есть просто безмозглые существа, – улыбнулась Дмитрию сержант, – которые вроде бы и люди, но тупее животных.

– Ты хочешь сказать, что человек не всегда может контролировать свои эмоции?

– Конечно. Есть чувства, которые мы не можем контролировать. Страх, ревность, гордость, зависть порой заставляют человека забыть о разумности. И тогда он становится животным, а точнее, хищником – агрессивным, жестоким.

– У меня на родине с детства учат контролировать все эмоции. Это основная доктрина Порядка: разум превыше всего.

– А другие народы тоже учат это?

– У нас на планете он один и представляет собой государство.

– А у нас народов много, каждый из которых сам по себе. И не все готовы жить в мире. Потому нас с детства учат выживать и защищать родных, государство от врагов.

– Тяжело так существовать.

– Нормально, если не знаешь альтернативы. Ко всему привыкаешь.

– Я никогда не думал об этом с такой точки зрения. На родной планете нас учили, что люди действуют только разумом; что чувства, эмоции и рефлекс второстепенны. Поэтому человек совершает всегда только обдуманные поступки, а значит, не может убить себе подобного или вообще доставить ему хоть какое-нибудь неудобство. Прежде чем что-либо сделать, он всегда на уровне рефлекса думает, не будет ли от этого плохо кому-нибудь другому. И уже только потом совершает поступок. Также у нас нет врагов, от которых надо было бы защищать государство. Даже слово такое неизвестно.

– Хотела бы и я пожить в этом обществе.

– Я думал, здесь и есть такой социум, – ответил Дмитрий. – Но что-то произошло на Земле, что все изменилось.

– Круто изменилось, не правда ли? От идеального общества без насилия, злости и боли до варварских времен, – засмеялась медсестра. – Кстати, мы с тобой еще не познакомились лично. Я Линелия.

– Очень красивое имя. А я Дмитрий.

– Это мне известно. Тебя тут все знают, – улыбнулась Линелия. – Ну что, Дмитрий, есть ранения?

– Вроде бы нет. На мне не моя кровь, а одного из ваших солдат. Он упал на меня, когда его застрелили. А так только голова болит немного. И пить хочется.

– Ну, головную боль придется потерпеть, а воды попроси у Тери.

– Спасибо тебе за заботу, – посмотрел на Линелию Дмитрий, когда она собралась идти дальше.

– Забота – это моя служба.

«Странно, неужели все вот так просто. Если хищник, значит, может убить», – подумал Дмитрий после ухода медсестры. Впервые он задумался о том, насколько не присуще человеку желание лишить жизни другого. Такая мысль возникла у него то ли от пережитого за последний день, то ли от звонкого нежного голоса Линелии и тона, которым она говорила о неслыханных и невозможных для него вещах. Насколько оправдано убийство одного человека ради того, чтобы спасти другого. Как можно оценить жизнь разных людей и кто вправе делать это? Как выяснить, кто прав, а кто нет и кто достоин жить, а кто – умереть?

– Дмитрий, ты как, оклемался? – спросил подошедший Капитан.

– Несладко пришлось твоей сущности, отрицающей любое насилие, – усмехнулся Фрэнк.

– Ничего, переживу.

– Конечно, переживешь. От волнений только с ума сходили, но не умирали. Послушай, мне не дает покоя одна мысль, – продолжал Капитан. – Если то, что ты сказал нам, правда, хотя у меня есть сомнения по этому поводу, то кто может здесь знать о твоём прилете? Кому ты вез груз? И не связано ли внезапное нападение гетов на крепость с этим? Ведь их поведение разительно отличалось от того, что было раньше. Значит, ими кто-то руководил или, по крайней мере, помогал им. И возможно, это те люди, которые ждали тебя.

– Мне ничего не известно, – взмолился Дмитрий. – Я говорю правду, Порядок мне свидетель.

– Не знаю я твоего Порядка, так что и спросить с него ничего не могу, – сказал Фрэнк. – Ты лучше рассказывай, где приземлиться должен был.

– У меня в компьютере было запрограммировано. Но после первой атаки на орбите данные были повреждены.

– Денис, – обратился Капитан к разведчику, – дай карту Бенгалии. Сможешь найти место по памяти? – спросил он Дмитрия.

– Смогу.

На земле быстро развернули карту Бенгалии с близлежащими к государству землями, которую Денис всегда носил с собой. Она была сильно потрепанной, не лучшего качества, но с достаточно хорошей детализацией объектов и четкими границами.

– Ну что, узнаешь что-нибудь похожее?

Дмитрий осмотрел всю карту, изучил разметки, нанесенные на нее, после чего сказал:

– Здесь этого места нет.

– Как нет?

– Эта карта слишком мала. Предполагаемое место встречи, если брать в расчеты масштабы вашей карты, – тут Дмитрий сделал несколько шагов вправо и вверх, – где-то здесь, – с этими словами Дмитрий сапогом выкопал небольшое углубление в земле.

– Ты, наверное, шутишь! – воскликнул Фрэнк. – Как же ты оказался тут, если должен был приземлиться в такой дали?

– Это на поверхности Земли большое расстояние, – пояснил Дмитрий, – а в космосе такая разница в угле входа в атмосферу равна всего нескольким градусам.

– Что там может быть? – спросил Марка Капитан.

– Понятия не имею. У нас нет данных о том, чтобы кто-нибудь так далеко забирался. Походы в ту степь мы не устраивали, поэтому представление об этих землях у нас только общего характера. Там снег, да и только. Может, кто-нибудь и ходил туда, но это частники. Их не разыскать.

– Дмитрий, а тебе что-нибудь известно об этой местности?

– Конечно.

– Как так?

– Хоть рельеф Земли изменился относительно того, что изучаем мы, но все равно очертания остались прежними. И я прекрасно знаю, что и где находится.

– Так что там такое?

– Восточная Сибирь. Тайга.

– Восточная Сибирь? Тайга? – удивился Капитан. – Никогда о подобном ничего не слышал.

– Возможно, мы называем это по-иному, – сказал Денис. – Там могут быть безлюдные земли, покрытые вечной мерзлотой. Климат в тех краях настолько суров, что сложно представить, чтобы там кто-либо мог жить. Нам нужно в столицу, в центральную карт-канцелярию. Возможно, в ней сохранились какие-нибудь записи о первопроходцах прошлых лет, кто бы мог зайти так далеко.

– Как видно, не такая уж там и безлюдная земля, – произнес Фрэнк, – если нашего гостя там с таким нетерпением ждали, что даже пришли за ним сюда.

– Есть один человек, который смог бы нам помочь, – задумался Капитан.

– Кто?

– Знаю я одного старого вояку. Был хорошим другом моего отца. Он давно уже на пенсии и, как мне известно, живет один где-то в лесах на юго-востоке Бенгалии. Если ему неизвестно про эти земли, то никто другой нам и подавно не поможет. Надо найти Тиграна.

– Ты хочешь отправиться туда сейчас? – спросил Фрэнк. – Нам же в город надо.

– Разумеется, сначала в город. Оставим Дмитрия, наберем людей. Расскажем все, что удалось выяснить отцу Петри. А потом, если он даст добро, навестим старого друга. Не нравится мне вся эта история. Надо узнать, кто может находиться в тех землях, о которых говорит Дмитрий, что им надо и, главное, для чего им оружие.

Глава 32

Наступил рассвет. Капитан приказал всем готовиться к выступлению.

– Действовать крайне осторожно. Так как мы не знаем наверняка, покинули геты Розенборг или нет, то они могут быть повсюду. Поход предстоит не из легких.

Фрэнк и Мэт направились открывать дверь, ведущую наружу. Поскольку туннелем давно никто не пользовался, засовы заржавели. Поэтому пришлось приложить немало усилий, прежде чем замки поддались. Раздался скрежет металлических шарниров, которые в тишине показались раскатами грома. Все притаились, но снаружи не раздалось ни звука.

Как только дверь отворили, внутрь туннеля стал просачиваться едкий дым, принося с собой запах горелой древесины.

– Какого черта, – возмутился Фрэнк.

Денис быстро выбежал наружу. Поскольку только начало светать, слабые солнечные лучи с трудом пробивались через густо растущие деревья с их обширными кронами. Однако с севера лес сильно контрастировал даже с его восточной стороной. Она была гораздо светлее. Оттуда раздавался характерный треск пожара.

– Лес горит, – крикнул в туннель Денис. – Эти твари подожгли его.

– Значит, они отступили из крепости. Иначе не было бы никакого смысла поджигать деревья. Это хорошая новость, – ответил подошедший Капитан. – Мы успеем дойти до тропы?

– Новость хорошая, да не очень. Лес сухой, даже несмотря на вчерашнюю грозу. Так что огонь распространяется быстро. Судя по светлой полосе на севере, пожар уже охватил обширные участки как на восток, так и на запад. Мы рискуем не успеть дойти до западной тропы и обогнуть по ней пожар. А если огонь достигнет нас там, то мы обречены. Тропа узкая и довольно вязкая. По бокам от нее непроходимые заросли.

– Что предлагаешь?

– У нас только один путь – на юг, – ответил Денис. – И надо выдвигаться как можно скорее, иначе отравимся угарным газом раньше, чем наши тела спалит огонь.

– То есть в самое сердце врага? За пределы Бенгалии? – удивился Капитан.

– Мне это и самому не по душе. Но это наш единственный шанс. Пытаться обойти пожар со стороны слишком рискованно. Если не успеем, то мы точно погибнем. А так можно попробовать дойти до поселения маркон. У нас с ними хорошие отношения. Они нам помогут.

– Марконы должны быть сейчас в селении. Время охоты еще не пришло. У них можно будет найти поддержку. Хорошо, пойдем на юг, – согласился Капитан. – Главное, не нарваться на гетов. Какими бы трусами они ни были, но двенадцать человек против армии не устоят.

Капитан обвел взглядом северную часть леса. Треск пожара постепенно нарастал, и уже можно было различить отдельные языки пламени. Дыма становилось все больше, а дышать – тяжелее.

– А что с рациями? Не пробовали связаться с городом? Может, подкрепление пришло и нам стоит возвратиться к крепости по туннелю? – спросил Тери, когда Капитан вернулся и отдал приказ к выходу.

– Рации не действуют, значит, в крепости никого нет. А самостоятельно раскопать проход не получится, взрыв обрушил его основательно, – ответил Фрэнк.

– К тому же на это нет времени, – добавил Денис. – Через минут тридцать огонь доберется сюда, и весь туннель заполнится дымом. А дальше грунт может обвалиться, и пожар начнется прямо здесь.

– Нужно оставить сообщение тем, кто может сюда подойти, чтобы найти нас, – предложил Марк.

– Если на наши поиски кто-нибудь двинется, – перебил его Фрэнк.

– Не переживай, Фрэнк, как только не обнаружат твою физиономию среди погибших, на твои поиски отправят целую армию, – посмеялся Капитан. – Идея неплохая. Оставим указатели, что мы выдвинулись в поселение маркон. Пусть вышлют туда подкрепление, – сказал Капитан. – Если доберемся до них, то там отсидимся некоторое время. Марконы с давних пор сохраняют нейтралитет. И поскольку живут небогато и забирать у них особо нечего, то геты скорее обойдут их стороной, чем предпримут новое нападение после тех потерь, которые они понесли вчера.

– А после, Капитан? – спросил Тери.

– А потом будет видно. Может, Максим с войском подойдет. Тогда пойдем гнать гетов. Если же нет, то, как пожар утихнет, вернемся в Тарнару. А там уже что генерал Париост скажет, то и будет.

– Капитан, можно одну просьбу? – обратился к нему Дмитрий.

– Какую?

– Дайте мне оружие.

– С волками жить – по-волчьи выть, – усмехнулся Капитан. – Что ж, – ответил он после непродолжительного раздумья, – будет тебе оружие. Фрэнк, дай ему пистолет.

Глава 33

– Налей мне, пожалуйста, кофе, – попросил Юрий Марину, не отрывая взгляда от дороги.

– Ты не устал? Может, остановимся и ты немного передохнешь?

– Не стоит. Осталось совсем немного. Меньше ста километров – и мы у цели. А там и отдохнем.

– Я так рада, что институт предоставил тебе отпуск. Пусть и небольшой, зато с семьей и вдали от работы, – радостно сказала Марина.

– Скажи спасибо Андрею Ивановичу, это он вдруг выделил нам несколько дней отдыха. Хотя я уже думал, что он меня невзлюбил.

– А кто такой Андрей Иванович? У вас на кафедре новый сотрудник? – спросила Марина.

– Да, – помедлил с ответом Юрий, понимая, что проговорился. – Это новый человек в штате. Заместитель Геннадия Васильевича. Его недавно приняли на работу.

– Это с ним ты уезжал в командировку недавно?

– Да. Как раз после этого он и походатайствовал перед руководством, чтобы нам направление дали в дом отдыха. Но давай больше не будем о работе, – попытался перевести тему разговора Юрий. – Эти дни только наши. Как там дети?

– Спят.

Юрий крепко взял руку жены, поднес ее к губам и поцеловал. Последние дни на работе были тяжелыми и изматывающими. После командировки с Зельциным и Котовым ему все чаще приходилось оставаться в своем кабинете допоздна и труднее было находить этому объяснения для Марины. Профессору стало казаться, что она начинает что-то подозревать и не доверять ему. Поэтому когда Андрей Иванович предложил Юрию с семьей уехать на несколько дней за город и отдохнуть, он с радостью согласился.

Юрий хотел наладить доверительные и теплые отношения с Мариной, какие у них были в молодости, когда они только начинали встречаться. Тогда влюбленные могли часами, держась за руки, просто гулять молча или говоря обо всем на свете, и весь мир для них не существовал. В те дни им достаточно было взглянуть друг на друга, чтобы понять, о чем каждый думает, они ценили каждую минуту, проведенную вместе. Это были самые счастливые времена для Юрия. И он хотел вернуть ту связь, что существовала между ними. Эта близость не исчезла. Нет, они по-прежнему любили друг друга, радовались каждой встрече, проводили вместе вечера. Но их жизнь из общей и нераздельной для каждого из них начала становиться самостоятельной для него и для нее.

Кроме того, его недоброе предчувствие по поводу проекта, над которым он работал, не уменьшалось, а, наоборот, с каждым днем все возрастало. Юрий не понимал, чего именно стоит опасаться, но какое-то непонятное волнение после разговора с Котовым Андреем Ивановичем словно подтачивало его изнутри. Поэтому вырваться из этого круговорота и забыться хоть на немного было сейчас как никогда кстати.

Юрию вспомнилось их давнее путешествие с Мариной, когда еще не было детей. Просто, ни с того ни с сего, поздним вечером она предложила ему вдруг отправиться к морю, бросить две футболки с ночной сорочкой в сумку, заполнить термос горячим кофе до краев, сесть в машину, включить музыку на полную громкость и поехать навстречу приключениям. Какой бы дикой ни казалась эта идея, но он, не раздумывая ни секунды, с радостью согласился. И буквально через каких-то тридцать минут влюбленные, раскрыв все окна настежь, уже мчались по ночному шоссе. Те выходные были волшебными, возможно, из-за спонтанности всего происходящего. Потом Марина еще неоднократно устраивала подобные мероприятия. Но постепенно Юрий начал от них отказываться, ссылаясь на занятость, усталость и другие, по сути правильные, но по большому счету надуманные причины. И вот уже давно ничего подобного с

ними не происходило. И сейчас, рассекая раскаленный воздух автострады, он с нескрываемым наслаждением любовался Мариной, словно не было последних десяти лет.

Дом отдыха «Астра» находился в трехстах километрах от Москвы по южному направлению. Небольшой и уютный гостиничный комплекс, разместившийся в тихом месте среди леса рядом с озером, представлял собой несколько домов, построенных в стиле начала девятнадцатого века.

Как только Юрий подъехал к воротам, из селектора раздался голос:

– Здравствуйте, чем могу помочь?

– Доброе утро. Меня зовут Юрий Георгиевич Остров, я к вам по путевке.

– Ах да, Юрий Георгиевич, мы как раз вас ждем. Проезжайте, – сказал тот же голос, после чего ворота медленно начали открываться.

У главного входа Юрия встретил пожилой мужчина лет шестидесяти. Он крепко пожал руку профессора, приветливо улыбнувшись Марине.

– Как доехали? Надеюсь, все хорошо? Вещи отдайте носильщикам, вы найдете их потом у себя в номере. А ключи от машины передайте парковщику, он проедет на ней на стоянку. Вас же прошу проследовать за мной. Просто небольшая формальность, – также приветливо и учтиво произнес встретивший их мужчина.

Настя с Павликом с разрешения родителей и под присмотром работника дома отдыха «Астра», забыв обо всем на свете, наперегонки побежали к большой детской площадке со множеством различных горок. Тем временем Юрия с Мариной провели в кабинет на первом этаже.

– Присаживайтесь, – обратился к ним все тот же человек. – Разрешите представиться. Меня зовут Василий Аркадьевич. Я распорядитель и управляющий домом отдыха «Астра».

– Очень приятно познакомиться.

– Взаимно. Так что на следующие несколько дней, что вы пробудете здесь, я полностью к вашим услугам. Вот моя визитка. Если что-нибудь понадобится, сразу же обращайтесь.

– Вы бы не могли немного рассказать о вашем доме отдыха, – спросила Марина, – а то все так стремительно получилось, что я смогла только бегло посмотреть информацию о вас.

– Разумеется. У нас есть все виды услуг и развлечений для того, чтобы расслабиться, забыть обо всех проблемах и как следует отдохнуть, – улынулся Василий Аркадьевич. – Здесь прекрасный хвойный воздух для прогулок. Есть озеро, в котором можно не только искупаться, но и поплавать на лодке. Замечательные рыболовные места, если вы заядлые рыбаки. Весь инвентарь у нас имеется.

– Рыбалка – это не по нашей части, – посмеялся Юрий.

– Ничего страшного, вы найдете, чем заняться. Бассейн с подогреваемой водой, как в помещении, так и на открытом воздухе. Тренажерный зал, спа, массаж, косметические услуги. Бильярд, теннис и многое другое.

– Бильярд – это уже интересно.

– Также есть кинотеатр, – продолжал Василий Аркадьевич, – бар. Трехразовое питание, а также кафетерий, который работает двадцать четыре часа в сутки. Там вы сможете найти напитки – как прохладительные, так и способные разогреть вашу кровь. Особенно рекомендую последние, – посмеялся Василий Аркадьевич. – И помните: все бесплатно.

– Замечательно. Будет где отдохнуть.

– Развлечение – это хорошо. Но все же наша «Астра» славится не только увеселительными мероприятиями.

– Чем же еще? – поинтересовалась Марина.

– Наша гордость – это медицинское обслуживание. Андрей Иванович, наверное, вам рассказывал об этом?

– Нет, не говорил, – удивился Юрий.

– В нашем доме отдыха вы можете найти любой вид медицинской диагностики. Не покидая единственного здания, вы можете пройти полную диспансеризацию и выяснить, есть ли у вас что-то, что требует лечения или врачебного вмешательства. Также, в случае необходимости, вам могут посоветовать план лечения. Благодаря современным технологиям эта процедура не занимает много времени, и все наши постояльцы от нее без ума.

– О, это было бы здорово, – обняла мужа Марина. – Я Юре давно говорила к врачу сходить, а он отнекивается, что нет времени, сильно занят. А плечо его беспокоит уже несколько месяцев. Мы обязательно пройдем медосмотр.

– Вы и детей можете взять с собой. В их возрасте особенно нужно следить за состоянием здоровья. Это нам, старикам, уже не стоит беспокоиться, а молодым следует быть внимательными к себе. Всю необходимую информацию о врачах вы сможете найти у себя в номере на журнальном столике. А сейчас пустая формальность: нужно заполнить несколько бланков, и вы можете идти наслаждаться отдыхом, – резюмировал Василий Аркадьевич.

Глава 34

– Простите, вас зовут Юрий Георгиевич? Остров Юрий Георгиевич? – спросила женщина средних лет, подходя к столу, за которым завтракал профессор с семьей.

– Да, это я. А мы знакомы?

– Нет, нет. Мы не знакомы. Прошу прощения, что отвлекаю вас за завтраком в кругу семьи. Просто я читала многие ваши работы. Можно сказать, я ваша большая поклонница, в хорошем смысле этого слова. Меня зовут Екатерина Анатольевна. Я в «Астре» отдыхаю со своим мужем и ребенком. И тут, увидев вас, просто не смогла не подойти.

– Меня вы знаете, – улыбнулся польщенный Юрий Георгиевич, – это моя супруга Марина Евгеньевна и наши дети Анастасия и Павел.

– Вы даже не представляете, какая это честь для меня. Ваши труды гениальны. По своей мысли они опережают наше время на десятилетия. Я бы с большим удовольствием обсудила некоторые моменты с вами. У меня к вам столько вопросов.

– С радостью отвечу на все, Екатерина Анатольевна, – сказал Юрий, чью руку под столом все сильнее и сильнее сжимала Марина, – но, с вашего позволения, в другой раз. Здесь мы хотим отдохнуть. Поэтому на разговоры о моей работе наложено табу.

– Как я вас понимаю! Работа не дает никакого покоя. Даже на отдыхе вам встречаются такие, как я, – посмеялась Екатерина Анатольевна. – Не буду больше вас отвлекать. Но если как-нибудь будет свободная минутка, позвоните мне по этому номеру, – с такими словами женщина передала Юрию кусочек бумаги, на котором записала номер своего телефона. – Я очень хотела бы обсудить с вами некоторые ваши работы.

– Обязательно позвоню, – согласился Юрий, – и отвечу на все ваши вопросы.

– Спасибо вам большое. Все, удаляюсь, а то меня мои, наверное, у аквапарк уже заждались.

– Тут есть аквапарк? – оживился Павел.

– Да, и весьма неплохой. Мой сын только там время и проводит. За уши его не оттащить от горка.

– Пап, а можно мы тоже пойдем в аквапарк? – спросила Настя.

– У нас на сегодня день уже распланирован. Завтра обязательно сходим.

– Ну пап, – протянул Павел. – Мама, пожалуйста. Мы будем аккуратно. Ничего не случится. Там будут и другие люди.

– Если вы позволите, я с супругом могу за ними приглядеть, – вмешалась в разговор Екатерина Анатольевна. – Мы все равно планировали там время провести сегодня. А после вы к нам присоединитесь. Наш сын как раз с вашими детьми одного возраста, так что, думаю, они поладят.

– Можно? Можно? – заголосили Павел и Настя.

– А вам точно это будет нетрудно? – спросила Марина.

– Разумеется. Можете не беспокоиться.

– Тогда хорошо, можете идти. Но чтоб никакого баловства. Слушайте Екатерину Анатольевну и от аквапарка ни шагу. Ясно?

– Да. Спасибо, мама, папа, – радостные дети обняли родителей и, вприпрыжку, пошли за Екатериной Анатольевной.

– А мы теперь можем спокойно отдохнуть друг с другом, – протянула Марина руку Юрию после того, как дети скрылись за углом, – и обязательно зайдем в медицинский центр, и никакие отговорки тебе не помогут.

Аквапарк оказался не очень большим, но имел достаточно разнообразных развлечений, чтобы удовлетворить не сильно завышенные требования детей. Несколько горок, бассейны с фонтанами и лабиринты заманивали Павла и Настю.

Побросав одежду на первый попавшийся шезлонг, они побежали в сторону самой большой горки, которая представляла собой спуск на надувном матрасе по закрытой трубе с множеством изгибов и поворотов. Там Павел и Настя встретили Диму, который оказался сыном Екатерины Анатольевны.

Через час купания женщина подозвала детей к себе, сказав, что им необходимо передохнуть и подкрепить силы лимонадом и бутербродами, принесенными из кафетерия. Павел, Анастасия и Дима нехотя были вынуждены подчиниться.

– Вот уже скоро каникулы закончатся, – начала разговор Екатерина Анатольевна. – Ты, наверное, дождаться этого не можешь, да Павел?

– Нет. Придется опять идти в школу.

– Почему? Ты не любишь учиться?

– Мне больше нравится играть в футбол, чем сидеть за партой. Это гораздо веселее. Поэтому когда вырасту, я стану футболистом, – гордо ответил Павел.

– Ты не пойдешь по пути своего отца?

– Нет, не желаю всю жизнь проводить за учебниками и тетрадками. Хочу играть в футбол.

– Но ведь заниматься спортом на профессиональном уровне тоже непросто.

– Зато там нет учебников, ничего не надо зубрить. Надо только бегать и забивать голы.

– Понятно, – подметила Екатерина Анатольевна. – А ты, Анастасия, чем думаешь заниматься?

– Мне нравится музыка.

– Это очень хорошо. Спокойная музыка успокаивает нервы, а ритмичная настраивает на рабочий лад. Она всегда и всеми любима и востребована. А что тебе больше нравится – фортепиано или скрипка?

– Я люблю танцевальную музыку. Хочу стать певицей.

– Певицей? – удивилась Екатерина Анатольевна. – А почему?

– Певицы известны. Их люди узнают на улицах, просят дать автографы. Они постоянно гастролируют по разным странам и у них куча поклонников, – заулыбалась Анастасия.

– Твой отец тоже известный.

– У него скучная работа. Не хочу как он. И дома редко бывает.

– А как же ты будешь часто появляться дома, постоянно гастролируя?

– А я буду семью с собой возить.

– То есть никто из вас не хочет идти по пути отца. А мама чем занимается?

– Она журналист, пишет статьи. А сейчас с нами дома сидит, – ответил Павел, доедая бутерброд. – Мы пойдем дальше плавать?

– Конечно, только будьте аккуратны.

Глава 35

После того, как дети ушли развлекаться, Юрий предложил Марине погулять по парку. Обняв супругу за талию, он медленным шагом повел ее по узким тропинкам среди хвойных деревьев. Юрий и Марина шли молча, периодически посматривая друг на друга. Первой тишину нарушила Марина:

– Ты меня любишь?

– Конечно, люблю! Что за вопрос?

– Просто в последнее время ты как будто отдалился от меня, от семьи.

– Это все из-за работы. Очень много дел. Но уже скоро все закончится.

– Что закончится?

– Проверки, аттестации и тому подобное. Тогда я снова буду приходить домой пораньше, – с этими словами Юрий поцеловал Марину в щеку.

– Раньше ведь ты никогда столько не работал. Я понимаю, проверки. Но неужели несколько месяцев подряд?

– Что ты хочешь этим сказать? – возмутился Юрий.

– Скажи мне честно, у тебя есть кто-то другой?

– Разумеется, нет. Как ты только можешь думать о таком?! Это все работа...

– Тогда почему ты даже поцеловать меня не хочешь?

– А только что?

– Не в щечку, как мама целует своего ребенка. А по настоящему, в губы. Я тебе больше не нравлюсь?

– Так, послушай меня, – Юрий повернул к себе лицом Марину, – я тебя люблю больше, чем когда-либо. Люблю так, как никто не может. Это правда, малышка. Ты моя единственная. И я без ума от тебя, от твоей внешности, от всего, что связано с тобой. Ты мне очень-очень нравишься. И с каждым годом все больше. Просто сейчас время тяжелое. Я очень загружен на работе, из-за чего сильно устаю. Только поэтому я меньше уделяю тебе времени. Иногда, когда я прихожу домой, просто хочу посидеть в тишине и отдохнуть. Но это время пройдет. И я надеюсь, что уже скоро. И все будет как прежде. Я тебе обещаю.

После этих слов Юрий притянул Марину к себе и нежно поцеловал в губы. Они пошли дальше по извилистым дорожкам, углубляясь в густую чащу парка. Иногда им попадались узенькие ручейки, и Юрий аккуратно брал на руки Марину, переносил ее, словно принцессу, через бурлящий поток, на что она отзывалась веселым смехом. Порой Марина резко клала руку на плечо Юрия и с криком «теперь ты водишь» убегала на ближайшую полянку, а он устремлялся за ней. Запыхавшись, супруги облакачивались на ближайшее дерево и просто молча смотрели друг на друга, будто им совсем недавно исполнилось двадцать лет.

– Давно мы вот так не гуляли, – сказала Марина. – Наверное, с тех пор, как родилась Настя.

– Иногда и не замечаешь, как быстро летит время. Вроде бы только вчера я с робостью смотрел на тебя, стесняясь пригласить на свидание. А потом все-таки набрался сил и позвал тебя гулять. И ты согласилась.

– Конечно, ты тогда был симпатичным молодым человеком, и мне очень хотелось с тобой познакомиться.

– А сейчас, значит, я уже старый и некрасивый? – заулыбался Юрий.

– Теперь ты уже мужчина. И тебе это идет больше, чем быть симпатичным юнцом.

– На первое свидание мы пошли кататься на аттракционах. Помнишь? А сегодня у нас двое детей и мне почти сорок.

– Не приписывай себе года. Тебе еще далеко до сорока. Ты молод, в расцвете сил. А помнишь, как мы провели наш первый совместный отпуск?

– Конечно. То путешествие было незабываемым. Наверное, море всегда остается таким.

– Хорошо было тогда.

– И сейчас хорошо, – обнял Юрий жену за талию крепче. – Работа кончится, и все будет еще лучше. Надо съездить на море, как думаешь?

– Это было бы здорово.

После прогулки по парку Юрий с супругой решили навестить медицинскую часть дома отдыха, чтобы, не откладывая на последний день, сразу пройти медосмотр. Марина особо настаивала на этом, так как, зная характер мужа, предполагала, что его «потом» может означать и вовсе «никогда».

Медицинский центр являлся высоким зданием с просторными помещениями. Комнаты, заставленные специальным оборудованием – от небольших приборов до громоздких машин, своим антуражем напоминали каюты из детских сказок о далеком будущем, населенном роботами. На стенах висели плакаты с информацией о профилактике всевозможных заболеваний. В воздухе отчетливо улавливался запах медикаментов, а несколько деревьев в горшках являлись единственным украшением, напоминавшем о природе.

Марину и Юрия учтиво встретили два врача в белых халатах. Они уже заранее знали о приходе супругов, поэтому все необходимое для прохождения полного медосмотра было подготовлено.

Профессора провели в комнату, в которой его ждало несколько врачей. Юрия попросили раздеться до трусов и подойти к одному из них. Судя по приготовлениям, он подумал, что тут собираются осматривать не простого ученого, а как минимум космонавта.

* * *

Василий Аркадьевич сидел в своем кабинете на первом этаже, делая какие-то пометки в журнале. Раздался стук в дверь, и к нему вошел молодой человек в белом халате. На немой вопрос управляющего домом отдыха «Астра» он произнес только одно слово «нет», после чего удалился.

Василий Аркадьевич поднял трубку телефона, и, набрав номер, стал ждать ответа.

– Здравствуйте. Да, исследовали... Семья Острова бесполезна для нас... Да, жена и дети... Они не представляют никакой ценности для проекта. Поэтому я считаю, что брать их в «Ковчег» нецелесообразно... Согласен, Острову необходимо подобрать новую пару. Не переживайте, Андрей Иванович, я этим займусь. Я дам все необходимые распоряжения... До свидания.

Глава 36

– Привет Юра! – окликнула профессора Елизавета Денисовна. – Ну, рассказывай, как все прошло. Ты говорил, что уезжаешь с Котовым на два дня, а тебя больше недели не было.

– Ты даже не поверишь, что произошло. Я думал, что Андрей Иванович меня в порошок сотрет, а оказалось, все наоборот.

– Ну, давай выкладывай, не испытывай мое любопытство.

– Тогда начну сначала. Мы с Котовым ездили на прием к Геннадию Андреевичу.

– Главе Роскосмоса?

– Ага, к нему. Так же там были начальники внутренней, внешней разведки и вооруженных сил.

– Ничего себе компания подобралась. И что они хотели от вас с Зельциным? – удивилась Елизавета Денисовна.

– В принципе, ничего необычного, расспрашивали про проект, насколько мы близки к выполнению поставленных задач. Спрашивали, что нам нужно, чтобы быстрее закончить. Я словно экзамен сдавал перед приемной комиссией. Перенервничал, аж жуть.

– И как все прошло?

– Нормально. Андрей Иванович даже поддержал меня. Сказал, что мы отлично справляемся с работой.

– А какое отношение они имеют к проекту?

– Не знаю, мне тоже это показалось странным. Но Котов сказал, что армия сейчас имеет отношение ко всему, мол, обстановка в мире напряженная и что они должны быть в курсе всего, что происходит в стране. Особенно в отношении такого грандиозного проекта, как наш. Максим Михайлович тоже сказал, что это нормально, он с подобным сталкивается не впервые. И раньше, по его словам, армия курировала все процессы.

– А разведка?

– Не знаю, может, шпионов ищут, – посмеялся Юрий Георгиевич. – Что ты мне тут допрос устроила, мне они не докладывали, по какой причине и для каких целей собрались. Но это не самое интересное.

– Так что же ты медлишь!

– После совещания сам Котов походатайствовал, чтобы мне предоставили с семьей отпуск на несколько дней.

– Подожди, дай угадаю. Ты был в доме отдыха «Астра»?

– А ты откуда знаешь? – изумился профессор.

– Так туда всех отправляют.

– Как всех? Ты тоже там была?

– Увы, нет. Это удел избранных. Туда приглашают только семейные пары. В «Астре» были все из нашего отдела, у кого есть супруги и дети. Так что мне там побывать не представилась возможность.

– А почему только семейных приглашают?

– Это уже не ко мне вопрос. Спроси Котова, если он теперь твой друг, – улыбнулась Юрию Георгиевичу Елизавета Денисовна. – Говорят, там потрясающе. Отдыхают в «Астре» первые лица государства. Я слышала, что это одно из любимых мест самого президента.

– За что же мне тогда такие почести? Но как бы там ни было, отдохнуть было здорово. Отвлечься от всей этой работы. И с семьей время провести.

– И как там?

– Прекрасно. Все на высшем уровне. Номер, питание, обстановка. Я в подобных местах еще никогда не бывал. Мы там даже медосмотр прошли.

– Его все проходят, кто бывал в «Астре».

– Все?

– Ну а почему нет? Говорят, там лучшее медицинское обслуживание в стране. Так что почему бы не воспользоваться такой возможностью. И что тебе сказали, здоров?

– Как бык, – распрямил плечи Юрий Георгиевич. – Ну а вы как тут без нас с Зельциным, справляетесь?

– Ну, куда же нам, бедным, без вас, любимых, – засмеялась Елизавета Денисовна. – Каждый день считали до вашего возвращения. Провели несколько испытаний, но пока все неудачно.

– Ничего, поскольку мы вернулись, работа пойдет. У меня такое чувство, что мы близки к решению. Вертимся около него, и нам не хватает одного маленького шага.

– Максим Михайлович собирает завтра общее совещание. Должны быть все, вот и расскажешь о своих предчувствиях. Ты домой собираешься?

– Нет. Сегодня важный матч. К нам «Сибирские медведи» приезжают. Мы с Рустэмом договорились пойти посмотреть. Хочешь с нами?

– Почему бы и нет? Дел на вечер у меня не запланировано, так что с радостью присоединюсь.

– Тогда давай через тридцать минут встретимся у выхода.

– Договорились.

* * *

Юрий Георгиевич подошел раньше всех. На часах было без десяти минут шесть. Время до встречи он решил провести в кафетерии.

Поскольку рабочий день близился к концу, в зале сидело всего несколько человек, расположившись за столиками в дальнем конце зала. Официант, лениво поприветствовав Юрия Георгиевича, предложил ему меню, на что профессор попросил только чашку крепкого кофе.

«Почему же только семейные пары? – думал Юрий Георгиевич. – Какой в этом может быть смысл? Чем я лучше Михаила Петровича или Елизаветы Денисовны? Они работают не меньше, чем я или Рустэм Амирович, но им не дают путевки только из-за отсутствия супруга. Разве это справедливо? Разве это не дискриминация? Ведь каждый сам вправе выбирать свою судьбу – вступать в брак или нет, рожать детей или нет. Нельзя же из-за этого вешать на людей ярлыки, мол, если нет мужа или жены, значит дефектный. Наличие «половинки» никак не может сказаться на профессиональных навыках человека, на его трудолюбии и усердии. Конечно, нужно пропагандировать нормальные семейные отношения, деторождение. Ведь, в конце концов, одними из первостепенных целей человека являются продолжение рода, передача знаний, накопленных годами, потомкам. Но нельзя же при этом делать из человека изгоя только за то, что он придерживается холостяцких взглядов на образ жизни. А может, есть что-то другое, – к Юрию Георгиевичу снова вернулось то чувство тревоги, которое он испытал после разговора с Котовым еще до командировки. – Может, в этом есть иной, скрытый смысл...»

– Вы еще тут? – прервал его мысли профессор Зельцин. – Может, вам попросить у Андрея Ивановича выделить комнату, чтоб вы могли здесь и ночевать?

– Увольте, Максим Михайлович. От меня жена тогда точно уйдет.

– Ну а почему вы все еще сидите здесь, а не пьете кофе дома, рядом с супругой?

– Мы с Рустэмом и Елизаветой идем на футбол. Они должны подойти с минуты на минуту.

– Значит, из-за работы сутками напролет супруга от вас уйдет, а вот футбол смотреть весь вечер – это нормально, – посмеялся Максим Михайлович.

– О сегодняшнем матче я с ней договорился, она меня отпустила, – улыбнулся в ответ Юрий Георгиевич. – Важная игра. «Спортакадемклуб» принимает на своем поле «Сибирских медведей». Если мы выиграем, то точно вернемся в гонку за чемпионство. Хотите к нам присоединиться?

– Нет, спасибо. Это не для меня.

– Вы не любите спорт? – удивился профессор.

– Ну почему же? Очень даже люблю. Только я разделяю спорт и соревнования. Вот пробежаться утром вдоль озера или поиграть в выходные в футбол с друзьями – это можно. В здоровом теле – здоровый дух, как говорится. А вот соревнования – это уже очень скучно.

– Как же может быть неинтересно? Ведь такой накал страстей, интрига.

– Какая может быть интрига, уважаемый коллега, если заранее знаешь счет? Ваш «Спортакадемклуб» проиграет сегодня три – один.

– Вы не верите в нас, Максим? А зря. Бегунов сейчас достиг пика формы, забивает практически в каждом матче.

– При чем тут вера, Юрий? – махнул рукой профессор Зельцин. – Я знаю счет. И да, вы правы, Бегунов действительно забьет сегодня за «Спортакадемклуб». Но вы все равно проиграете.

– Как это, знаете счет? – недоумевающе спросил Юрий Георгиевич. – Вы что, ходили к гадалке?

– Ей-богу, Юрий. Вы же профессор. Один из виднейших ученых России. А ведете себя как ребенок. Ну какие гадалки? Ведь все на поверхности. Просто я знаю итоговый счет сегодняшнего матча. И чемпионата в целом.

– Чемпионата? – Юрий Георгиевич чуть не выронил из рук кружку с кофе. – Вы хотите сказать, что знаете, кто в этом году будет чемпионом?

– Не только в этом сезоне, но и в следующих двух. И могу вас огорчить. В этом году «Спортакадемклуб» чемпионство не выиграет. С другой стороны, могу вас немного обрадовать. Сегодня вы проиграете будущему чемпиону. И играть будете достойно. Просто вам немного не повезет. Автогол в самом начале матча. Потом неоднозначный пенальти. В середине второго тайма вы один мяч отыграете. Но в концовке матча, штурмуя ворота сибиряков, пропустите контратаку, в которой отличится Шавлов. В итоге три – один не в вашу пользу. Увы.

– А теперь давайте серьезно, – нахмурился Юрий Георгиевич. – Вы шутите? Что это все значит?

– Нет. А я ведь когда-то тоже был поклонником футбола. И даже ходил на стадион. Но однажды все изменилось.

– Что изменилось? Объясните. Я вас не понимаю.

– Да тут и объяснять-то особо нечего. Просто оказалось, что все соревнования – пустая фикция. Спектакль, если хотите, по заранее прописанному сценарию. Все действия, монологи, свершения прописаны еще до старта первенства. И так не только в футболе. Но и в баскетболе, волейболе, теннисе, гимнастике. Одним словом – везде.

– Не может этого быть!

– Может. Хотя я поначалу, как и вы, тоже не верил. Но потом убедился в этом, и мне стало тошно и, более того, обидно смотреть спортивные соревнования. Не за команды, не за игроков. Они, как актеры, просто играют свои роли. И получают за это весьма неплохие деньги. Мне стало обидно за болельщиков, фанатов. Они искренне любят свои клубы, вкладывают души в поддержку родного коллектива. В жару, дождь, холод приходят поддержать команду, рисуют огромные баннеры, надрывают голоса. И не понимают, почему их любимые игроки сегодня еле передвигают ноги по полю, хотя несколько дней назад рвали на куски сильного соперника. И невдомек им, что их команда просто сливает игру. И не потому, что так захотела, а потому, что был утвержден план на сезон. И сегодня спортсмены должны проиграть. А фанаты потом

ищут причины, почему же клуб провел так слабо матч, и все не могут найти объяснения этому. Они нервничают, переживают, расстраиваются. Даже напиваются с горя. А игрокам, тренерам, владельцам клубов все пофиг. Они просто играют свои роли. Вот от этого становится тошно. А вы говорите – накал страстей, интрига. Ерунда – вот более подходящее слово, – закончил Максим Михайлович.

– Но кто же этим всем занимается? Кто составляет и утверждает этот план?

– Есть целый отдел при администрации президента. Вот он и занимается планированием всех соревнований на ближайшие три года. Это огромный штат сотрудников. Один мой хороший знакомый входит в попечительский совет данного отдела. Как раз от него я и узнал про весь этот фарс. С тех пор перестал следить за всеми соревнованиями. Но мой друг любит поговорить о работе, вот потому и знаю, кто, как и когда выиграет.

– Но зачем это все? Ведь смысл соревнований в том, чтобы выявить сильнейшего.

– Это в идеале. А в реальности дела обстоят совершенно по-другому. Все имеет политическую и социальную подоплеку. Тут важны многие факторы – кому симпатизируют высшие должностные лица страны, будут ли накануне того или иного матча национальный праздник или выборы, происходили ли смены или перестановки в клубе, какая ситуация в регионе. Да и множество других факторов. К примеру, взять нынешний чемпионат. Вы слышали про программу «Сибирь – кормилица России»?

– Конечно.

– Вот под эту программу «Сибирские медведи» и станут чемпионами. Чтобы подбодрить людей, приехавших в Сибирь, дать им повод для гордости, если так можно сказать. В прошлом сезоне чемпионами стал коллектив из Мурманска. Регион переживал непростые времена, вот и дали им победу. Хотели людей хоть немного отвлечь от насущных проблем, предоставив им небольшой повод для радости. Ведь если помните, там чемпионство неделю отмечали. Первые золотые медали в истории Мурманска. А взять, к примеру, «Спортакадемклуб». Болельщиков у него много, несмотря на неудачи последних лет, находится он в Москве – богатом, благоприятном субъекте. Руководство страны не в восторге от этого клуба, так как соперничает другим. Как видите, пока нет никаких предпосылок для вашего чемпионства.

– Я не верю своим ушам.

– Поверите. После сегодняшней игры. И мой вам совет: кричите сегодня максимально громко и поддерживайте команду очень яростно, потому что больше вы делать этого не сможете. И чем сильнее вы любите свой клуб, тем больше будет ваше разочарование. Я через это все прошел.

– И давно это так у нас?

– Да. Еще с советских времен. Были, конечно, периоды, когда чемпионства разыгрывались более или менее честно, но таких было мало. И подобное безобразие творится не только в России, но и за рубежом тоже. Там все так же происходит, по заранее написанному сценарию.

– Юра, вот ты где, а мы тебя уже везде обыскались! – вбежал в кафетерий Рустэм Амирович. Идем, а не то начало матча пропустим. И так уже опаздываем.

– Всего вам хорошего, – напутствовал профессор Зельцин. – Надеюсь, матч получится интересным.

– Еще бы, – отозвался профессор Бериллов. – Мы просто обязаны сегодня победить.

– Желаю удачи. Наслаждайтесь игрой. Кстати, Юрий, можете сделать ставку на сегодняшнюю игру. Говорят, хорошие коэффициенты.

Глава 37

Марконы располагались на небольшой территории на юго-западе от Бенгалии. Фактически они исполняли роль буферной зоны между ней и землями, подконтрольными гетам.

Марконы в основном занимались земледелием и скотоводством. Ежегодная охота больше расценивалась как обряд посвящения юношей в мужчины, а не средство добывания пропитания. Так, молодой человек, достигший шестнадцатилетнего возраста, должен был принести отцу ожерелье из зубов зверя. Тогда тот благословлял его на самостоятельную жизнь и на вступление в брак. Если же юноша не справлялся с задачей, то он еще на год оставался в отцовском доме, что являлось большим позором не только для молодого человека, но и для всей семьи. В последующем, как правило, даже в случае успеха через год, такие юноши становились изгоями и уходили в лес жить в одиночестве.

Этот народ был малочисленным и насчитывал всего несколько крупных поселений. Поэтому, не имея возможности вступать в открытый военный конфликт с более сильными и грозными соседями, марконы сохраняли нейтралитет и старались ни с кем не портить отношений.

Поскольку земли маркон близко располагались к территории Бенгалии, геты не решались воевать с ними в открытую, предпочитая изредка облагать их данью, которая заключалась в отъеме некоторых запасов продуктов. Для маркон, которые были весьма трудолюбивыми, это был хороший выход из ситуации, поскольку недостатка в пище они не испытывали, а геты в свою очередь служили барьером для них от набегов зверей с запада и жестоких марианцев с востока.

С южными областями Бенгалии маркон связывали торговые отношения. Поскольку как таковой добычей полезных ископаемых они не занимались, то с радостью обменивали зерно и скот на железную руду, из которой потом производили сельскохозяйственные орудия и домашнюю утварь.

Самым близким поселением к Бенгалии был город Синакэ. От крепости Розенбург до него можно было добраться примерно за три дня. Именно туда и направился Капитан вместе со своим отрядом.

Уже на подступах к городу военачальник стал замечать некоторые странности. Так, несмотря на миролюбивый характер, марконы всегда охраняли свои города, и подойти к ним незамеченным было практически невозможно.

– Нас должен был уже встретить дозор, – сказал Капитан, после чего крикнул в сторону леса: – Оа-нухе! Оа-нухе!

– Что он кричит? – спросил Дмитрий у Тери?

– «Оа-нухе» на языке маркон означает приветствие. Дословно – «мы друзья и пришли с миром».

– А разве они не говорят на беркасском наречии?

– Многие, конечно, его знают. Но марконы предпочитают говорить на своем родном языке. Некоторые беркасское наречие и вовсе не знают. Правда, таких мало. Вот и ты был одним из них, но поумнел, – посмеялся Тери.

В ответ на зов Капитана не раздалось ни звука.

– Будьте внимательны, – скомандовал военачальник. – Идем дальше.

Через триста метров тропа резко повернула вправо и впереди показалась стена из белого мрамора и черные кованые ворота, ведущие в город. Как и прежде, везде было тихо, пусто и как-то по особенному спокойно. При этом все постройки на подступах к городу стояли целыми и невредимыми, каких-то иных признаков боевых действий также не наблюдалось. Небольшие

каменные хижины с соломенными крышами, построенные по обочинам дороги, дожидались своих хозяев.

– Ох и не нравится мне тут, Капитан, – сказал сквозь зубы Фрэнк.

– Дойдем до ратуши, там точно кого-нибудь найдем.

Но и она оказалась пуста.

– Надо проверить храм Цэта-Кое. Люди могли спрятаться там.

Цэта-Кое был верховным богом маркон. Поэтому храм в его честь обязательно располагался в каждом поселении. Строили его из особо прочных материалов, так что в случае угрозы он всегда использовался в качестве убежища. Храм располагался на холме, куда вела тропа от центральной площади.

– Со мной пойдут Фрэнк, Марк и Денис, – скомандовал Капитан. – Тери и Мэт, осмотрите ратушу. Остальным ждать здесь.

Тяжелая дверь из дуба, обшитая листами железа, накрепко закрывала собой проход внутрь. Запертые на нижних этажах храма ставни не позволяли заглянуть внутрь. А вот стекла в окнах на верхних этажах практически все были побиты.

– Если кто-то и остался в поселении, то они могут быть только там, – сказал Марк, указывая на храм. – Надо ломать дверь.

– А может, сначала постучаться? – предложил Денис.

– Если бы те, кто внутри, могли открыть дверь самостоятельно, то давно бы уже это сделали. Они прекрасно знают, что мы не враги и желаем помочь.

– Может, они не хотят этого и им и без нас хорошо? – возразил Денис.

– Это вряд ли. Марконы очень гостеприимный народ. И меня в этом поселении хорошо знают, – сказал Капитан. – И я местных тоже. Подобное поведение им не свойственно. Надо ломать.

– Сказать проще, чем сделать. Храмы в честь Цэта-Кое не уступают нашим крепостям. Если засовы закрыты изнутри, то без взрывчатки нам не обойтись. Можно, конечно, попробовать забраться наверх и попасть внутрь через разбитые окна. Но и это не так просто, как хотелось бы.

– Капитан, – вспомнил Фрэнк, – а может, шмальнуть из той штуки, которую мы в корабле нашего пришельца забрали? Заодно посмотрим, на что она способна.

– Твоя правда. Надо узнать, что здесь произошло. Давай.

Капитан с разведчиками отошли в сторону, предоставив Фрэнку место для маневра. Он подошел к двери, ведущей к храму, остановившись шагах в двадцати от нее.

После непродолжительных попыток изучения неизвестного механизма Фрэнк прицелился и нажал на кнопку, которая, по-видимому, исполняла роль спускового крючка. Мелькнула ослепительная вспышка, за которой последовал глухой хлопок. Обратной силой выстрела Фрэнка откинуло назад на несколько метров. Перевернувшись через голову, он покатился вниз по холму.

Как только пыль, поднятая в воздух выстрелом, осела, Капитан увидел, что на месте дверного проема зияет огромная дыра. Выстрел разрушил не только входную дверь в щепки, но и весь проход, ведущий в храм.

– Ты там как, цел? – окликнул Капитан Фрэнка.

– Вот эта пушечка по мне, – радостно ответил громила, отряхивая голову от земли. – Видели, как шмальнуло?!

– А меня это не так радует, как тебя, – возразил ему Капитан. – Если у тех людей, кому предназначалось это оружие, автоматы так стреляют, то я даже боюсь представить, какую мощь имеет у них самоходная техника.

– Проход есть? – спросил Фрэнк.

– Даже больше. Поднимайся, сам увидишь.

Капитан первым вошел внутрь. Узкий и длинный коридор от входа вел к основному залу, расположенному под центральным куполом храма. Лучи солнца, проходившие через верхние окна, не могли дать необходимого количества света, поэтому Капитану приходилось идти в полумраке.

В храме стояла гробовая тишина. Ни звука не доносилось изнутри, а толстые стены практически полностью подавляли любой шум, доносившийся снаружи.

Медленными шагами Капитан достиг двери, преграждавшей путь в основной зал. Он потянул ручку на себя, но безуспешно. В отличие от входной двери, эта носила весьма условный характер, поэтому Фрэнк легко разбил ее топором.

Открывшаяся картина повергла солдат в шок. Весь пол в огромном светлом зале, освещенном солнцем через центральный купол, исчез под телами мертвых маркон, лежащих один на другом.

– Здесь, наверное, все жители города, – мрачно заметил Марк, обводя взглядом гигантское помещение. – Что же могло произойти?

– Нет никаких ран или травм. В них не стреляли, их не били, – сказал Фрэнк, осматривая трупы. – Все целехонькие. Неужели они покончили с собой? Может, обряд какой-нибудь?

– С чего бы это? Не было ни полнолуния, ни затмения, – ответил Денис. – Не могли же все жители поселения взять и расстаться с жизнью.

– Нет, не могли, – произнес Капитан. – Более того, для маркон покончить с собой – это не подвиг, а большой грех. Одно дело – отдать свою жизнь ради спасения других. Тут же все обстоит совсем иначе. Они спасались. Их что-то загнало в храм. И убило каким-то неизвестным способом. Возможно, они задохнулись или их отравили каким-нибудь веществом.

– Но кому могло понадобиться уничтожать целое поселение маркон? – удивился Денис. – Они ни с кем не конфликтовали. Даже безжалостные гетвы, и то не нападали на них. Звери так расправиться с ними не могли. Они ни за что бы не пробрались внутрь храма и уж точно не оставили бы тела так лежать. Марианцы тоже вряд ли добрались бы сюда. Да и, скорее, они напали бы на гетов.

– Тела еще не начали разлагаться. Значит, убили их не так давно. Это произошло после битвы в Розенборге, – заметил Фрэнк.

– В том-то и дело, – ответил Капитан. – Необычное поведение гетов в бою, убийство маркон. И именно сейчас, когда прилетел Дмитрий. Все это неспроста. В наших краях появилась какая-то новая сила, ранее не известная нам. И чем скорее мы с ней познакомимся, тем будет лучше. Надо осмотреться в округе, возможно, найдем какого-нибудь бедолагу, которому удалось спастись.

– А что с ними будем делать? – Марк указал на неподвижно лежащие тела.

– Пусть время решает, что делать со своими мертвецами. До данной поры оно весьма неплохо справлялось с этим.

– Но не можем же мы оставить их вот так!

– Почему же не можем, я покажу тебе, как это делается, – ответил Марку Фрэнк, подталкивая его к выходу. – Давай, ножками делаем топ-топ.

– По их вере, тело умершего маркона обязательно должно быть предано огню, – сопротивлялся Марк. – Только пройдя через очищение пламенем, марконец может попасть в объятия Цэта-Кое.

– Только не говори, что ты веришь во всю это чушь, – рассмеялся Фрэнк. – Цэта-Кое – обычная выдумка, ничего более. Как и все остальные их божества.

– Откуда ты можешь это знать? – не унимался разведчик. – Я, разумеется, не разделяю их верование, но при этом мы должны уважать их выбор. Каждый волен исповедовать то, что хочет. И никто не может навязывать кому-либо свои религиозные взгляды. Марконы искренне

верят в Цэта-Кое, и это их законное право от рождения. И мы должны похоронить их согласно традициям маркон.

– Ответь-ка мне вот на что, дорогой друг, – попросил Фрэнк, – а что если маркон пошел в лес за грибами и там его хватил сердечный приступ? И он умер тут же. И никто не знает, где он, так что предать огню его тело некому. Значит, ему райских кущей Цэта-Кое уже не видать? Или ему надеяться на то, что молния поразит его тело и испепелит? А если маркон пошел под парусом и утонул? В море под водой ему будет очень трудно найти пламя. Как быть в этих случаях?

– Я не богослов. И уж тем более не могу объяснять тонкости веры маркон. Но если у нас есть возможность почтить их память согласно традициям, то, считаю, мы должны это сделать.

– Что ж, – вмешался в разговор Капитан, – уже поздно, поэтому заночуем сегодня в городе. Так что время похоронить маркон согласно их традициям мы найдем. Только вот выносить всех на улицу и строить погребальные кострища мы не можем. Поэтому сожжем их в храме.

– Нельзя сжигать храм! – возмутился Марк.

– Что сгорит, то сгорит. Что останется, то останется. А выбор оставим Цэта-Кое, – улыбнулся уголками губ Капитан. – А теперь, пока не стемнело, необходимо осмотреть окрестности.

Глава 38

– Выглядит, конечно, жутко, аж мурашки по коже, – сказал солдат отечественной гвардии по имени Кирилл, заходя в очередной дом. – Снова пусто, хотя еще дня два назад здесь явно бурлила жизнь.

С этими словами Кирилл указал на тарелки, аккуратно расставленные на столе, кастрюлю с каким-то супом на плите. В комнате были разбросаны детские игрушки, постель осталась не заправленной.

Лучи заходящего солнца проникали сквозь полупрозрачные занавески, отбрасывая незамысловатые узоры на пол. И, как и везде в городе, в доме стояла полная тишина. Только шелест листвы доносился снаружи.

– Даже пыли нигде нет, – провел рукой по книжной полке Мэт. – И уходили отсюда, судя по всему, в спешке.

– Целый город. И ни единой души. Город-призрак прямо, как в страшилках.

– Ладно, идем в следующий дом. Капитан приказал осмотреть весь город до захода солнца. Времени немного.

– Капитан сказал, что они нашли в том храме? – спросил Дмитрий.

– Эта информация не для твоих изнеженных ушей, – ответил Тери. – И не забывай, что хоть Капитан и отправил тебя с нами, ты все равно пленник. И если что-нибудь задумаешь, то буду стрелять.

– Я нахожусь неизвестно где. У меня нет ни еды, ни воды. Вокруг полно всякой нечисти, жаждущей только крови. Ты думаешь, я реально могу сбежать? Чтоб заблудиться в ваших лесах и болотах и умереть?

– А вдруг тебя поджидают?

– Кто меня может подждать на этой забытой Порядком планете? Тут нет моих единомышленников, никого, кто бы мог мне помочь. Не буду я никуда сбежать. А если чем смогу, то помогу.

– А я тебе верю, – сказал Кирилл. – Но лишние вопросы не задавай. Если Капитан сочтет нужным, он сам тебе все расскажет.

Понемногу они переходили из одного дома в другой с надеждой найти хоть кого-нибудь, кто бы смог пролить свет на случившееся в городе. Но каждое последующее здание оказывалось таким же пустым.

Когда оставалось проверить всего несколько строений, Дмитрий вдруг резко остановился.

– Вы слышали? – спросил он.

– Слышали что?

– Вот опять.

– Всем тихо, – скомандовал Мэт.

Дмитрий стал прислушиваться. Изредка откуда-то со стороны доносился тихий человеческий голос.

– Это оттуда, – указал он рукой на один из оставшихся домов.

– Я ничего не слышу, но проверить стоит.

Тери и Кирилл, перезарядив автоматы, пошли вперед. Мэт с Дмитрием держались немного позади.

Из-за темноты, царившей в доме, так как солнце уже скрылось за горизонтом, приходилось идти на ощупь. В прихожей и на кухне никого не оказалось. Спальня тоже была пустой.

– Никого нет, – только успел произнести Мэт, как из-за стены, на которой висел ковер, раздался мужской голос. – Всем быть наготове.

Сержант отодвинул ковер в сторону. За ним оказалась маленькая резная дверь. Он аккуратно открыл ее и шагнул внутрь, держа автомат наготове.

Мэт очутился в тесном помещении без окон. Из-за повсюду расставленных ритуальных свечей трудно дышалось. В спертom воздухе медленно плавал дым от жженой травы с едким запахом. Посередине комнаты на коленях стоял седовласый старик.

Несмотря на довольно громкий шум, с которым Мэт ворвался в комнату, старик не шевельнулся. Мэт окликнул его, но в ответ не раздалось ни звука. Маркон все также продолжал стоять на коленях с поднятыми вверх руками и что-то бормотал на своем языке. Мэт обошел его со стороны и еще раз обратился к нему:

– Вы меня понимаете? Можете говорить?

В ответ последовало только одно бормотание.

– Возможно, он находится под действием одурманивающих трав. Он явно в трансе, – сказал Тери. – Что будем делать?

– Надо отвести его к Капитану. Старик может рассказать, что здесь произошло. Вряд ли мы еще кого-нибудь найдем...

– Синакэ больше нет, – шепотом перебил его старик. – А скоро не станет и маркон. А потом и всего остального.

– Что? Что ты сказал? – заволновался Мэт. – Что здесь произошло?

– Мы разгневали Цэта-Кое. И он отвернулся от нас. Он перестал оберегать нас лоскутами своего покрывала, сдернул пелену. И тот час же Пцетакс со своими посланниками пришли за нами, – старик снова замолчал и начал произносить молитвы на своем языке.

– Кто такой Пцетакс? – обратился Дмитрий к Тери.

– У маркон это бог подземного мира и всего зла. Аналог нашего дьявола.

– Понятно, – ответил Дмитрий, а после непродолжительной паузы добавил: – А кто такой дьявол?

– Ну ты даешь, – усмехнулся Тери. – Потом у Капитана спроси.

– Что за посланники? – спросил Мэт у старика. – Кто это?

– Ближайшие слуги Пцетакса. Всадники, несущие смерть. Без защиты Цэта-Кое мы бессильны. Никто не поможет ни нам, ни кому-либо еще.

– Почему от вас отвернулся Цэта-Кое? Что произошло?

– Никому не ведомо, о чем думают боги, никому не подвластно узнать ход их мыслей. Никто не знает, почему происходит то, а не другое. Но все, что предопределено, должно случиться. То, что высечено в Книге жизни, никому не под силу изменить. И время бед пришло. И нам остается только слепо подчиниться судьбе и принять участь, уготованную нам. Мы должны смириться. Цэта-Кое недоволен нами. Мы – его дети и разочаровали его.

– Что ты имеешь в виду? Объясни. Что предопределено?

– После того, как небо разделится пополам огненным пером, а на землю упадет звезда, породившая человека, тогда ждать беды. И никто не спасется, потому что так предопределено, – старик начал хрипеть. Он сделал глубокий вдох, после чего завалился на бок.

– Какой беды? – подхватил его под голову Мэт.

– Никому не будет спасения. Так сказали посланники Цэта-Кое.

– Кто это? Где их найти?

– Этого нельзя сделать. Они сами находят тех, кто им нужен. Посланники нигде и везде. Белые парихиады.

– Парихиады? – удивился Мэт. – Но ведь это выдумка. Они не существуют. Что сказали парихиады? Говори же!

Но ответа не последовало. Старик закрыл глаза, издав последний вздох. Его тело обмякло и повисло на руках сержанта.

Глава 39

– Так, повтори еще раз, что он сказал, – попросил Капитан.

– Со слов старика, тут побывали приспешники Пцетакса. Скорее всего, все попрятались в храме Цэта-Кое в поисках защиты, а нашли там смерть. И он сказал, что теперь быть беде и никто не спасется. Ни марконы, ни кто-либо еще.

– Ну да, конечно, Пцетакс своих слуг отправил на грешную землю покарать виновных, – усмехнулся Фрэнк. – Просто старик опиума перекурил. Тут поработали обычные бандиты.

– Ну оружие у них точно было не обычное, – ответил Марк. – Да и не стоит насмехаться над верованиями других народов, пусть даже чуждыми тебе, Фрэнк. Разумеется, что за слуг Пцетакса они приняли каких-то людей. Вопрос в том, каких именно? И какие у них цели?

– Он еще что-нибудь сказал? – спросил Капитан.

– Да. Он говорил, что все предначертано. Что это было известно давно, и изменить ничего нельзя. Что так сказали посланники Цэта-Кое.

– Еще одни посланники! – выругался Фрэнк. – И кто на этот раз? Эльфы?

– Нет, – ответил Тери. – Парихиады.

– Парихиады? – воскликнул Марк. – Это же легенда.

– А так ли это? Сколько людей рассказывали о белом братстве парихиад. И при этом они были из разных городов и стран и их ничто не связывало между собой. Сколько свидетельств существования парихиад мы видели!

– Да, но никто не смог это хоть как-то подтвердить и показать такого посланника живым. В плоти и крови, так сказать.

– Существуют они или нет, сейчас не важно, – вмешался в спор Капитан. – Важно только, что произошло здесь и как это может повлиять на Бенгалию. Что они напрогнозили?

– Точно сказать не могу. Там какая-то бессмыслица. Что-то вроде того, что после того как небо поделится пополам пером и упадет звезда с человеком, наступят тяжелые времена, которые затронут все земли и всех людей, – сказал Мэт.

– Нет, там еще что-то было про огненное перо, которое поделит небо. И вроде бы человека должна породить сама звезда, – поправил Кирилл.

– После того, как небо разделится пополам огненным пером, а на землю упадет звезда, породившая человека, тогда ждать беды. И никто не спасется, – раздался голос из кустов. – Так правильно. Это знает каждый маркон.

Услышав мужской голос за спиной, все вскочили со своих мест. Кто-то схватился за автоматы, лежащие на земле. Фрэнк по старой привычке крепко сжал в руках топор и грозно замахнулся им над головой.

Из кустов на окраине поляны, на которой разместились бенгальцы, вышел молодой мужчина лет двадцати шести – двадцати восьми. По характерным чертам лица в нем легко можно было различить маркона. Он медленным шагом подошел к солдатам, поднимая руки вверх и показывая, что не собирается нападать.

– Оа-нухе, – произнес молодой мужчина.

– Да это же Куэ-Тонау! – воскликнул Капитан. – Опустите оружие. Ты не погиб? Как тебе удалось спастись?

Куэ-Тонау являл собой эталон маркона – сильный, высокий и красивый. В юношеском возрасте он пользовался большой популярностью как среди девушек, так и их отцов. В связи с этим он считался весьма желанным женихом. Многие выстраивались в очередь к дому его отца с предложением выдать замуж свою дочь. Поэтому Куэ-Тонау нажил немало завистников среди сверстников.

Когда пришло время проходить испытание боем со зверями, никто не сомневался, что он принесет ожерелье из зубов своему отцу одним из первых. Но нашлось несколько маркон, пожелавших помешать этому. Во время боя они все вместе напали на Куэ-Тонау, так как не решались выйти против него один на один. Им удалось оглушить его. Потому когда охота подошла к концу, у Куэ-Тонау не было трофея, и ему пришлось вернуться в город с пустыми руками.

Это было большое потрясение для его семьи, а он сам из всеобщего любимчика превратился в изгоя. Не желая жить в угнетении и позоре, Куэ-Тонау решил не ждать год до следующей охоты, а покинул Синакэ. Одной ночью он собрал все вещи в мешок и ушел в лес.

Но перед тем, как покинуть родной город, Куэ-Тонау решил отомстить обидчикам. Наутро в своих кроватях были найдены шесть обезглавленных тел. Головы никто так и не нашел. Но и без этого не составило труда опознать убитых.

Куэ-Тонау, не желая мириться с необходимостью жить в одиночестве и изгое, отправился в Бенгалию. В Тарнаре он нашел работу, жилье, друзей. Новые образ жизни, обстановка, окружение наложили отпечаток на мировоззрении Куэ-Тонау.

В этом, другом мире, совершенно не похожем на его родной город, он по-иному взглянул на вещи, которые казались ему непогрешимыми в детстве. Куэ-Тонау стал подвергать сомнениям те догмы, которые буквально вбивались ему с самого рождения. Он отошел от веры своих предков, посчитав ее простой тратой времени. Куэ-Тонау перестал придерживаться порядков маркон, соблюдать обычаи.

Так он жил до двадцати семи лет, пока не узнал о болезни своего отца. Куэ-Тонау тайком пробрался в Синакэ, но застать его живым не успел. Мать ему рассказала, что последними словами отца были «Где же мой маленький Куэ-Тонау?»

Смерть родителя настолько потрясла его, что он решил остаться жить с марконами. Но в городе находиться не мог. Поэтому недалеко построил себе хижину, где и проживал до данного времени. Хоть Куэ-Тонау и вернулся к своим истокам, одиннадцать лет жизни в другой цивилизации не могли бесследно исчезнуть. Потому он сохранил скептицизм к религии и обычаям маркон.

– Моя хижина хорошо спрятана, Капитан, поэтому меня не заметили.

– Что тут произошло? Все мертвы. Один старик был жив, да и он скончался. Успел сказать лишь, что это были слуги Пцетакса.

– Слуги Пцетакса? А чего не он сам? – с иронией улыбнулся Куэ-Тонау. – Глупости все это. За силы зла и посланников ада они приняли обычных разбойников и убийц.

– Ну, насчет обычных я бы тут с тобой поспорил, – сказал Денис. – Вооружены они были явно не обычно.

– Оружие делают люди, а не боги. У одних оно сильнее, у других слабее. И пускают в ход его тоже люди, а не боги. Так что не стоит оправдывать человеческую гнусность вмешательством высших сил. Но вы сказали – все погибли. Неужели это так? – голос Куэ-Тонау задрожал.

– Мне жаль, дорогой друг, – подошел к нему Марк. – Они пытались найти спасение в храме Цэта-Кое, но...

– Но спасения там не нашли, – перебил его маркон. – И это не удивительно. Страх перед высшей силой парализует людей. Убеди их жрец в том, что это обычные люди, и марконы защищались бы, сражались бы за своих жен, детей и стариков. Но слепая вера в слуг Пцетакса заставила их просто сложить руки и безропотно умереть. Безвольно и бесполезно. Я всегда говорил, что все их верования – обычный пережиток прошлого, и нужно развиваться. Необходимо отходить от слепого повиновения жрецам, – Куэ-Тонау ненадолго замолчал, после чего добавил: – Я слышал, что крепость Розенбург пала?

– И это так, – раздосадовано ответил Капитан. – Крепость пала под натиском гетов. Слишком велика была их сила. Все, кто здесь, – это остатки гарнизона. Но мы вернем крепость.

– И гетам отомстим, – добавил Фрэнк.

– Старик перед смертью сказал, что есть пророчество, которое произнес и ты. Что ты знаешь о нем? – спросил Марк.

– Небо разделится пополам огненным пером, на землю упадет звезда, породившая человека. И будет беда, и никто не спасется. Данные слова знает каждый маркон с младенчества. Но это все просто набор бессмысленных фраз, который передают из поколения в поколение, из уст в уста. Страшилка.

– Старик сказал, что марконам сообщили это пророчество парихиады.

– Белое братство? Это такая же легенда, как и звезда, создающая человека. Предание гласит, что несколько веков назад к верховному жрецу явились два посланника, облаченные в белые одеяния. Они предупредили о страшных бедах, которые обрушатся на головы маркон и других народов после падения звезды. И велели быть готовыми.

– К чему? – спросил Капитан.

– Этого не знаю. Письмена с полным текстом пророчества, записанные тем самым жрецом, к которому будто бы явились парихиады, хранятся в центральном храме Цэта-Кое в городе Тэсе-Эсто-Карэ.

– В Книге жизни? – спросил Мэт.

– Да. А вы откуда об этом знаете?

– Старик сказал, что все написанное в Книге жизни обязательно исполнится. А нам остается только принять это как должное.

– Кто бы сомневался, – покачал головой Куэ-Тонау. – Доступ к этой Книге есть только у верховных жрецов большого круга. Но мое личное мнение, что она содержит обычные байки, чтобы пугать детей.

– Эти так называемые байки стали причиной смерти сотен человек, – сказал Марк. – На обычные страшилки не похоже. Да и к чему вашему жрецу ради баек вести на смерть все население города?

– Потому что для него это правда. Он, как и все жители, искренне верит в пророчества, в Книгу жизни, в Цэта-Кое и Пцетакса. Им с детства внушают это. И марконы не знают ничего иного, поскольку ведут достаточно замкнутый образ жизни. Мне понадобилось лет пять прожить в Бенгалии, прежде чем я все это осознал. А в шестнадцать я бы тоже, наверное, слепо следовал за жрецом на убой. Марконы не имеют возможности сравнивать свое мышление с каким-либо другим. А из-за этого отсутствует их развитие как общества, так и отдельной личности. Без ассимиляции, без интеграции, без открытости невозможно развитие социума. Отсутствие внешних связей с миром приводит к застою, и, как следствие, люди готовы безропотно идти на смерть, боясь довольно глупых вещей.

Капитан отошел в сторону и поднял голову к уже потемневшему небу. Какая-то мысль не давала ему покоя. Но он все не мог понять, что же именно его тревожит. Смотря по сторонам, он задержался на Дмитрие, который о чем-то оживленно разговаривал с Линелией. Капитан развернулся и пошел отдавать команду к отбою, как вдруг резко остановился, словно пораженный молнией. Он повернулся и, посмотрев на Дмитрия, проговорил:

– Не может быть. Это просто невозможно. Куэ-Тонау, – крикнул он маркону, – повтори еще раз пророчество.

– После того, как небо разделится пополам огненным пером, а на землю упадет звезда, породившая человека, тогда ждать беды. И никто не спасется.

– Так, значит, небо делит пополам огненное перо, – задумчиво размышлял вслух Капитан, – падает звезда, из которой появляется человек. И наступает беда. Это просто невероятно.

– Что невероятно? – удивился Фрэнк. – И ты поверил в это?

– Зверь меня подери! Я бы никогда не поверил, Фрэнк, если бы сам не видел. Ты же меня знаешь. Но как тут не поверить? Хотя это невозможно. Как?

– Что вы поняли, Капитан? – спросил Марк.

– То, что старик был прав, ногу зверю в пасть. И жрец ваш тоже был прав. Пророчество сбылось.

– Как сбылось? – изумился Куэ-Тонау.

– А вот так. Огненное перо, разделяющее небо пополам – это огненный след, оставляемый в небе кораблем, падающим с неба. Звезда, летящая на землю и порождающая человека, и есть сам корабль. Ну а человек, – тут Капитан сделал паузу и, указав рукой в сторону сидящего неподалеку юноши, закончил, – это наш Дмитрий.

Наступила тишина. Никто не произнес ни звука. Все присутствующие с широко раскрытыми от удивления глазами повернулись в сторону Дмитрия.

– Это просто невысказано, – словно сам себе сказал Фрэнк.

– А беды, которые затронут всех, – должно быть, нападение гетов на Бенгалию и массовое убийство маркон, – добавил Марк. – А что дальше? Что затронет всех людей?

– Но как это возможно? – задал вопрос в пустоту Денис. – Как несколько сотен лет назад могли знать о прилете Дмитрия? О том, что будет дальше? Неужели это все возможно?

– Если пророчество – истина, то правду говорят и о белом братстве, – высказался Капитан. – Парихиады существуют. Хоть это и невысказано звучит, но действительно так. И только они смогут пролить свет на ситуацию и поведать нам, что происходит и что делать. Нам надо их найти.

– И как же мы это сделаем?

– С помощью верховного жреца из Тэсе-Эсто-Карэ. Он нам сможет помочь.

– Но а как же приказ отца Петри? – спросил Денис.

– Обстоятельства меняются. Если это не совпадение, в чем я сильно сомневаюсь, то нам нужно выяснить все, не теряя времени. Никто не знает, сколько у нас его осталось. И безопасность Дмитрия меркнет по сравнению с защищенностью всей Бенгалии. Завтра с утра отправимся в Тэсе-Эсто-Карэ. Куэ-Тонау, ты пойдешь с нами. Нам понадобится твоя помощь.

– Вы хотите сказать, – начал маркон, хранивший последнее время молчание, – что все погибли из-за этого человека?

В глазах Куэ-Тонау промелькнула злость, лицо исказилось в гримасе ненависти. Он выхватил нож, висевший на поясе, и с криком побежал на Дмитрия. Фрэнк бросился ему на перехват и в последний момент успел отвести руку с ножом маркона. Хоть Куэ-Тонау был богатырского телосложения, в силе он все же уступал бенгальцу. Фрэнк быстрым движением обезоружил его и повалил на землю.

– Послушай, друг мой, – подошел к нему Капитан, – Дмитрий не виноват в смерти твоих сородичей. Поверь мне, я хорошо знаю этого человека. Он последний на всей Земле, кто бы мог причинить вред тебе и всем марконам. Оставь его в покое и помоги нам выяснить, что происходит.

– Я не поверю ни одному слову или поступку этого человека, – ответил Куэ-Тонау, поднимаясь с земли. – Но я верю тебе, Капитан. Поэтому из уважения к тебе я его не убью. По крайней мере, пока. Узнаем, что скажет верховный жрец.

Глава 40

– Михаил Григорьевич, – раздался голос секретаря по линии связи, – к вам Станислав Сергеевич. Просит немедленно принять.

«Надеюсь, новости хорошие. И так потеряли много времени», – подумал человек, которого назвали Михаил Григорьевич. Вслух он добавил:

– Пропустите.

Раздался щелчок. Компьютер автоматически разблокировал раздвижные двери, и к Михаилу Григорьевичу вошел высокий мужчина в длинном плаще из грубой кожи.

Кабинет представлял собой просторное помещение с аккуратно расставленной мебелью. Из-за отсутствия каких-либо окон вдоль стен работали компьютерные голограммы, показывающие всевозможные пейзажи в зависимости от заданной программы. Сейчас из подобного искусственного окна виднелся хвойный лес, тихо колыхнувшийся в лучах полуденного солнца.

В дальнем конце кабинета напротив двери стоял резной деревянный стол, за которым сидел мужчина, одетый в черные костюм и сорочку и белый галстук.

– Как я вижу, вы сразу с дороги, – поприветствовал вошедшего Михаил Григорьевич. – Даже не успели выйти из своего образа.

– По-другому с этими дикарями никак нельзя, – ответил Станислав Сергеевич. – Они не внемлют голосу разума, зато страх держит их в узде. Страх и деньги.

– Давайте к делу. Вы нашли корабль?

– Да.

– Это замечательно. Чипы и схемы у вас?

– Нет.

– А это уже гораздо хуже. Я бы даже сказал больше: это катастрофа, Станислав Сергеевич. Что произошло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.